

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

---

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ  
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

155

СЛАВЯНО-РУССКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

---

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ  
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

# КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

155

## СЛАВЯНО-РУССКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



---

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»  
МОСКВА 1978

Редакционная коллегия:

О. С. Гадзяцкая (ответственный секретарь), Н. Н. Гурина,  
И. Т. Кругликова (ответственный редактор),  
К. Х. Кушнарева, А. Ф. Медведев, Н. Я. Мерперт, Р. М. Мунчаев,  
П. А. Раппорт (зам. ответственного редактора),  
В. В. Седов (зам. ответственного редактора),  
Д. Б. Шелов, А. Л. Якобсон

## СТАТЬИ

С. А. ПЛЕТНЕВА

СЕКТОР СЛАВЯНО-РУССКОЙ АРХЕОЛОГИИ  
(проблемы и планы)

Сектор славяно-русской археологии был создан в 1953 г. на базе двух близких тематически секторов: этногенеза народов Восточной Европы (заведующий П. Н. Третьяков) и русской археологии (заведующий Н. Н. Воронин). Возглавил новый сектор Б. А. Рыбаков, который в течение двух десятилетий руководил его работой<sup>1</sup>. Тогда же, в 1953 г., им были сформулированы и поставлены перед сотрудниками проблемы, над которыми сектору предстояло работать: 1. Этногенез славян и их соседей; 2. Генезис и история феодализма на Руси и у соседей Руси — народов Восточной Европы; 3. Материальная культура, архитектура и искусство Руси.

Каждая из этих проблем была представлена отдельными темами, над которыми работали сотрудники сектора. Естественно, что Б. А. Рыбаков, обдумывая проблематику своего сектора, исходил из научных интересов конкретных исполнителей — членов сектора, которым предстояло разрабатывать поставленные перед ними проблемы. В дальнейшем, принимая в сектор новых сотрудников, Б. А. Рыбаков постоянно учитывал необходимость углубленного исследования выдвинутых проблем. За прошедшие десятилетия в составе сектора произошли заметные изменения: сравнительно с 1953 г. он обновился почти полностью и вырос почти в два раза (16 человек в 1953 г., 28 — в 1976 г.) Следует особенно подчеркнуть, что новое пополнение сектора в значительной степени состояло из учеников Б. А. Рыбакова, и естественно, что они продолжали работать в сфере интересов своего учителя. В результате сектор с его широкой проблематикой, охватившей по существу все аспекты средневековой истории Восточной Европы, стал для вновь поступающей молодежи школой, которую с полным основанием можно назвать «рыбаковской».

Почти каждый член сектора прошел у Б. А. Рыбакова экспедиционную многолетнюю практику, усвоил его полевую методику и методику обработки материалов (в частности, изучение стратиграфии памятника в поле, картографирование и корреляцию типов и признаков и др.), которые передаются сейчас новым поколениям молодых археологов. Однако самым существенным является то, что Б. А. Рыбаков сумел передать своим сотрудникам-ученикам увлеченность работой и искренний интерес к истории.

Изменения, происшедшие в составе сектора за прошедшие годы, привели соответственно к изменениям внутрисекторной тематики. По-



явилась необходимость конкретизировать, обновить и расширить те три основные проблемы, над которыми сектор работал почти два десятилетия:

К началу 70-х годов проблемный план сектора выглядел таким образом: 1. Этническая история славян и их соседей; 2. Генезис феодализма на Руси и у соседей Руси — балтских, финно-угорских и тюркских народов; 3. История и культура древнерусского города; 4. Возникновение и развитие славянской и древнерусской культуры; 5. Типология и хронология средневековых древностей Восточной Европы.

Рассмотрим, как развивалось и как планируется на ближайшее пятилетие исследование каждой из этих проблем.

1. Проблема этногенеза славян и их соседей в течение последних 15 лет исследовалась в основном двумя членами сектора — И. П. Русановой и В. В. Седовым. Результаты их работы нашли отражение в нескольких монографиях и многочисленных статьях, опубликованных в советских и зарубежных изданиях. В 1970 г. вышла из печати книга Седова «Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья», а в 1975 г. он завершил работу над еще одной плановой темой, подготовив к печати монографию «Происхождение и ранняя история славян». И. П. Русанова в 1973 г. опубликовала в серии САИ материалы по ранним славянам («Славянские древности VI—IX вв. между Днепром и Западным Бугом»), а в 1976 г. — большой обобщающий труд «Славянские древности VI—VII вв.» Помимо этих работ, посвященных вопросам общеславянской археологии, И. П. Русановой принадлежит исследование в серии САИ «Курганы полян X—XII вв.» (1966 г.), а В. В. Седову — два выпуска САИ: «Новгородские сопки» (1970 г.) и «Длинные курганы кривичей» (1974 г.). Эти три работы открыли целый ряд выпусков САИ, посвященных славянским летописным союзам племен. Так, в настоящее время подготовлен Г. Ф. Соловьевой свод «Радимичи», готовится выпуск «Вятичи», а в 1974 г. вышел из печати свод С. А. Плетневой «Древности Черных Клобуков» — о кочевническом вассальном Руси племенном союзе, образовавшемся в середине XII в.

В целом можно констатировать, что за прошедшие десятилетия по проблеме этногенеза в секторе проведена большая работа. В обеих своих монографиях В. В. Седов подводит итоги изучения проблемы славянского этногенеза, синтезируя данные нескольких смежных дисциплин (археологии, лингвистики, антропологии, этнографии). Сопоставляя достижения различных наук, В. В. Седов дает свою концепцию происхождения славян. Такой метод исследовательской работы не нов, однако он несомненно плодотворен при создании общих широких исторических панорам. Исследования И. П. Русановой имели несколько иной аспект. Не отрицая значения сведений, полученных из различных источников учеными других специальностей, для проблемы в целом, И. П. Русанова свои собственные изыскания направила на углубленное изучение археологических источников, уверенная не только в их абсолютной объективности, но и в высоком информационном потенциале. Прежде всего она в течение многих лет вела тотальные разведки по берегам рек изучаемого ею района и сплошные раскопки на открытых разведками славянских поселениях. Предложенный ею метод исследования массового вещественного материала — керамики — очень перспективен и в настоящее время принят большинством археологов-«керамистов».

Исследование проблемы этногенеза продолжается. Его по-прежнему ведут В. В. Седов, взявший на следующее пятилетие широкую тему «Славяне в средневековье», и И. П. Русанова, начавшая углубленное изучение польских материалов методами, апробированными на материалах культуры пражского типа (раннеславянские древности Повисленья). Большую работу, связанную с вопросами происхождения сла-

вян, оканчивает Г. Ф. Соловьева (погребальный обряд восточных славян VI—XII вв.). Всестороннему анализу археологических культур восточноевропейских финно-угров посвящена планируемая работа Р. Л. Розенфельдта о племенах Верхнего и Среднего Поволжья в I тысячелетии н. э.

Мы видим, что все разрабатываемые темы являются итоговыми. Они, как правило, используют опубликованные материалы и факты. Новыми и оригинальными будут в них методы и, очевидно, какая-то часть выводов.

Тенденция к историческому осмыслению уже накопленных материалов, несмотря на безусловную необходимость и важность обобщающих работ, все же вызывает некоторые опасения. Без притока свежих фактов работа над проблемой может зайти в тупик, как это случилось, например, с одной из ключевых ее тем, связанной с так называемой пеньковской, или пастырской, культурой. Все пишущие о ней склонны создавать свои концепции ее происхождения и этнической принадлежности. При этом все теоретические построения опираются на одни и те же уже давно известные, но тем не менее плохо обработанные историко-ведческие факты. Так же обстоит дело и с изучением этногенеза угрофинских и балтских народов: без новых полевых исследований эти темы разрабатывать нельзя. Такой же может быть и судьба проблемы в целом, если полевые работы будет по-прежнему вести только одна И. П. Русанова. Очевидно, привлечение к решению этой проблемы молодых специалистов с хорошей полевой подготовкой совершенно необходимо.

2. Проблема генезиса феодализма тесно связана с предыдущей. Порой их трудно отделить друг от друга, поскольку вопросы этногенеза славян неизбежно соприкасаются и с вопросами генезиса феодализма на Руси. Все выпуски САИ о славянских и неславянских племенных союзах содержат материалы о народах, находившихся на стадии становления феодализма. Развитию феодального общества у кочевых народов восточноевропейских степей посвящены две книги С. А. Плетневой: «От кочевий к городам» (1967 г.) и «Половецкие каменные изваяния» (1974 г.). Эпоха раннего и развитого феодализма на Руси нашла отражение в работе о наиболее архаическом славянском союзе — вятическом. Т. Н. Никольская закончила монографию «Земля вятичей XI—XIV вв.» А. А. Юшко работает над книгой «Историческая география Московской земли XII—XIV вв.» Готовится к печати работа Л. В. Алексеева «Смоленская земля X—XIII вв.» Археологические древности эпохи становления феодализма на севере нашей страны долгое время исследовались А. В. Никитиным, и в настоящее время он готовит к печати работу, включившую большой материал, добытый в многолетних экспедициях.

Вопрос о возможности использовать археологические источники для восстановления общественных отношений и мировоззрения неизменно вызывает дискуссии. Как правило, исследователи, упрощая эту сложную тему, приходят к поспешным выводам о «развитых общественных отношениях», основываясь всего лишь на некотором различии в инвентаре погребенных. Пожалуй, можно сказать, что тема методической правильности и правомерности привлечения археологических материалов к решению вопросов, связанных с общественными отношениями, является одной из основных при решении проблемы генезиса феодализма на Руси. Именно поэтому она стала ведущей в секторальном теоретическом семинаре, начавшем работать с января 1976 г.

3. Тщательный отбор фактического материала для решения социальных вопросов важен и для проблемы истории и культуры древнерусского города, поскольку до сих пор мы все еще не можем дать четкого списка археологических признаков древнерусского города, т. е. археологического определения города. Можно назвать несколько больших

монографий, написанных старшими сотрудниками сектора о различных древнерусских городах: «Древнее Гродно» Н. Н. Воронина (1954 г.), «Старая Рязань» А. Л. Монгайта (1955 г.), «Весь и Белоозеро» (1973 г.) Л. А. Голубевой. Однако ни в одной из них нет анализа археологических данных с точки зрения их полноценности как источника, благодаря которому можно было бы проследить рождение и пути развития этих городов. Правда, нужно признать, что кардинальные вопросы истории города вряд ли возможно решить на материалах отдельных памятников. Для большого и обоснованного обобщения, для выделения суммы характеризующих признаков необходимы данные исследований многих городов. Для этого прежде всего нужны широкие и активные раскопки городов и, главное, публикация результатов этих раскопок. В ближайшие годы будет написана и опубликована серия работ о различных русских городах, расположенных в самых разных и отдаленных друг от друга районах: «Друцк, Брячиславль, Мстиславль, Ростиславль» (Л. В. Алексеев), «Китай-город XII—XV вв.» (Д. А. Беленькая), «Древний Корчев» (Т. И. Макарова), «Древнерусский Серенск» (Т. Н. Никольская), «Древняя Руса» (А. Ф. Медведев), «Ярополч Залеский» и «Суздаль» (М. В. Седова), «Изборск» (В. В. Седов), «Саркел — Белая Вежа» (С. А. Плетнева).

«Городская» тематика, так же как и проблема этногенеза, нуждается в полевых исследованиях. Однако в отличие от последней она в общем неплохо обеспечена новым, ежегодно поступающим материалом. Почти все перечисленные выше города в настоящее время активно раскапываются высококвалифицированными археологами. Поэтому нет сомнения в том, что наука будет располагать первоклассными археологическими источниками. Накопление результатов полевых работ и печатных обобщений этих работ даст огромное количество информационного материала и позволит проследить общие закономерности превращения обычных поселков в поселки городского типа и затем в города, а также, что самое важное, наметить и выявить те археологически прослеживаемые черты, благодаря которым мы можем судить о таких превращениях. Ту же цель — накопление и публикация фактического материала о городах — преследует А. В. Куза в работе «Малые города древней Руси», основной задачей которой является составление карт и планов огромного количества древнерусских городищ. Массовость материала даст, очевидно, возможность, даже без значительных раскопочных работ, создать типологию этих памятников и сопоставить ее с теми данными, которые известны об этих населенных пунктах из летописи. Весьма вероятно, что именно работа над этой темой позволит проследить первые реальные археологические признаки городов, возникающих на месте укрепленных поселков или замков.

К теме «города» во всем ее объеме относятся и грандиозные исследования древнего Новгорода, которые более 30 лет ведет большой коллектив археологов, возглавляемый сейчас, после кончины А. В. Арциховского, Б. А. Колчиным и В. Л. Яниным. Работы над новгородскими материалами затрагивают почти все секторальные проблемы и дают источники для их постановки и решения. Этногенез (взаимоотношения славян и финнов), методика полевых исследований северных городов, методика датирования (в том числе дендрохронология), многие проблемы феодального города, эпиграфика, вопросы развития ремесел, международной торговли, искусства — вот самый беглый перечень тем, возникающих при работе над новгородскими материалами. В рамках сектора неоднократно выполнялись работы, основанные полностью на данных новгородских раскопок (например, о жилищах, написанные ныне покойным П. И. Засурцевым, о ювелирном деле — М. В. Седовой, о керамике — Г. П. Смирновой и т. д.). В ближайшее пятилетие будет написан Б. А. Колчиным капитальный труд «Археология Новгорода». По

мере публикации новгородских археологических материалов работы над превращением их в исторический источник будут, по-видимому, активизироваться.

К проблеме истории и культуры города следует отнести и тематику по крымским городам — в частности, по исследованию средневекового Херсонеса (Херсона), в настоящее время возглавляемому С. А. Беляевым, организовавшим в Херсонесе большую, серьезно работающую экспедицию.

4. Одним из наиболее крупных и традиционных направлений работы сектора является проблема возникновения и развития славянской и древнерусской культур. Долгое время это направление возглавлял Н. Н. Воронин. Всячески способствовал его развитию своими работами и работами своих учеников Б. А. Рыбаков. И в настоящее время его ведут в секторе в значительной степени ученики Б. А. Рыбакова — В. П. Даркевич, Т. И. Макарова, А. А. Медынцева, Т. В. Николаева. Трое из них успешно работают с произведениями прикладного искусства, о чем свидетельствуют опубликованные ими в последнее пятилетие работы: В. П. Даркевичем — «Светское искусство Византии» (1975 г.), «Художественный металл Востока» (1976 г.), Т. И. Макаровой — «Перегородчатые эмали древней Руси» (1975 г.), Т. В. Николаевой — «Произведения русского прикладного искусства с надписями XV — первой четверти XVI в.» (1971 г.), «Прикладное искусство Московской Руси» (1976 г.), а также серия публикаций, каталогов и монографий, посвященных собранию прикладного искусства из Троице-Сергиевой лавры (Загорский государственный музей).

В настоящее время работы этих трех исследователей также не выходят за рамки указанной проблемы. В. П. Даркевич начал работу над темой «Праздничная культура средневековья», Т. И. Макарова закончила монографию о древнерусских украшениях с чернью, Т. В. Николаева готовит книгу о древнерусской мелкой пластике из камня XI—XIV вв. Обе монографии позволят не только систематизировать многочисленные находки — произведения великолепного прикладного искусства древнерусских мастеров, но и будут способствовать раскрытию многих сторон идеологической жизни средневекового города. К той же исследовательской группе принадлежит и еще один ученик Б. А. Рыбакова — А. В. Чернецов, взявшийся за большую и сложную тему об историческом содержании произведений русского искусства XIII—XIV вв.

А. А. Медынцева представляет в секторе отдельную специальность — эпиграфику. В качестве аспиранта Б. А. Рыбакова она написала и подготовила к печати книгу «Древнерусские надписи-граффити из Новгородского Софийского собора» (вышла в 1978 г.), а сейчас ведет большую тему по эпиграфике домонгольской Руси.

В изучение древнерусской архитектуры большой вклад внес Н. Н. Воронин. В последние годы, уже будучи на пенсии, Н. Н. Воронин совместно с П. А. Раппопортом (Ленинград) завершил работу об архитектурных памятниках Смоленска. Параллельно с Н. Н. Ворониным и после его смерти древнерусскую архитектуру изучал Г. К. Вагнер, что нашло отражение в нескольких его монографиях: «Скульптура Владимиро-Суздальской Руси» (1964 г.), «Декоративное искусство в архитектуре Руси X—XIII вв.» (1964 г.), «Мастера древнерусской скульптуры» (1966 г.), «Скульптура древней Руси XII в.» (1969 г.) и др. Теоретическому осмыслению искусства посвящена книга Г. К. Вагнера «Проблема жанров в древнерусском искусстве» (1974 г.), а также его плановая тема «Жанр, иконография и стиль в древнерусском искусстве».

Таким образом, рассмотренная проблема имеет очень широкий диапазон — от обычной для археологов классификации археологических

древностей, публикации и анализа великолепных произведений искусства до глубоких исследований по теории искусства.

Судя по преобладающей направленности тематики, проблема в целом будет развиваться по линии исторического анализа и синтеза произведений древнерусского искусства, превращения их в полноценный исторический источник.

5. Проблема типологии и хронологии средневековых древностей Восточной Европы выделилась в самостоятельное направление совсем недавно. Толчком для этого послужили работы А. К. Амброза, занявшегося с начала 60-х годов вопросами хронологии южных, юго-восточных и восточных (преимущественно кочевнических) материалов эпохи раннего средневековья. В 1973 г. он завершил большую монографическую работу «Хронология раннесредневековых древностей Восточной Европы V—IX вв.», а сейчас продолжает фактически эту же тему, работая над хронологизацией северокавказских раннесредневековых древностей. Над темой, входящей в эту проблему, работала Т. В. Равдина (хронология вятических древностей и датировка материалов из погребений с монетами). Над вопросами типологии и хронологии работают все археологи, поэтому в трудах каждого члена сектора большой раздел посвящается исключительно данной проблематике. Это касается всех сотрудников, обрабатывающих и массовые материалы (керамику, бытовые предметы, сруб), и уникальные произведения прикладного искусства.

В докладах сотрудников сектора, как правило, особое внимание уделяется фактической (источниковедческой) части монографий, т. е. разделам, в которых рассматриваются принципы типологии и хронологии материалов. Таким образом, вопросы, связанные непосредственно с проблематикой данного направления, чаще всего являются предметом обсуждения на заседаниях сектора.

Для дальнейшей успешной работы над подавляющим большинством проблем разработка источниковедческой тематики стала в последнее десятилетие жизненно необходима, поскольку нам нужны новые источники для восстановления и дальнейшего изучения исторических процессов, протекавших в Восточной Европе в эпоху средневековья. Очевидно, проблема типологии и хронологии в ближайшее пятилетие будет пользоваться вниманием археологов-медиевистов и получит в секторе особое развитие.

Следует сказать и еще об одной проблеме, которая выкристаллизовалась в секторе за последнее десятилетие. Это проблема истории и культуры кочевых и полукочевых народов евразийских степей (в основном тюрко- и ираноязычных). До последнего времени кочевниковедческая тематика находилась на стадии всестороннего исследования источников. Как мы видели, А. К. Амброс даже формулировал свои темы источниковедчески, как бы намеренно сужая задачи, которые стояли перед ним. Те же цели исследования археологических данных, превращения их в исторический источник преследовала и С. А. Плетнева, опубликовавшая в серии САИ два выпуска о кочевнических древностях Восточной Европы. Типологией и хронологией северокавказских алаано-болгарских древностей многие годы занималась В. Б. Ковалевская. Таким образом, в секторе есть вполне реальные силы для дальнейшей разработки кочевниковедческой тематики, для написания основанных на археологических источниках исследований по истории тюрко- и ираноязычных народов Восточной Европы за целое тысячелетие (с IV по XIV в.). В сектор поступили два новых молодых сотрудника, занимающихся вопросами, связанными с историей и культурой средневековых кочевников. Это И. Л. Кызласов, разрабатывающий древности сибирских кочевников X—XIV вв., и Г. Е. Афанасьев, начавший большую работу по исследованию алаано-болгарских памятников Верхнего По-

донья (в частности, знаменитого Маяцкого городища). Именно этой проблемой в последние годы занялись несколько молодых археологов из различных городов СССР. Все они обычно делают доклады на заседаниях сектора, который таким образом участвует в руководстве их научной работой. Кроме того, сектор ежегодно организует международные симпозиумы по кочевнической тематике (советско-венгерский в 1975 г., болгаро-советский в 1976 г., советско-венгерский в 1977 г. и т. д.). Все факты говорят о том, что кочевниковедение становится одной из ведущих проблем сектора.

В предстоящее пятилетие необходимо подумать о всемерном развитии проблемы, которую можно было бы сформулировать так: «История и теория археологической медиэвистики». Пока это направление в исследованиях сектора занимает очень скромное место. Фактически к этой тематике имеет склонность только один член сектора — Л. В. Алексеев, почти факультативно занимавшийся историей белорусской археологии. Остальные сотрудники ограничиваются историографическими введениями в своих монографиях и рецензиями на книги советских и зарубежных авторов, нередко представляющими собой скорее рефераты прочитанных книг, а не критический их разбор.

Необходимость обширных историографических обзоров по проблемам, которыми в течение многих лет занимается сектор, очевидна. Необходимы специальные работы по методике обработки материалов, а также руководства по полевым исследованиям, которые обязаны написать сотрудники сектора, имеющие обширную и долголетнюю полевую практику. По-видимому, задачи данной намечающейся проблемы пока этим и ограничиваются.

Очень большое место в планах сектора на ближайшие 5—7 лет занимает работа по созданию пяти книг «Археологии СССР»: «Восточные славяне VI—XIII вв.» (В. В. Седов), «Древняя Русь» (Б. А. Колчин, Б. А. Рыбаков — редакторы, многие члены сектора — авторы), «Финно-угры и балты в средневековье» (В. В. Седов, Л. А. Голубева), «Кочевые народы Евразии в эпоху средневековья» (С. А. Плетнева, А. К. Амброз, В. Б. Ковалевская, И. Л. Кызласов), «Причерноморские города, Кавказ и Средняя Азия в эпоху средневековья» (Т. И. Макарова, А. К. Амброз, С. А. Беляев). Сектор обязан закончить подготовку к печати перечисленных книг и тем самым как бы подвести итоги более 50-летней работы советских археологов. В написании этого ответственного труда принимают участие все ведущие сотрудники сектора. Характерно, что все секторальные проблемы органически переплетены с тематикой «Археологии СССР».

Обобщение достижений советской археологии в «Археологии СССР» завершит пятилетний секторальный план. Благодаря ему выявятся слабо изученные темы, сформируются новые большие проблемы, возникнет необходимость организации новых экспедиций и всестороннего привлечения к археологическим исследованиям и историческим обобщениям данных вспомогательных и смежных наук.

<sup>1</sup> Следует помнить, что этот новый сектор на протяжении 20 лет включал группу славяно-русской археологии ЛОИА, руководимую М. К. Каргером. В нее входили такие крупные археологи, как П. Н. Третьяков, И. И. Ляпушкин, Г. Ф. Корзухина, работы которых внесли большой вклад в исследование славяно-русской проблематики. С их смертью группа невольно несколько сузила свои задачи, сосредоточив исследования в северо-западных областях РСФСР. Поэтому дирекция ИА сочла необходимым в 1974 г. реорганизовать славяно-русскую группу в отдельный сектор славяно-финской археологии, что вполне соответствует сути проводимых ленинградскими археологами-медиэвистами полевых и кабинетных работ. Подробнее о проблемах славяно-финского сектора см.: *Кирпичников А. Н.* О задачах и работе сектора славяно-финской археологии ЛОИА АН СССР в 1974—1975 гг. — *КСИА*, 150, 1977.

## АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНЕРУССКИХ ГОРОДОВ

В 1962—1976 ГГ.

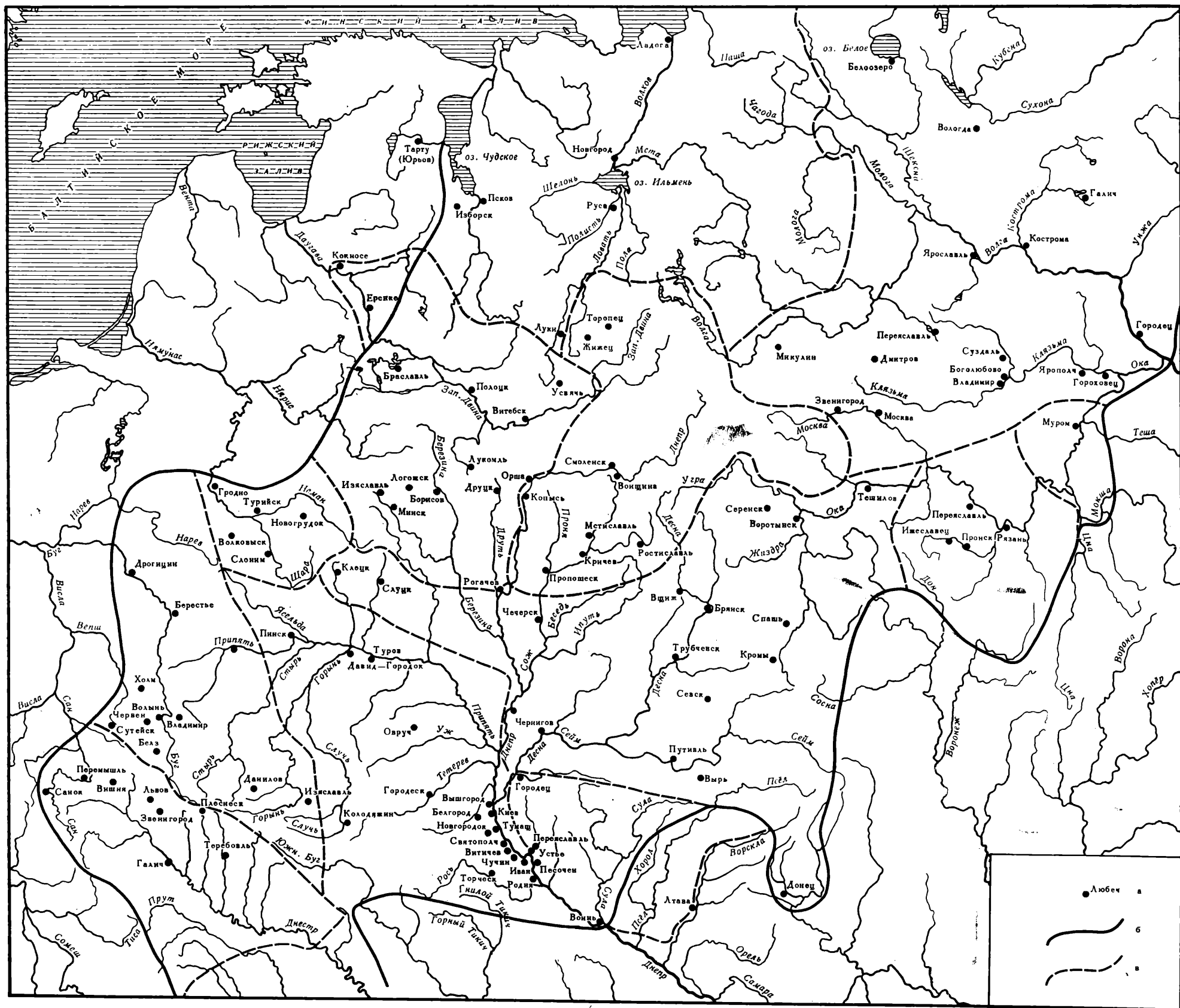
Систематическое изучение древнерусских городов по праву вошло в круг важнейших задач советской археологии. За последние десятилетия не только расширилась география исследований (рис.), но и значительно увеличились масштабы работ. Благодаря целенаправленным раскопкам городская жизнь средневековой Руси обретает рельефные очертания, наполняется конкретным содержанием. Вместе с тем размах исследований и непрерывный рост фонда источников периодически требуют хотя бы кратко суммировать итоги сделанного и обратить внимание на вновь возникшие или нерешенные проблемы. Уже дважды публиковались такие обзоры<sup>1</sup>. Последний из них Н. Н. Воронин и П. А. Раппопорт завершили очерком достижений археологического «градоведения» по 1961 г. включительно. Современность очередной сводки всех результатов археологического изучения городов древней Руси за последующие 15 лет вполне очевидна. Данная статья и посвящена этому вопросу.

На территории Южной и Юго-Западной Руси раскопки по-прежнему концентрировались в районе Среднего Поднепровья. Особое внимание исследователей привлекли города-крепости, построенные для обороны границ древнерусского государства от набегов воинственных кочевников. На берегах Днепра, Стугны, Роси и Ирпени с 1961 по 1969 г. с небольшими перерывами вела работы экспедиция Б. А. Рыбакова. Были изучены два городища у с. Витачев (летописные города Витичев и Святополч), городища у сел Заречье (Новгород Малый), Старые Безрадичи (Тумаць?), Шарки (Торческ) и Белгородка (Белгород).

Раскопки в Витачеве, завершенные в 1962 г., позволили восстановить картину жизни одного из древнейших русских городов, впервые упомянутого еще Константином Багрянородным<sup>2</sup>. Помимо уникальной сигнальной башни, остатки которой были исследованы в 1961 г., вскрыты различные оборонительные, жилые и хозяйственные сооружения. Город окружало несколько линий земляных валов и дубовых стен. Специальные укрепления защищали значительную территорию, где могли укрываться от опасности окрестное население и дополнительные резервы воинских сил. К середине XI в. после разгрома печенегов и перенесения границы Руси на юг, на берега Роси, жизнь в городе затухает. Однако в конце этого столетия, в момент сильнейшего натиска новых врагов — половцев, поблизости был построен другой город — Святополч<sup>3</sup>.

Суровый военный быт пограничной крепости, построенной Владимиром Святославичем в конце X в. на Стугне, обрисовали раскопки большого городища в с. Заречье. К детинцу, защищенному мощным валом, имевшим в основании два ряда дубовых городен и усиленным сырцовою стеной, примыкал маленький посад, также укрепленный деревянными стенами. Городище (по мнению Б. А. Рыбакова, город Новгород Малый) просуществовало очень недолго. Оно погибло в конце X в. в страшном пожаре во время одного из опустошительных набегов печенегов. Особого внимания заслуживают два серебренника Владимира, обнаруженные в развале воротной башни, точно удостоверяющие личность строителя крепости на Стугне<sup>4</sup>.

Параллельно велись работы на большом городище у с. Старые Безрадичи. На территории детинца вскрыто несколько жилищ-полуземлянок, изучены конструкции воротной башни и прилегающая к валам детинца часть посада. Это городище (вероятно, летописный город



Древнерусские летописные города, изученные археологами

а — летописные города, исследованные археологически; б — граница Руси XII—XIII вв.; в — граница древнерусских земель-княжеств середины XII — начала XIII в.



Тумащ) возникло во второй половине XI в., функционировало как один из опорных пунктов ближней обороны Киева против половцев и прекратило существование в XIII в.<sup>5</sup> Попутно экспедиция обследовала и другие городища и оборонительные («змиевы») валы в бассейне Стугны. Исчерпывающий ответ о времени сооружения стугненского оборонительного вала получен не был, но в результате недавних работ украинских археологов можно утверждать, что эти валы не только использовались, но строились или по крайней мере перестраивались в конце X — начале XI в.<sup>6</sup>

С задачей всестороннего изучения системы обороны Киевской земли от набегов кочевников непосредственно связаны и раскопки одного из крупнейших древнерусских городов — Белгорода на р. Ирпень (с. Белгородка). Помимо экспедиции Б. А. Рыбакова (1968—1969 гг.) здесь уже в течение ряда лет работает археологическая экспедиция Киевского университета под руководством Г. Г. Мезенцевой. В детинце были вновь исследованы фундаменты одноапсидной кирпичной церкви, вероятно, построенной над кельей и усыпальницей известного белгородского епископа Максима<sup>7</sup>. На посаде открыты многочисленные полуземляночные жилища и производственные комплексы. Удалось уточнить первоначальную планировку укреплений, определить место предшествовавшего городища и восстановить картину постепенного роста территории города<sup>8</sup>.

Большой интерес представляют раскопки городищ в Поросье и на Днепре, южнее Витичева. В 1966 г. Б. А. Рыбаков провел стационарные работы на огромном городище у с. Шарки на речке Гороховатке, притоке Роси<sup>9</sup>. Это городище давно уже связывают с летописным Торческом, столицей тюркских племен — вассалов Киева. Его укрепления имеют сложную структуру: два овальных городища объединены длинным полукруглым валом, а внутри северного городища сохранился еще округлый детинец площадью около 1 га. В центре детинца обнаружено кладбище XI—XIII вв. с погребениями полян. Рядом, по-видимому, располагалась деревянная церковь, интерьеру которой принадлежали найденные майоликовые плитки и обломки бронзового хороса. Детинец был русским кварталом столицы торков-кочевников, большая часть территории которой использовалась как временное убежище.

Завершены работы на городище Княжая Гора (древняя Родня) близ устья Роси. Итоги многолетних исследований этого сложного памятника подведены в монографии Г. Г. Мезенцевой<sup>10</sup>. В околном городе и на детинце выявлено около 60 жилищ-полуземлянок, множество хозяйственных ям и иных помещений. Восстановлена топография поселения, направление улиц, рядовая застройка. Большинство находок относится к XII—XIII вв.

Разнообразный материал, характеризующий быт феодальных замков-крепостей XII—XIII вв., получен в результате широкого изучения Щучинского городища (город Чучин) и Иван-горы (город Иван) на правом берегу Днепра, недалеко от Ржищева<sup>11</sup>. Щучинское городище состоит из детинца (1,2 га) и укрепленного посада (3,7 га). В валу детинца прослежен ряд городен, заполненных землей, к которым изнутри примыкал ряд жилых клетей. Обнаружены также и другие жилища — полуземлянки (более ранние) и наземные столбовой конструкции (более поздние). Раскопками на Иван-горе вскрыта площадь около 4000 кв. м, найдено более 40 жилищ срубной и столбовой конструкции, слегка углубленных в землю. Двойной ряд связанных между собой дубовых городен составлял основу вала городища. Во внутреннем ряду жилые городни чередовались с городнями, целиком засыпанными грунтом.

Из работ на левобережье Днепра следует отметить открытие в переславском детинце фундаментов монументальной каменной постройки

гражданского типа<sup>12</sup>, а в околном городе — нескольких жилищ-полуземлянок XII—XIII вв.<sup>13</sup> Исследования Б. А. Рыбакова в Путивле уточнили дату строительства кирпичного храма — канун татаро-монгольского нашествия<sup>14</sup>. М. П. Кучера провел раскопки нескольких древнерусских городищ на Переяславщине, в том числе городов Устья на Трубеже и расположенного южнее Песочена (?)<sup>15</sup>. Первый занимал территорию около 10 га, среди находок преобладают материалы XII—XIII вв. Вокруг детинца во втором городе, окруженного мощным кольцевым валом диаметром 57 м и рвом, выходы культурного слоя прослеживаются на территории 15 га. Судя по добытым материалам, жизнь здесь прервалась после опустошительного пожара в начале XII в.

Вышли в свет отчеты и исследования, суммирующие результаты работ украинских археологов на древнерусских памятниках в предшествующие годы<sup>16</sup>.

Сплошное обследование городищ на Нижней и Средней Суле дополняют археологические разведки в верховьях реки и по ее притокам, уточнившие местоположение летописных городов Выханя и Попаша и хронологию древнерусских памятников этого района<sup>17</sup>.

Планомерные раскопки Киева ежегодно открывают новые производственные и жилые комплексы, памятники архитектуры и художественного ремесла<sup>18</sup>. Вопросам исторической топографии города, этапам формирования его территории, реконструкции вероятных размеров и подсчету численности населения древнего Киева посвящена монография П. П. Толочко<sup>19</sup>. Особо следует отметить выявление в черте старого города следов раннеславянских поселений VI—VII вв.<sup>20</sup> Не менее важным достижением ознаменовались работы на Подоле. Оказалось, что этот обширный посадский район в X—XIII вв. был застроен наземными жилищами-срубами<sup>21</sup>.

Интенсивно исследовались древнерусские города на юго-западе Украины и севере Молдавии. Были возобновлены или продолжены работы в Галиче<sup>22</sup>, Луцке<sup>23</sup>, Плеснеске<sup>24</sup>. Завершились многолетние раскопки в Изяславле (с. Городище близ г. Шепетовка)<sup>25</sup>. В Звенигороде на Белке обнаружены фундаменты белокаменного княжеского дворца, добыт разнообразный вещевой материал<sup>26</sup>. Обследованы и частично изучены летописные города Данилов<sup>27</sup>, Бакота<sup>28</sup>, Перемиль<sup>29</sup>, Дорогобуж<sup>30</sup>, Острог<sup>31</sup>, Васильев<sup>32</sup>. Благодаря раскопкам и разведкам последних лет, выявлено несколько городов, не известных летописи и существовавших лишь в течение X—XI вв.: у сел Листвин<sup>33</sup>, Грозници<sup>34</sup>, Острожец<sup>35</sup>. Аналогичная датировка подтверждена для памятников на Среднем Днестре — Екимавцы и Алчедар (город Черн?)<sup>36</sup>. Великолепный клад золотых и серебряных вещей найден на городище XII—XIII вв. на р. Згар<sup>37</sup>. Городища Ломачинское (Галица)<sup>38</sup> и Судовая Вишня<sup>39</sup> (возможно, летописные города Кучелмин и Вишня), первые укрепления которых были возведены в X в. на месте более древних славянских поселений, развивались вплоть до середины XIII в. Вероятное местонахождение города Болохова (современный г. Любар) — центра одноименной земли-волости — удалось установить С. А. Липко<sup>40</sup>.

Польские археологи опубликовали большую работу, посвященную итогам исследований одного из крупных западнорусских городов — Перемышля на р. Сан<sup>41</sup>.

Таким образом, археологическая карта Юго-Западной Руси пополнилась многими новыми пунктами. Собранный в раскопках обширный материал, ярко характеризующий различные стороны городской жизни X—XIII вв. в Галицко-Волынских землях, получил первые опыты обобщения<sup>42</sup>. Достижения и задачи современного этапа исследований древнерусских городов и городищ на Украине освещены в коллективном труде украинских археологов<sup>43</sup>.

Быстрыми темпами идет изучение средневековых городов на территории Белоруссии. Систематические раскопки Бреста — Берестяя вскрыли в семиметровой толще культурного слоя деревянные настилы улиц, срубы по 8—12 венцов с дверными проемами, хозяйственные постройки XI—XIII вв.<sup>44</sup> Продолжались работы в городах Черной Руси. На детинце и посаде древнего Новогрудка обнаружены многочисленные жилые и хозяйственные комплексы, дома феодальной знати<sup>45</sup>.

Значительная площадь — более 4800 кв. м — исследована в Волковыске. Среди многочисленных находок XI—XIV вв. — кожаные и каменные иконки, шахматные фигуры, импортные изделия западноевропейского художественного ремесла, предметы вооружения. В окольном городе открыты остатки каменного храма XII в. Как и Новогрудок, Волковыск возник на месте более раннего неукрепленного поселения<sup>46</sup>.

Небольшие раскопки проведены в Турийске<sup>47</sup> и в Слониме<sup>48</sup>. Оба города упоминаются летописью со второй половины XIII в. Но согласно полученным археологическим данным они возникли не позднее рубежа XI—XII вв.

Два неизвестных ранее города — Веверск и Острее, упомянутых в Списке русских городов дальних и ближних конца XIV в., обследовал В. В. Седов<sup>49</sup>. Оба городища правильной кольцевой формы относятся к XII—XIII вв.

Материалы раскопок одного из самых западных древнерусских городов — Дрогичина — опубликованы в Польше<sup>50</sup>. Интересные результаты получены во время исследования Турова, Пинска и Давид-городка<sup>51</sup>. Везде зафиксирован мощный культурный слой, хорошо сохраняющий органику. Вскрыто несколько строительных горизонтов с деревянными постройками, уличными мостовыми. Собрана большая коллекция находок. Раскопки уточнили дату возникновения Турова (вторая половина X в.), Пинска (середина XI в.) и Давид-городка (рубеж XI—XII вв.).

Небольшие разведочные работы проведены в Слуцке и Клецке, а также в Рогачеве<sup>52</sup>, принадлежавших в XII — начале XIII в. черниговским князьям. В первых двух обнаружен культурный слой толщиной до 4 м, насыщенный обычными находками городского типа. Судя по керамике, оба поселения возникли в конце XI — начале XII в. Сходный характер имеют материалы из Рогачева. Правда, здесь не сохраняется дерево, а слой сильно нарушен перекопами.

Предварительные раскопки осуществлены в Посожье на городищах Кричева, Прупоя и Чечерска<sup>53</sup>.

Два небольших городка Копысь и Орша, известные по летописи с XI в., обследованы на Днепре<sup>54</sup>. На первом вскрыта площадь около 600 кв. м, а на втором — около 500 кв. м. Собранный материал в основном принадлежит XII—XIII вв., находки XI в. единичны.

Постоянно ведутся раскопки в древнем Полоцке, охватившие площадь свыше 1300 кв. м при толщине культурного слоя до 5 м. Обнаружены остатки более 70 деревянных построек: жилищ, мастерских, хлебов, амбаров, уличных настилов и чостоколов. Большинство находок, включая прекрасные произведения художественного ремесла, датируются концом X—XIII в. Археологические данные убедительно свидетельствуют о выдающейся роли Полоцка в истории древней Руси<sup>55</sup>.

Вторым по значению городом Полоцкой земли был Витебск, археологическое исследование которого еще только началось. Древнерусское поселение здесь существовало уже в конце X в. на месте более древнего поселка с керамикой типа Колочин-Банцеровщина<sup>56</sup>.

Многолетние археологические работы Л. В. Алексеева в Друцке показали, что укрепленное поселение там основано в самом конце X или начале XI в.<sup>57</sup> В детинце открыты мощенные деревом улицы и деревянные постройки различного назначения. Укрепления окольного города возведены на рубеже XI—XII столетий.

Производились раскопки Лукомля, Логойска, Изяславля и Борисова<sup>58</sup>. Оказалось, что Лукомль возник одновременно с Полоцком и Витебском, Логойск — в самом конце X — начале XI в. К тому же времени относятся нижние напластования в Изяславле, а Борисов целиком принадлежит XII—XIII вв.

Итогам археологического изучения Минска посвящена монография Э. М. Загоруйского<sup>59</sup>.

Массовое исследование средневековых памятников позволило подготовить обобщающие труды по истории древнерусских земель и их центров, расположенных на территории БССР<sup>60</sup>.

Дальнейший шаг вперед сделан в изучении городов и городищ русских северо-западных княжеств — Смоленского и Новгородского. Продолжались планомерные раскопки Смоленска, где параллельно исследовались жилые кварталы (Д. А. Авдусин) и архитектурные памятники (Н. Н. Воронин, П. А. Раппопорт). Были возобновлены раскопки на Центральном городище и селище у Гнездовского курганного могильника, обнаружившие там слои с лепной керамикой. Эти открытия послужили поводом для новой дискуссии о первоначальном месте Смоленска<sup>61</sup>. Однако решение спорного вопроса зависит от возможности твердо установить наличие или отсутствие культурных отложений IX—X вв. в самом Смоленске, что, как показывает пример Новгорода, даже при значительном масштабе археологических работ, в современном городе сделать далеко не просто.

Из новых раскопок смоленских городов, помимо упомянутых выше Кричева, Пруоя, Орши и Копыси, большой интерес представляют исследования Л. В. Алексеева в Мстиславле и Рославле<sup>62</sup>. Оба городища имеют правильную округлую форму, основаны в XII в.

К. В. Павлова и П. А. Раппопорт начали раскопки городища Осовик на Десне<sup>63</sup>. В детинце и околном городе найдены остатки срубных жилых и хозяйственных построек. Большинство собранных материалов датируется началом XII—XIII в.

В 1961 и 1965 гг. были продолжены работы в Торопце<sup>64</sup>. Изучено девять строительных горизонтов, нижний из которых датируется рубежом XI—XII вв. Оказалось, что первые городские укрепления здесь возведены в XI в.

Новыми достижениями ознаменовались работы коллектива Новгородской археологической экспедиции. Создание абсолютной дендрохронологической шкалы позволяет теперь точно датировать все находки и сооружения из многометровой толщи культурного слоя<sup>65</sup>. Интересные результаты получены при раскопках Готского двора и в пределах древних Славенского и Людина концов. Число найденных берестяных грамот превысило 500. Большим вкладом в изучение истории Новгорода явились работы П. И. Засурцева, посвященные усадьбам и постройкам, динамике их развития, закономерностям устойчивой внутригородской планировки<sup>66</sup>. Новые исследования в детинце и на валах околного города изменили сложившиеся представления о времени их сооружения<sup>67</sup>.

Не прекращаются археологические изыскания в Пскове — в центральной части древнего города (архитектурные памятники) и на посаде (жилые кварталы)<sup>68</sup>. Подробно разработаны вопросы исторической топографии Пскова<sup>69</sup>.

В 1971 г. возобновились раскопки на Труворовом городище в Изборске<sup>70</sup>. Итоги предшествующего изучения этого интереснейшего памятника были подведены Г. П. Гроздиловым<sup>71</sup>. Новые работы значительно дополнили представления о развитии Изборска. Поселение возникло здесь на рубеже VII—VIII вв. В X столетии оно приобретает черты настоящего города с тесной застройкой. На рубеже XI—XII вв. вокруг сооружается каменная стена.

С 1966 г. проводит раскопки в Старой Руссе А. Ф. Медведев<sup>72</sup>.

Сохранность культурного слоя, типы сооружений и ассортимент находок — все сходно здесь с Новгородом. Обнаружены берестяные грамоты. Зафиксированы напластования начала XI в., что значительно (на 100 с лишним лет) отодвигает вглубь дату становления города по сравнению с первым упоминанием его в летописи.

Ленинградские археологи развернули планомерное изучение северо-западных русских средневековых крепостей: Орешка (А. Н. Кирпичников, В. И. Кильдюшевский), Копорья (О. В. Овсянников), Ладоги (А. Н. Кирпичников), а также Тиверска, Корелы, Ям-города и др. Эти работы уже принесли ощутимые результаты, заставляющие по-новому оценивать стратегию и тактику обороны населенных пунктов на Руси в эпоху средневековья. В Ладоге найдены остатки каменной стены 1114 г., местами сохранившейся на высоту нескольких метров. Под ней прослежены фундаменты еще более древнего сооружения X в.

На северо-востоке территории Руси провели серию разведочных раскопок средневековых укрепленных пунктов О. В. Овсянников и А. В. Никитин. Удалось восстановить планировку и раскрыть структуру каменных оборонительных линий Орлецкого городка XIV в. в низовьях Северной Двины<sup>73</sup>. На городище в Устюжне отмечены находки XI—XII вв.<sup>74</sup> Л. А. Голубевой полностью опубликованы материалы из раскопок древнего Белоозера<sup>75</sup>. Русский город с самобытной и яркой культурой, впитавшей в себя многие черты быта местных угро-финских племен, стал центром окрестных земель в X в.

На основной территории Владимиро-Суздальского княжества завершено археологическое изучение городов в низовьях Клязьмы<sup>76</sup>. Вырисовалась картина постепенного (XI—XIII вв.) освоения этих районов владимирскими князьями. Вновь начаты раскопки детинца и посада в Суздале (В. В. и М. В. Седовы). Небольшие работы в Ростове Великом показали хорошую сохранность в культурном слое домонгольского времени деревянных сооружений<sup>77</sup>. Получены новые данные о конструкции валов Переяславля-Залесского<sup>78</sup>. Интересные материалы добыты при раскопках в Звенигороде под Москвой (А. А. Юшко) и на городище Хлепень на Вазузе (К. А. Смирнов). Археологические наблюдения и стационарные исследования в Московском Кремле и на посаде проливают свет на ранние этапы существования нашей столицы<sup>79</sup>. Раскопки дворцовых комплексов провел в Александровской слободе Б. А. Рыбаков (1970—1971 гг.).

Древнерусские центры Подесенья и верхнего течения Оки с притоками — северных районов Черниговского княжества — также постоянно привлекают внимание археологов. Раскопки в Брянске подтвердили время основания города — середина XII в., установленное по первому упоминанию о нем на страницах письменных источников<sup>80</sup>. К сходному заключению пришел П. А. Раппопорт после работ в Трубчевске<sup>81</sup>.

Многолетние исследования в земле вятичей осуществляет Т. Н. Никольская. Разведками и раскопками охвачены десятки древних населенных пунктов. Высокий уровень развития вятических городов XII—XIII вв. доказан на примере городищ в Серенске и Слободке<sup>82</sup>. Составлена историческая карта городов и феодальных центров этого района и подведены предварительные итоги их изучения<sup>83</sup>.

Продолжаются планомерные раскопки Старой Рязани (А. Л. Монгайт, В. П. Даркевич), пополнившие наши знания о жизни этого крупнейшего из юго-восточных древнерусских городов<sup>84</sup>. Проведены небольшие по объему, но важные по значению работы в Новом Ольговом городке<sup>85</sup>, Пронске<sup>86</sup> и Муроме<sup>87</sup>.

Нельзя не отметить также исследования городов, расположенных вне основной территории древней Руси, но длительное время тесно связанных с ней. Речь идет о Тарту (Юрьеве) в Эстонии<sup>88</sup>, Кукейносе (Кукнезе) в Латвии<sup>89</sup> и Корчеве (Керчи) в Крыму<sup>90</sup>.

В изучении проблемы становления и развития русского средневекового города за прошедшие 15 лет (1962—1976 гг.) сделан новый качественный шаг вперед. Археологические раскопки и разведки охватили практически все древнерусские земли. Опубликованы археологические карты Украины и Белоруссии. Готовятся к печати подробные своды археологических памятников по областям РСФСР. Из более чем 400 городов X—XIII вв., упомянутых в различных письменных источниках, около 100 (25%) уже стали объектами сравнительно систематических раскопок. Почти столько же пунктов внимательно обследованы археологами<sup>91</sup>. Известно свыше 1 тыс. «безымянных» городищ древнерусского времени. Треть из них в той или иной степени изучалась специалистами. В распоряжение исследователей поступил обширный материал для всестороннего решения вопросов истории городской жизни на Руси. Частично эта задача выполнена в коллективных и монографических трудах.

Намечены основные закономерности развития древнерусского военно-инженерного дела, определены особенности планировки укреплений и оптимальные размеры площади, свойственные городам в точном смысле этого слова<sup>92</sup>. Увидели свет новые опыты типологической и социально-исторической классификации укрепленных поселений<sup>93</sup>. Опубликован свод материалов по истории древнерусского жилища<sup>94</sup>.

Однако продолжают сказываться объективные трудности интерпретации археологических источников и относительно малая территория изученных городских участков. Опыт раскопок широкими площадями Любеча, Воиня, Новогрудка, Ярополча-Залесского, Старой Рязани, Новгорода и некоторых других памятников изменил упрощенные представления о социальной структуре и топографии, составе населения, внешнем облике, экономическом и культурном развитии древнерусских городов. Пример Новгорода — особенно показатель<sup>95</sup>.

Необходимо шире развернуть комплексное изучение городов с их сельской округой. Ждут своей очереди вопросы демографии, реконструкции архитектурного облика поселений и повседневного быта горожан. Остро ощущается отсутствие единых археологических критериев определения социального типа памятника.

Археологии принадлежит ведущее место в разработке совокупности проблем, объединенных понятием «древнерусский город». И нет сомнения, что большой коллектив археологов, избравших научным поприщем «городскую» тематику, оправдает возложенные на него надежды.

<sup>1</sup> Воронин Н. Н. К итогам и задачам археологического изучения древнерусского города.— КСИИМК, XLI, 1951; Воронин Н. Н., Раппопорт П. А. Археологическое изучение древнерусского города.— КСИА, 96, 1963.

<sup>2</sup> Рыбаков Б. А. Любеч и Витачев — ворота «внутренней Руси». — В кн.: Тезисы докладов советской делегации на I Международном конгрессе славянской археологии в Варшаве. М., 1965; *он же*. Владимировы крепости на Стугне.— КСИА, 100, 1965.

<sup>3</sup> Плетнева С. А., Макарова Т. И. Южное городище у с. Витачева.— КСИА, 104, 1965.

<sup>4</sup> Рыбаков Б. А. Владимировы крепости...; *он же*. «Застава богатырская» на Стугне.— В кн.: Города феодальной России. М., 1966; Мединцева А. А. Серебренники из Новгорода Малого.— СА, 1969, № 4.

<sup>5</sup> Рыбаков Б. А. Владимировы крепости...; *он же*. Политическое и военное значение южной Русской земли в эпоху Слова о полку Игореве.— Вопросы географии, 83, 1970.

<sup>6</sup> Кучера М. П., Кравченко Н. М., Юра Р. А., Гонак В. Д. Знахідка в «Змиївовому валу». — Археологія, 18, 1975.

<sup>7</sup> АО 1968—1969 гг. М., 1969—1970.

<sup>8</sup> Мезенцева Г. Г. Про топографію стародавнього Білгорода.— Український історичний журнал, 1968, № 8; *она же*. О некоторых особенностях планировки древнего Белгорода.— В кн.: Культура средневековой Руси. Л., 1974. См. также АО 1965—1976 гг. (М., 1966—1977).

<sup>9</sup> АО 1966 г. М., 1967.

- <sup>10</sup> Мезенцева Г. Г. Древньоруське місто Родень. Київ, 1968.
- <sup>11</sup> Гончаров В. К. Древньоруське городище Іван-гора.— Археологія, XVI, 1964; Довженок В. І. Літописний Чучин.— Там же.
- <sup>12</sup> Асеев Ю. В., Сикорский М. И., Юра Р. А. Памятник гражданского зодчества XI в. в Переяславе-Хмельницьком.— СА, 1967, № 1.
- <sup>13</sup> Юра Р. А. Археологические исследования на посаде древнего Переяслава в 1965—1966 гг.— АИУ, I, 1967.
- <sup>14</sup> АО 1965 г. М., 1966.
- <sup>15</sup> Кучера М. П. До питання про древньоруське місто Устя на р. Трубіж.— Археологія, XXI, 1968; *он же*. Давньоруське городище біля с. Городище під Переяславом-Хмельницьким.— Археологія, XXIV, 1970.
- <sup>16</sup> Довженок В. И., Гончаров В. К., Юра Р. О. Древньоруське місто Воїнь. Київ, 1966; Кучера М. П. Древньоруське городище в х. Миклашевському.— Археологія, XIV, 1962; Богусевич В. А. Остерский городок.— КСИА АН УССР, 12, 1962; Шрамко Б. А. Древности Северского Донца. Харьков, 1962.
- <sup>17</sup> Моргунов Ю. Ю. Разведки на Сумщине.— АО 1972 г. М., 1973; *он же*. Новый вариант печати Владимира Мономаха.— КСИА, 144, 1975.
- <sup>18</sup> Толочко П. П., Килевич С. Р. Новые исследования Старокиевской горы.— АИУ, I, 1967; *они же*. Из работ Киевской археологической экспедиции.— АИУ, II, 1969; *они же*. Археологические раскопки на Старокиевской горе.— АИУ, III, 1971; *они же*. Археологічні дослідження Старокиївської гори 1965—1968 рр.— КС; Кілієвич С. Р. Розкопки на схилах Старокиївської гори.— АДУ, IV, 1972; *она же*. Дослідження Старокиївської гори.— СК; Толочко П. П. Нові розкопки в Києві.— Український історичний журнал, 1965, № 9; Толочко П. П., Гупало К. М. Розкопки Києва у 1969—1970 рр.— СК.
- <sup>19</sup> Толочко П. П. Історична топографія стародавнього Києва. Київ, 1970.
- <sup>20</sup> Шовкопляс А. М. Раннеславянское поселение в Киеве.— АО 1969 г. М., 1970; *она же*. Раскопки на Оболони в Киеве.— АО 1971 г. М., 1972; *она же*. Дослідження на березі Почайни в Києві.— АДУ, IV, 1972.
- <sup>21</sup> Толочко П. П. Новые археологические открытия в Киеве.— ВИ, 1973, № 4; Гупало К. М., Толочко П. П. Давньокиївський Поділ у світлі нових археологічних досліджень.— СК.
- <sup>22</sup> Аулиц В. В. Дослідження Галича і Дорогобужа.— АДУ, IV, 1972. См. также: АО 1969—1974 гг. (М., 1970—1975).
- <sup>23</sup> Кучера М. П. Розкопки на околиці Луцька.— АДУ, IV, 1972.
- <sup>24</sup> Багрий Р. С., Ратич А. А. Исследования древнего Плеснеска.— АО 1970 г. М., 1971.
- <sup>25</sup> Каргер М. К. Древнерусский город Изяславль в свете археологических исследований 1957—1964 гг.— В кн.: Тезисы докладов советской делегации на I Международном конгрессе славянской археологии в Варшаве. М., 1965.
- <sup>26</sup> Ратич А. А. Літописний Звенигород.— Археологія, 12, 1973.
- <sup>27</sup> Раппопорт П. А. Данилов.— КСИА, 125, 1971.
- <sup>28</sup> См. сообщения И. С. Винокура в АО 1970 г. (М., 1971), а также П. А. Горишнего и Р. А. Юры — в АО 1974—1975 гг. (М., 1975—1976).
- <sup>29</sup> Ратич А. А. Исследования в с. Перемиль на Волини в 1963—1964 гг.— В кн.: Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. Баку, 1965.
- <sup>30</sup> См. сообщения Ю. М. Никольченко и Э. Ф. Киян в АО 1972—1973 гг.
- <sup>31</sup> Годованюк О. М. Найдавнішні оборонні споруди на Замковій горі в м. Острозі.— АДУ, IV, 1972.
- <sup>32</sup> Тимошук Б. О. Північна Буковина — земля слов'янська. Ужгород, 1969.
- <sup>33</sup> Пелешишин Н. А., Чайка Р. М. Раскопки у с. Листвин на Волини.— АО 1971 г. М., 1972.
- <sup>34</sup> Тимошук Б. О. Слов'янське городище Грозинці на Буковині — Археологія, 13, 1974.
- <sup>35</sup> Раппопорт П. А. Археологические и архитектурные заметки.— КСИА, 96, 1963.
- <sup>36</sup> Федоров Г. Б. Работы Пруто-Днестровской экспедиции в 1960—1961 гг.— КСИА, 99, 1964; *он же*. Работа Пруто-Днестровской экспедиции в 1963 г.— КСИА, 113, 1968; *он же*. Посад Екимавского поселения.— В кн.: Культура древней Руси. М., 1966.
- <sup>37</sup> Якубовський В. І. Давньоруський скарб з с. Городища Хмельницької області.— Археологія, 16, 1975.
- <sup>38</sup> Тимошук Б. О. Ломачинське городище.— Археологія, 9, 1973.
- <sup>39</sup> Ратич О. О. Результати досліджень давньоруського городища Замчиська в м. Судова Вишня.— МДАПВ, 4, 1962.
- <sup>40</sup> Ликчо С. А. Археологічна розвідка давньоруського міста Болохова.— Археологія, 12, 1973.
- <sup>41</sup> Kunysz A., Persowski Fr. Przemysł w starożytności i sredniowieczu. Rzeszów, 1966.
- <sup>42</sup> Ратич О. О. До питання про розташування і оборонні споруди давньоруських городів Південно-Західної Русі.— МДАПВ, 5, 1964; Тимошук Б. О. Слов'янські гради Північної Буковини. Ужгород, 1975; *он же*. Населення Прикарпаття і Волині за доби розкладу первіснообщинного ладу та в давньоруський час. Київ, 1976, с. 148—171.

- <sup>43</sup> Археологія Української РСР, т. III. Київ, 1975, с. 179—296.
- <sup>44</sup> *Лысенко П. Ф.* Археологические исследования древнего Берестья в 1969 г.— В кн.: *Беларускія старажытнасці*. Менск, 1972; *он же*. Раскопки Бярэзця.— *Помнікі гісторыі і культуры Беларусі*, 1, 1971.
- <sup>45</sup> *Гуревич Ф. Д.* К истории Новогрудка X—XI вв.— В кн.: *Культура и искусство древней Руси*. Л., 1967; *она же*. Дом боярина XII в. в древнерусском Новогрудке.— КСИА, 99, 1964; *она же*. Новые материалы по истории Новогрудка.— КСИА, 120, 1969; *она же*. Некоторые итоги археологического исследования детинца древнего Новогрудка.— КСИА, 139, 1974; *Зильманович И. Д.* Раскопки в детинце Новогрудка в 1962 г.— КСИА, 104, 1965; *Малевская М. В.* О датировке нижнего горизонта Новогрудка.— КСИА, 104, 1965.
- <sup>46</sup> *Зверуго Я. Г.* Древний Волковыск (X—XIV вв.). Минск, 1975.
- <sup>47</sup> *Очерки по археологии Белоруссии*, ч. II. Минск, 1972, с. 148, 149.
- <sup>48</sup> *Зверуго Я. Г.* Раскопки древнего Слонима.— В кн.: *Древности Белоруссии*. Минск, 1969.
- <sup>49</sup> *Седов В. В.* К истории поселений Черной Руси.— КСИА, 139, 1974.
- <sup>50</sup> *Misiałowicz K.* Drobiezup we wczesnym Sredniowieczu.— In: *Materiały wczesnośredniowieczne*, t. VI. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1969.
- <sup>51</sup> *Лысенко П. Ф.* Города Туровской земли. Минск, 1975.
- <sup>52</sup> Там же.
- <sup>53</sup> *Очерки по археологии Белоруссии*, ч. II. Минск, 1972, с. 126, 127, 130—133; *Штызов Г. В.* Города Белоруссии по летописям и раскопкам. Минск, 1975.
- <sup>54</sup> *Штызов Г. В.* Города Белоруссии...
- <sup>55</sup> *Штызов Г. В.* Древний Полоцк (IX—XIII вв.). Минск, 1975.
- <sup>56</sup> *Очерки по археологии Белоруссии*, ч. II. Минск, 1972, с. 77—80.
- <sup>57</sup> *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля. М., 1966, с. 149—161.
- <sup>58</sup> *Штызов Г. В.* Раскопки в Лукомле в 1966—1968 гг.— В кн.: *Древности Белоруссии*. Минск, 1969; *он же*. Раскопки в Логойске в 1968 г.— В кн.: *Тезисы докладов к конференции по археологии Белоруссии*. Минск, 1969; *он же*. Заславль в свете раскопок 1967—1968 гг.— Там же; *он же*. Исследования в Северной Белоруссии.— АО 1969 г. М., 1970.
- <sup>59</sup> *Загоруйский Э. М.* Древний Минск. Минск, 1963.
- <sup>60</sup> *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля; *Лысенко П. Ф.* Города Туровской земли; *Гуревич Ф. Д.* О времени возникновения городов на территории Белоруссии.— In: *Studia archaeologica in memoriam Harri Mooga*. Tallin, 1970; *Очерки по археологии Белоруссии*, ч. II. Минск, 1972.
- <sup>61</sup> *Авдусин Д. А.* К вопросу о происхождении Смоленска и его первоначальной топографии.— В кн.: *Смоленск. К 1100-летию первого упоминания города в летописи*. Смоленск, 1967; *Ляпушкин И. И.* Новое в изучении Гнездова.— АО 1967 г. М., 1968; *он же*. Гнездово и Смоленск.— В кн.: *Проблемы истории феодальной России*. Л., 1971; *Булкин В. А., Лебедев Г. С.* Гнездово и Бирка (К проблеме становления города).— В кн.: *Культура средневековой Руси*. Л., 1974.
- <sup>62</sup> *Алексеев Л. В.* Раскопки в Мстиславле, Рославле и в окрестностях Друцка.— АО 1969 г. М., 1970; *он же*. Старожитыня Мстислава.— *Помнікі гісторыі і культуры Беларусі*, 1, 1971; *он же*. Древний Ростиславль.— КСИА, 139, 1974; *он же*. Древний Мстиславль (по материалам раскопок 1959—1964, 1968 и 1969 гг.).— КСИА, 146, 1976.
- <sup>63</sup> *Павлова К. В., Раппопорт П. А.* Городище Осовик.— СА, 1973, № 1; *Раппопорт П. А.* О местоположении смоленского города Заруба.— КСИА, 129, 1972.
- <sup>64</sup> *Малевская М. В.* Раскопки на Малом Торопецком городище в 1961 г.— КСИА, 110, 1967; *она же*. Раскопки древнего Торопца.— АО 1965 г. М., 1966.
- <sup>65</sup> *Колчин Б. А.* Дендрохронология Новгорода.— МИА, № 117, 1963; *он же*. Дендрохронология построек Неревского раскопа.— МИА, № 123, 1963.
- <sup>66</sup> *Засурцев П. И.* Усадьбы и постройки древнего Новгорода.— МИА, № 123, 1963; *он же*. Новгород, открытый археологами. М., 1967.
- <sup>67</sup> *Алешковский М. Х.* Новгородский детинец 1044—1430 гг. (по материалам новых исследований).— *Архитектурное наследие*, 14, 1963; *Алешковский М. Х., Красноречьев Л. Е.* О датировке вала и рва Новгородского острога.— СА, 1970, № 4; *они же*. К датировке вала и рва Новгородского острога.— СА, 1972, № 3.
- <sup>68</sup> См. сообщения В. Д. Белецкого и И. К. Лабутиной в АО.
- <sup>69</sup> *Гроздилов Г. П.* К вопросу о топографии древнего Пскова.— В кн.: *Археологический сборник*, 6. Л., 1964; *Голунова И. К.* К топографии средневекового Пскова.— СА, 1963, № 4.
- <sup>70</sup> *Седов В. В.* Раскопки в Изборске в 1971 и 1972 гг.— КСИА, 144, 1974.
- <sup>71</sup> *Гроздилов Г. П.* Археологические памятники Старого Изборска.— В кн.: *Археологический сборник*, 7. Л., 1965.
- <sup>72</sup> *Медведев А. Ф.* Из истории Старой Руссы.— СА, 1967, № 3.
- <sup>73</sup> *Овсянников О. В.* Каменный кремль XIV в. в низовьях Северной Двины.— КСИА, 139, 1974.
- <sup>74</sup> *Никитин А. В.* Городище в г. Устюжне.— КСИА, 110, 1967.
- <sup>75</sup> *Голубева Л. А.* Весь и славяне на Белом озере. X—XIII вв. М., 1973.



- <sup>76</sup> *Седова М. В.* Древнерусские города низовьев р. Клязьмы. Автореф. канд. дисс. М., 1972.
- <sup>77</sup> *Матвеева В. И.* Ростов Великий.— АО 1968 г. М., 1969.
- <sup>78</sup> *Каменецкая Е. В., Пуришев И. Б.* Деревянные конструкции вала Переяславля-Залесского.— СА, 1974, № 1.
- <sup>79</sup> Древности Московского Кремля. М., 1971.
- <sup>80</sup> *Равдина Т. В.* О времени возникновения Брянска.— КСИА, 135, 1973.
- <sup>81</sup> *Раппопорт П. А.* Трубчевск.— СА, 1973, № 4.
- <sup>82</sup> *Никольская Т. Н.* К вопросу о феодальных «замках» в земле вятичей.— В кн.: Культура древней Руси. М., 1966; она же. К истории древнерусского города Серенска.— КСИА, 113, 1967; она же. Древнерусский Серенск — город вятических ремесленников.— КСИА, 125, 1971.
- <sup>83</sup> *Никольская Т. Н.* О летописных городах в земле вятичей.— КСИА, 129, 1972.
- <sup>84</sup> Археология Рязанской земли. М., 1974.
- <sup>85</sup> *Монгайт А. Л., Раппопорт П. А., Чернышев М. Б.* Церковь Нового Ольгова городка.— В кн.: Культура средневековой Руси. Л., 1974.
- <sup>86</sup> *Мальм В. А., Недошивина Н. Г., Полякова Г. Ф., Фезнер М. В.* Раскопки в долине р. Прони.— АО 1970 г. М., 1971.
- <sup>87</sup> *Тухтина Н. В.* Раскопки на Николонабережном селище в г. Муроме.— АО 1971 г. М., 1972.
- <sup>88</sup> *Трумал В. К.* Археологические раскопки в Тарту и поход князя Ярослава в 1030 г.— СА, 1971, № 2.
- <sup>89</sup> *Стубас А.* Археологические раскопки в Кокнесе в 1962 г.— В кн.: Тезисы докладов на научной отчетной сессии, посвященной итогам археологических и этнографических экспедиций 1962 г. Рига, 1963.
- <sup>90</sup> *Макарова Т. И.* Средневековый Корчев.— КСИА, 104, 1965.
- <sup>91</sup> *Куза А. В.* Русские раннесредневековые города.— В кн.: Тезисы докладов советской делегации на III Международном конгрессе славянской археологии. М., 1975.
- <sup>92</sup> *Раппопорт П. А.* Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв.— МИА, № 140, 1967, с. 185—194.
- <sup>93</sup> *Раппопорт П. А.* Военное зодчество...; *Довженок В. И.* Социальная типология давньоруських городищ.— Археология, 2, 1974.
- <sup>94</sup> *Раппопорт П. А.* Древнерусское жилище.— САИ, вып. Е1-32, 1975.
- <sup>95</sup> *Янин В. Л.* Возможности археологии в изучении древнего Новгорода.— Вестник Академии наук СССР, 1973, 8.

Г. В. БОРИСЕВИЧ, Т. Н. НИКОЛЬСКАЯ

## ОДИН ИЗ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНЕРУССКОГО ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА

На мысе высокого правого берега р. Навля, вблизи д. Слободки (Шаблыкинский р-н Орловской обл.), расположено древнее поселение. Оно состоит из детинца — округлой в плане площадки (диаметром около 80 м), окольного города, лежащего в виде подковы за валом и рвом детинца, и посада. Общая площадь, занятая поселением, составляет около 40 га<sup>1</sup>. Если попытаться мысленно провести сечения через вал и ров на всем протяжении укреплений детинца, то можно видеть, что разность отметок между вершиной вала и дном рва колеблется в пределах от 8 до 9 м, причем наименьшей она будет в южной части детинца и наибольшей — в северной. Для своего времени это были мощные укрепления<sup>2</sup>. Окольный город, охватывающий детинец с запада и севера, также имел свою систему укреплений, но менее значительную. В западной его части вал и ров сильно размыты, в северной и восточной они — лучшей сохранности.

При строительстве укрепленного поселения древние зодчие уделяли большое внимание не только расположению его на речных и сухопутных дорогах, что было важно в стратегическом отношении, но и конкретной природной ситуации, рельефу местности — оврагам, ручьям. Принималось во внимание все — естественные склоны оврагов, берегов рек, гра-

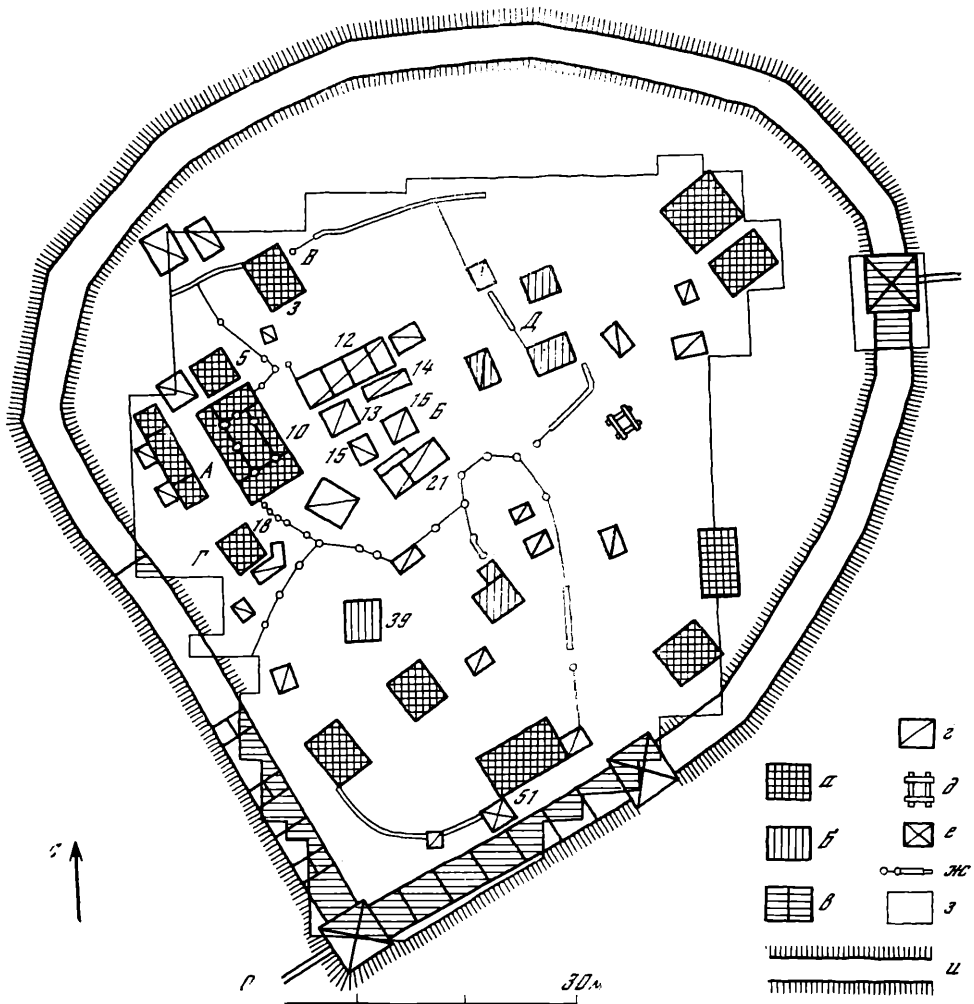


Рис. 1. Планировка детинца на городище Слободка (реконструкция)

а — срубные жилища; б — полуземляночные жилища; в — остатки крепостной стены; г — хозяйственные постройки; д — колодец; е — башни; ж — столбы, ограда, частокол; з — раскопанная территория; и — вал

Буквами и цифрами обозначены постройки, упомянутые в тексте

ница поймы реки, так как они позволяли сократить объем работ без ущерба для достижения необходимой обороноспособности.

Выбор места для сооружения городка Слободки был обусловлен наличием неглубокого и короткого сухого оврага, превращенного затем в ров для детинца и окольного города. Укрепления обеих частей крепости рассматривались военными «инженерами» древности как единое целое<sup>3</sup>.

Раскопками детинца выявлена его четкая планировка (рис. 1). Внешнее кольцо обороны составляла высокая земляная насыпь, которая в древности опоясывала всю площадку детинца. К моменту раскопок вал сильно оплыл, а вдоль юго-западного и южного краев площадки, обращенных к пойме Навли, он не был замечен. Обнаружить эту насыпь, состоящую из зеленовато- или светло-желтого суглинка, а местами — из глины, удалось только в профилях стенок раскопов и дополнительных бровок (раскопы 2 и 3). Судя по этим профилям, вал почти доходит до современной поверхности, и его верхняя часть прикрыта только почвен-

ным слоем<sup>4</sup>. Находок в насыпи почти не было, за исключением нескольких обломков гончарных сосудов с линейно-волнистым орнаментом и костей животных.

По-видимому, земля для насыпки этого отрезка вала бралась здесь же, на площадке городища, так как к его тыльной части примыкает довольно глубокая (до 1,6 м) выемка. Однако проследить ее границы не удалось, поскольку вал оплывал постепенно, а котлован впоследствии был застроен сооружениями.

Внутри вала открыты деревянные конструкции. Это была стена из прямоугольных секций, рубленных из дубовых бревен толщиной 0,2—0,3 м, длиной от 4 до 5 м и соединенных в поперечном направлении в обло. В западной части детинца сохранились три-четыре венца стены (на высоту 0,6—0,7 м), выявленной на протяжении 24 м. Юго-западная часть стены имела ширину 3,5 м, т. е. две мерные сажени, а длина секций была равна одной, двум и трем мерным сажениам. В южной части длина стены составляла 20 м, в ней насчитывалось от одного до восьми венцов. Стена делилась поперечными стенками на отдельные секции 4×4 м. Таким образом, эти укрепления служили каркасом земляной насыпи, предохранявшим ее от оползания. (Первое, нижнее, бревно этой бревенчатой стены имело своим основанием древний, балтский культурный слой.) Мощная дубовая стена, связанная с верхней частью внутренних конструкций, выходила и на поверхность вала. Въезд в детинец Слободки был, по всей вероятности, в юго-восточной части городка. В этом месте по фронту откоса со стороны реки заметны следы древней дороги в виде небольшой ложбинки и легкой седловины в насыпи вала. В раскопе этого участка были обнаружены частично сохранившиеся остатки деревянного настила мостовой<sup>5</sup>. Здесь, по-видимому, была и воротная башня. Древние зодчие придавали въезду большое оборонительное значение и, как правило, устраивали воротную башню, укрепляя ответственный узел обороны и достигая при этом определенного художественного эффекта.

Неожиданностью для нас явилось открытие в южной части площадки квадратной в плане башни, расположенной в том месте, где западная и южная стены вала пересекались под прямым углом<sup>6</sup>. Таким образом, в детинце Слободки как бы сочлелись две планировочные схемы регулярных планов крепостей — прямоугольная и кольцевая. Зачистка южного края площадки городища показала также, что все надвальные конструкции рухнули вниз и сохранилась только глиняная подушка укреплений.

В восточной части детинца истлевшие бревна стены прослежены на длину 10 м. Здесь стена отстояла от края площадки городища на 4 м. На самом гребне вала были открыты остатки еще одного обгоревшего бревенчатого сооружения — башни, возвышавшейся над валом и обвалившейся в восточном направлении, т. е. по внешнему склону вала. При расчистке были хорошо видны чаши-вырубки на углах венцов бревенчатых стен. В одном из бревен продольной стены зафиксированы две чаши-вырубки, расположенные с интервалом 0,5 м друг от друга, причем в обеих чашах обнаружены торцы — обломки бревен поперечных стен (длина поперечных стен здесь около 4 м).

Вполне возможно, что под защитой этой башни находился шедший по дну оврага и рва въезд в окольный город. Такое прикрытие въезда башней известно, например, по раскопкам В. В. Седова в Воищине<sup>7</sup>.

Раскопки восточной части вала также выявили остатки стены, бревна которой почти истлели. Стена делилась поперечными бревнами на отдельные отсеки 4×4 м<sup>8</sup>. Таким образом, внутривальные конструкции на разных участках насыпи вала были неодинаковы.

Если взглянуть на планировку крепости в целом, то можно заметить, что сооружение башен приходится на места соединения укреплений

окольного города со стенами детинца. В этом и состоит оригинальность древнего военно-инженерного и композиционного замысла, выявленного на этом памятнике.

Одна из открытых башен, юго-западная, несомненно, была наблюдательной — вежей<sup>9</sup>. Местоположение ее очень удобно, с нее хорошо просматривается вся долина Навли.

Неподалеку от этой башни открыта еще одна небольшая постройка (рис. 1, 51), около которой найдены обломки колокола<sup>10</sup>. Вероятно, посредством этого колокола население города оповещалось об опасности.

Пока не исследованы валы и стены детинца, обращенные к окольному городу, не приходится говорить о том, были ли здесь башни и где находились ворота, связывавшие детинец с укрепленным посадом. Однако уже и сейчас можно отметить то новое, что внесли раскопки Слободкинского городища в представления о плановой структуре древнерусских укреплений домонгольской поры<sup>11</sup>.

Валы и рвы окольного города, также исследованные нами, имели меньшую высоту и глубину (правда, они сильно оплыли). Это обстоятельство, а также отсутствие прочных внутривальных конструкций говорят о вспомогательной роли этих укреплений в обороне крепости. Возможно, что укрепления окольного города имели вид частокола или бревенчатой стены (оплота). В этом случае понятна роль башен: они позволяли вести бой по обе стороны оплота, вдоль стены окольного города.

При раскопках детинца Слободки помимо оборонительных сооружений открыты остатки многочисленных жилых, хозяйственных и производственных построек, совокупность которых позволяет изучить городище как интереснейший памятник древнерусского градостроительства.

Состав жилых строений городища своеобразен. Северо-западную часть крепости, приблизительно  $\frac{1}{3}$  всей площади застройки, занимало крупное феодальное хозяйство. Контуры его, ограниченные частоколом и оградой, четки. В пределах усадьбы выделены три комплекса, назначение которых помогают раскрыть находки. Среднюю часть занимали хозяйственно-производственные строения (рис. 1, В), в состав которых входила кузница с остатками кузнечного горна (рис. 1, 13), гончарная мастерская с печью для обжига поливной керамики (рис. 1, 15, 16), погреб (рис. 1, 14) и еще две хозяйственные постройки (рис. 1, 12, 21). Западнее хозяйственно-производственного комплекса вскрыт ряд срубных построек (рис. 1, А, В, Г). Найденные здесь вещи, в том числе клад серебряных украшений (два колта с чернью, два браслета и шейная гривна), иконка с надписью, бронзовая лампада, писало, книжные застежки и т. п., позволяют заключить, что эти сооружения принадлежали привилегированной части населения детинца. Наиболее значительные сооружения (рис. 1, 5, 10) составляют единое целое — хоромы боярина или княжеского наместника. В этой большой усадьбе, занимавшей компактную территорию, можно вычленил еще два малых двора, связанных с двумя срубными жилыми постройками (рис. 1, 3, 18) и некоторыми хозяйственными строениями.

Восточнее производственного комплекса, на дворе феодала, обнаружены полуземлянки ремесленников или челяди, обслуживавших обитателей хором (рис. 1, Д). В других частях детинца открыты срубные избы и полуземлянки — жилища воинов и ремесленников, в частности плотника (рис. 1, 39), производственные и хозяйственные постройки. Обнаружены остатки их ограждений, но четкие, ясные границы дворов проследить не удалось из-за плохой сохранности древесины. Дворы были небольших размеров и включали всего две-три постройки.

В средней части детинца, ближе к востоку, обнаружена воронка глубиной 3 м и диаметром около 6 м, которую можно представить себе как остатки древнего колодца<sup>12</sup>.

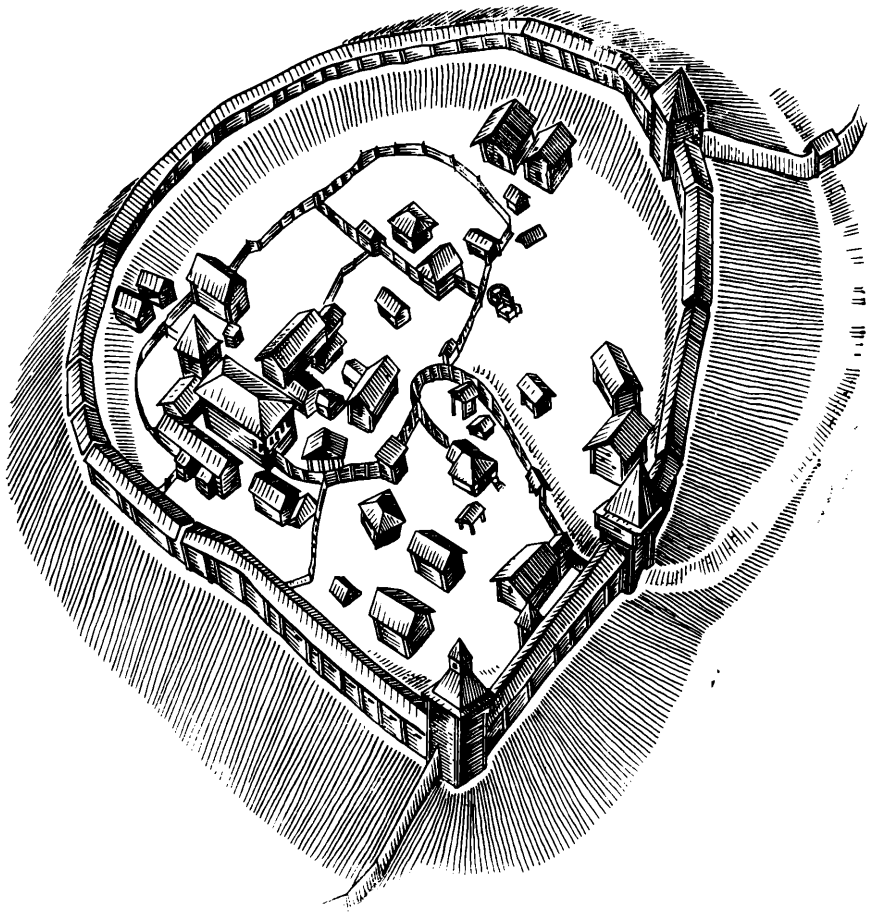


Рис. 2. Общий вид детинца (реконструкция авторов, рисунок Г. В. Борисевича)

Рассматривая планировку детинца, нетрудно заметить, что все сооружения на его площадке размещались параллельно крепостным стенам, а прямой угол с башней в южной части упорядочил всю застройку. Планировка детинца тесно связана с планировкой и застройкой окольного города и посада. Шурфы, заложенные на территории посада в окрестностях детинца, а также на другом берегу Навли, показали, что вся эта обширная территория была заселена одновременно в период с середины XII по первую треть XIII в.

Ко времени сооружения Слободкинского городища древнерусское градостроительство накопило уже немалый практический опыт<sup>13</sup>.

Общественно-политическое значение возникающих городов заключалось в том, что они создавались не только как крепости, но и как экономические центры. Политическая стабильность городов способствовала притоку и оседанию в них (на посадах, в селах и слободах) наиболее подвижной и квалифицированной части древнего общества<sup>14</sup>.

Археологическое изучение Слободкинского городища, осветившее кратковременный период его жизни, позволило увидеть много общих черт, связывающих его с предыдущим и последующим этапами развития русского градостроительства.

Наши исследования показали, что древнерусская «крепость» у д. Слободки накануне татаро-монгольского нашествия была сложившимся и планировочно развитым городским организмом, настоящим городом эпо-

хи Киевской Руси в земле вятичей<sup>15</sup>. Перед нами памятник зрелого градостроительного искусства XII—XIII вв. (рис. 2). К сожалению, название этого города не сохранилось, так как после страшного разорения и опустошительного пожара (следы которых при раскопках встречались на каждом шагу) жизнь здесь больше не возобновлялась.

- <sup>1</sup> Раскопки городища велись Верхнеокской археологической экспедицией ИА АН СССР совместно с Орловским краеведческим музеем в 1959—1966 гг. В работе экспедиции в разное время принимали участие сотрудники ИА Т. В. Равдина, З. М. Сергеева, И. К. Фролов, преподаватели и студенты московских вузов и Орловского педагогического института Е. В. Шолохова, Э. А. Горская, А. В. Гольцова, В. Я. Воробьева, архитекторы С. С. Гужев, Ю. А. Иванов и др. О результатах раскопок см.: *Никольская Т. Н.* Работа Верхнеокской археологической экспедиции (1960—1961 гг.).— КСИА, 96, 1963, с. 25; *она же.* О летописных городах и земле вятичей.— КСИА, 129, 1972, с. 5 и сл.
- <sup>2</sup> Высокие валы, крутые и глубокие рвы служили серьезной помехой для ведения активных наступательных действий неприятеля и затрудняли применение ударных орудий и механизмов.
- <sup>3</sup> По расположению на местности и конфигурацией городище Слободка напоминает в миниатюре городище Листвин на Воляни (см.: *Раппопорт П. А.* Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв.— МИА, № 140, 1967, с. 61, 151, рис. 64, 146).
- <sup>4</sup> Близкая картина обнаружилась на Южном городище Старой Рязани, где в процессе раскопок (раскоп 7) также была выявлена насыпь вала, существовавшая в древности на краю крутого склона речной надпойменной террасы. После того как эти укрепления в начале XIII в. сгорели, на их месте была построена боярская усадьба (*Даркевич В. П.* Раскопки на Южном городище Старой Рязани (1966—1969 гг.).— В кн.: Археология Рязанской земли. М., 1974, с. 56, рис. 36).
- <sup>5</sup> Сооружение мостовой у въездных ворот в город известно, например, по раскопкам в Минске (*Загорюльский Э. М.* Древний Минск. Минск, 1963, с. 30).
- <sup>6</sup> Подобная же картина обнаружена при раскопках Щучинского городища (древнерусского Чучина). Исследователь его отметил, что в одном из поворотов стены над Днепром находилась башня (*Довженко В. И.* Сторожевые города на юге Киевской Руси.— В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 43).
- <sup>7</sup> *Седов В. В.* Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII—XIV вв.).— МИА, № 92, 1960, с. 60.
- <sup>8</sup> Дубовые оборонительные клетки в насыпи вала известны во многих древнерусских городах XII—XIII вв. Открыты они на Райковецком городище (*Гончаров В. К.* Райковецкое городище. Киев, 1950, с. 22), в Мстиславле (*Раппопорт П. А.* Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв.— МИА, № 105, 1961, с. 106), Дмитрове (*Милонов Н. П.* Дмитровское городище.— СА, IV, 1937, с. 152), Вышгороде (*Раппопорт П. А.* Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв.— МИА, № 52, 1956, с. 121), Колодяжине (*Юра Р. А.* Исследование Колодяжинского городища.— КСИА АН УССР, 4, 1955, с. 14) и Городске (*Гончаров В. К.* Раскопки древнего Городска.— АП, III, 1952, с. 186). По мнению П. А. Раппопорта, сложные срубные конструкции внутри валов сооружались только на поселениях, имевших большое военное значение (*Раппопорт П. А.* Очерки по истории русского военного зодчества..., с. 121).
- <sup>9</sup> Б. А. Рыбаков отметил генетическое родство понятия «вежа» — башня — с понятием «вежды» (вежи) — глаза — и «ведать» — знать (*Рыбаков Б. А.* Искусство древних славян.— В кн.: История русского искусства, т. 1, 1953, с. 8).
- <sup>10</sup> *Никольская Т. Н.* О летописных городах в земле вятичей, с. 9, рис. 3, 20, 21.
- <sup>11</sup> Как отмечает П. А. Раппопорт, «изучение памятников военного зодчества Южной Руси X—XIII вв. (то же и северной.— *Г. Б., Т. Н.*) показало, что башни в этот период не играли существенной роли в организации обороны и, за исключением воротных и наблюдательных башен, почти совершенно не применялись» (*Раппопорт П. А.* Очерки по истории военного зодчества..., с. 144). Судя по материалам из раскопок Слободки, этот вывод относительно памятников XII—XIII вв., по-видимому, следует пересмотреть.
- <sup>12</sup> От древних колодцев на городищах обычно остаются ямы правильной воронкообразной формы диаметром до 10 м и глубиной от 1 до 3 м. А на городище Листвин, например, эта яма оказалась огромной: диаметр 20 м и глубина 6 м (*Раппопорт П. А.* Военное зодчество западнорусских земель X—XVI вв.— МИА, № 140, 1967, с. 154, 155, рис. 150).
- <sup>13</sup> *Тиломиров М. Н.* Древнерусские города. М., 1956, с. 43.
- <sup>14</sup> О притоке в города различных мастеров, кузнецов, ювелиров очень образно говорится в летописи (ПСРЛ, т. II, стлб. 843). О подвижности русского городского населения в XII в. мы узнаем и из текста новгородской берестяной грамоты XII в. (№ 424): «Отъ... к отъчеви и къ матери. Продавьше дворъ, идите же. семо. Смольнску ли, Киеву ли. Дешеве ти хлебе. Али не идете, а присьте ми грамотичу, сто-

рови ли есте» (*Арциховский А. В.* Берестяные грамоты из раскопок 1962–1964 гг.—СА, 1965, № 3, с. 211).

- <sup>15</sup> Вся совокупность поселений около д. Слободки как бы в миниатюре повторяет градостроительную структуру таких больших древнерусских городов, как Киев, Владимир, Суздаль и др., и заставляет думать о целенаправленной градостроительной деятельности, о существовании определенного композиционного замысла древних водчих как в возведении фортификационных сооружений, так и в распределении территории (см.: *Тверской Л. М.* Русское градостроительство до конца XVII в. М.—Л., 1953, с. 21, 28, 115, 158).

Е. А. ГОРЮНОВ, М. М. КАЗАНСКИЙ

## О ПРОИСХОЖДЕНИИ ШИРОКОПЛАСТИНЧАТЫХ ФИБУЛ

В настоящее время известно свыше 20 вещевых кладов VI—начала VIII в. из Среднего Поднепровья. Этнически они надежно не определяются<sup>1</sup>, хотя А. А. Спицын отождествлял их с древностями антов<sup>2</sup>, а Б. А. Рыбаков приписал «русам», точнее — днепровским антам, возможно, скрывавшимся под этим этнонимом<sup>3</sup>. Клады содержат предметы женского убора — различные фибулы, серьги, браслеты, подвески и т. д. — и детали мужского наборного пояса. Считается, что для «антского» убора характерны фибулы нескольких типов: пальчатые, антропоморфные, зооморфные и двупластинчатые. Однако это не полный набор фибул кладов. Сюда же должны быть отнесены и так называемые широкопластинчатые фибулы VII—VIII вв., на которые впервые обратил внимание Ю. В. Кухаренко<sup>4</sup>. Это бронзовые шарнирные фибулы с прогнутой пластинчатой спинкой и ромбической ножкой, чуть выступающей вперед. Спинка отделена от ножки пояском из тонкой проволоки, служившим, вероятно, для подвязки приемника. Характерен орнамент из точечных и прочерченных линий.

О принадлежности широкопластинчатых фибул кругу «древностей антов» можно судить по их ареалу, куда входят Надпорожье и лесостепное Левобережье, вплоть до поречья Северского Донца, и кроме того по находкам этих фибул вместе с украшениями «антского» типа на днепровских памятниках VI—VIII вв., а также в составе двух кладов — Козиевского и Колосковского. Последние не были учтены Ю. В. Кухаренко, указавшим на находки только четырех фибул. Из них две найдены А. В. Бодянским: одна — в погребении (?) на острове Кизлевый, другая — на пеньковском поселении у с. Волошское (Сурская Забора) в Надпорожье. Еще одна фибула — беспаспортная, из Новой Одессы на Харьковщине. Четвертая фибула встречена при сборах на салтовском городище у с. Богородичное, также на Харьковщине<sup>5</sup>.

В настоящее время к списку Ю. В. Кухаренко можно добавить находки еще четырех фибул, две из которых, как уже говорилось, происходят из кладов. Колосковский клад в наиболее полном виде опубликован Б. А. Рыбаковым<sup>6</sup> и И. И. Ляпушкиным<sup>7</sup>. Фибула из Козиевского клада известна нам по зарисовке А. С. Федоровского и схематичному наброску, сделанному А. А. Спицыным с рисунка А. С. Федоровского<sup>8</sup>. Обе фибулы фрагментированы, полностью сохранились лишь их ножки, украшенные гравировкой (рис. 1, 2, 4). Приемник колосковской фибулы разогнут, у козиевской — с подвязкой на переходе от спинки к ножке. Третья фибула с поселения Балка Яцевая в Надпорожье опубликована А. В. Бодянским (рис. 1, 3)<sup>9</sup>. Еще одна пластинчатая шарнирная фибула из

железа найдена на пеньковском поселении Молочарня. К сожалению, на фотографии, опубликованной Д. Т. Березовцом<sup>10</sup>, детали ее неясны<sup>11</sup>.

Согласно Ю. В. Кухаренко, широкопластинчатые фибулы складываются на основе узкопластинчатых подвязных фибул, аналогичных найденным в Суук-Су и Волопском<sup>12</sup>. А. К. Амбров считает, что они восходят к пластинчатым фибулам Крыма, прототипы которых нужно искать среди подобных фибул на Балканах и Дунае, где они появились в V в.<sup>13</sup> Между тем, среди фибул, встреченных на Балканах, имеются гораздо более близкие фибулам из Среднего Поднепровья, чем крымские. Они представляют по сути дела еще один вариант широкопластинчатых фибул (рис. 1, 5, 6). Балканские фибулы связываются главным образом с Адриатическим побережьем — Албанией<sup>14</sup>, Черногорией (Югославия)<sup>15</sup>, о. Корфу (Греция)<sup>16</sup>.

Балканские фибулы, в отличие от днепровских, пружинные, но подобно им имеют широкую спинку и подвязную ножку. Ножка их почти треугольная, иногда близкая к ромбической, чаще же узкая, без расширения на конце. У большинства фибул спинка имеет рельефно выделенные края и продольный валик посередине, переходящий в гребень. Рельефный орнамент у балканских фибул располагается точно так, как узор на днепровских фибулах.

На о. Корфу, а также в Калайе, Круйе (Албания) широкопластинчатые фибулы происходят из захоронений, совершенных по обряду ингумации в прямоугольных ямах, перекрытых и обложенных по стенкам известняковыми плитами. Погребения — мужские, женские, детские, некоторые — парные. Ориентировка погребенных различна, чаще западная. Все они вытянуты на спине, положение рук различное. В головах или ногах нередко находятся сосуды — кувшины, кружки. В захоронениях встречены вещи как типично византийские, так и явно не местного происхождения: «солнечные» амулеты (рис. 2, 1—5), двуконьковые накладки от пояса, перстни, височные кольца, гривны некоторых типов, бусы, аналогичные известным по аварским древностям Среднего Подунавья и отчасти салтовским бассейна Дона и Северского Донца. В Круйе найдена антропоморфная фибула, датируемая И. Вернером VII в.<sup>17</sup> Ближайшие аналогии она находит на Пастырском городище. В Среднем Поднепровье, которым в основном ограничивается ареал фибул этого типа, они доживают до IX в.<sup>18</sup>

Х. Булле, исходя из характера погребений и аналогий с древностями Подунавья, полагал, что они оставлены аvaraми. Мнение это вряд ли оправдано, хотя кочевнические элементы в ряде случаев выступают достаточно отчетливо. Более вероятно, что население, оставившее погребения с широкопластинчатыми фибулами, было этнически неоднородным и имело какие-то связи с междуречьем Днепра и Дона.

В степной полосе к востоку от Днепра в VI — первой половине VII в. господствовали тюрко-болгары, особенно усилившиеся во времена Кубрата и созданной им Великой Болгарии. Позднее они частью попали в подчинение хазарам, частью были оттеснены на Среднюю Волгу и в Подунавье. Болгары представляют один из основных этнических компонентов салтовской культуры VIII—X вв., в которой находят столько соответствий погребения на о. Корфу и в Албании.

Известны южные (алано-болгарские) элементы и пеньковской культуры, которые представлены в частности и в «древностях антов», как это отмечалось в литературе<sup>19</sup>.

Согласно М. И. Артамонову, болгарские элементы являются даже определяющими для этой культуры, хотя роль их в сложении последней М. И. Артамонов преувеличивал. Как бы то ни было, нельзя признать случайностью, что варианты широкопластинчатых фибул были выработаны только в Далмации и Поднепровье, попадая там и здесь в среду, в которой присутствие тюркского компонента не вызывает сомнений.



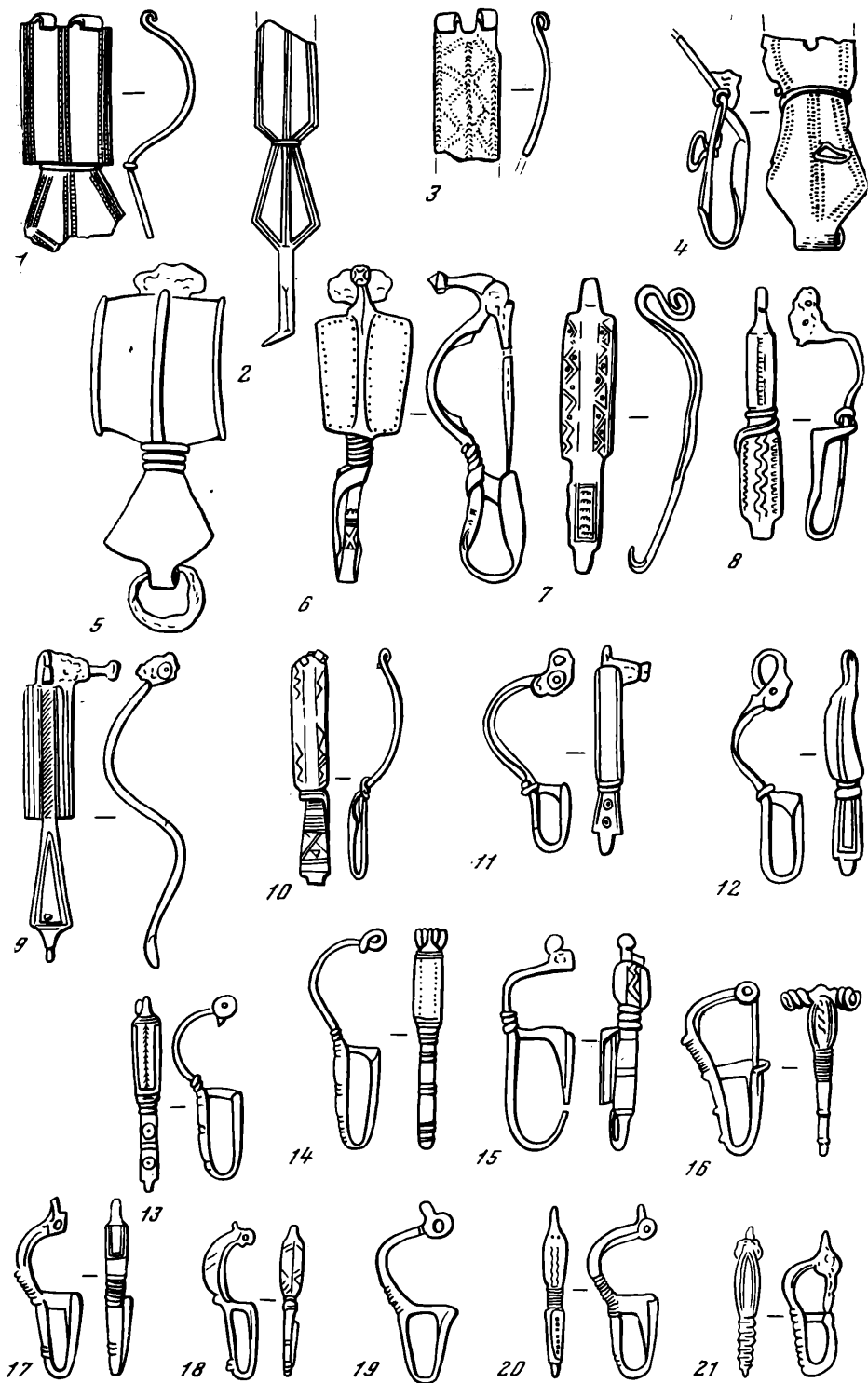


Рис. 1. Широкопластинчатые и ранневизантийские фибулы

1 — Новая Одесса; 2 — Колосково; 3 — балка Яцевая; 4 — Козиевка; 5 — Корфу; 6 — Вир-Пазар; 7, 8 — Бухарест-Милитари; 9 — Преслав; 10 — балка Звонецкая; 11 — Сучидава; 12 — Трговиште; 13 — Турция (случайная находка); 14 — Додона; 15 — Пруговац; 16 — Румыния (случайная находка); 17 — Истрия; 18 — Рипнев II; 19 — Савинац; 20 — Сучава-Шипот; 21 — Бырлалешти

Широкопластинчатые фибулы Албании принято датировать VII в.<sup>20</sup> Однако нельзя исключать и VIII век. Времени не ранее VIII в., как показывает И. Корощец<sup>21</sup>, отвечают типы поясных бляшек и наконечников, топоров, византийских пряжек и височных колец из Круйи и Калайи. Для некоторых украшений Калайи (например, височных луновидных (mondförmigen) колец) наиболее вероятной датой является IX в. Концом VII — началом VIII в. датируется двупластинчатая фибула из Круйи. Времени, более позднему, чем VII в., принадлежат, видимо, и византийские пряжки, височное проволочное кольцо с закрученным

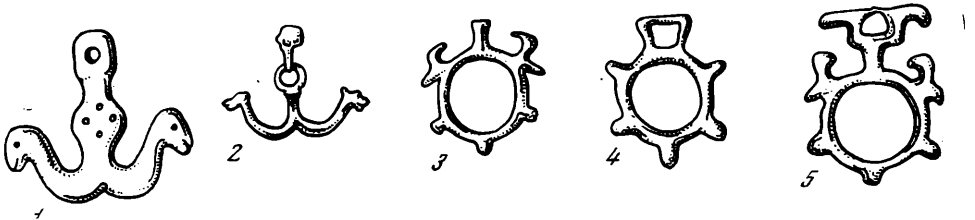


Рис. 2. «Солнечные» амулеты  
1 — Калайя; 2 — Круйе; 3—5 — Корфу (масштаб различный)

концом из погребений на о. Корфу. Датировка широкопластинчатых фибул Албании в пределах VII—VIII вв. не позволяет видеть в них прото-типы днепровских фибул, соответствующих, судя по кладам и находкам в Волошском и Богородичном, примерно тому же времени. Тем не менее, исходя из типологической близости тех и других фибул, можно полагать, что они имеют единые корни, причем для балканских фибул они несомненно были и местными, о чем писали еще Х. Цайсс, Х. Булле<sup>22</sup> и др.

Широкопластинчатые фибулы представляют дальнейшее развитие одного из типов пластинчатых подвижных фибул (рис. 1, 7—15), ареал которых, вопреки мнению А. К. Амброза, отнюдь не ограничивается только Крымом, а охватывает Среднее Поднепровье<sup>23</sup>, а также Балканы и Подунавье, откуда они собственно и ведут свое происхождение. Фибулы из Сучидавы (рис. 1, 11)<sup>24</sup>, Давидени<sup>25</sup>, в особенности из Преслава (рис. 1, 9)<sup>26</sup>, Дебело<sup>27</sup>, пожалуй, более всего близки к широкопластинчатым, во всяком случае они имеют больше общих с ними признаков, чем крымские, указанные А. К. Амброзом в качестве их прототипа<sup>28</sup>.

Анализ узкопластинчатых фибул был сделан в свое время Х. Пешек<sup>29</sup>. Отнеся появление их к V в., Пешек вместе с тем отметил, что надежных оснований для датировки фибул этого типа нет<sup>30</sup>. В последующие годы в Подунавье и на Балканах стал известен еще ряд подобных фибул. Они найдены, в частности, в ранневизантийских слоях Истрии<sup>31</sup>, Сучидавы, на поселениях типа Ипотешти-Кындешти-Чурел в Давидени, Бухарест-Милитари (все — Румыния)<sup>32</sup>.

По наблюдениям Дж. Янковича, узкопластинчатые фибулы связаны с концом VI — первой половиной VII в., т. е. со временем после разрушения аарами византийских крепостей на Дунае<sup>33</sup>.

Эти выводы согласуются с хронологией Суук-Су, где такие фибулы представлены в погребениях 153, 155, датированных В. К. Пудовиным концом VI — началом VII в.<sup>34</sup> Таким образом, узкопластинчатые фибулы в Крыму и на Балканах синхронны, представляя родственные варианты одной группы.

Исходной их формой, если не единственной, то основной, были литые фибулы с ложноподвижным приемником, названные И. Вернером византийскими (рис. 1, 16—21). Они широко представлены в Подунавье и на Балканах. О развитии узкопластинчатых фибул на основе литых византийских можно судить по общей близости их схем, а в ряде слу-

чаев — и деталей, а также орнамента. Смена одних фибул другими во многом была обусловлена изменением конкретно-исторической ситуации в Подунавье в конце VI — начале VII в., когда варварские племена с особой силой обрушились на Византию, лишившуюся здесь под их натиском почти всех своих владений.

Одним из первых к этому выводу пришел Дж. Янкович<sup>35</sup>. Он полагает, что узкопластинчатые фибулы, хотя и связаны, подобно литым, с византийской традицией, все же получили развитие в иной этнической среде, где преобладал славянский компонент. Мнение Дж. Янковича находит подтверждение в том, что узкопластинчатые фибулы почти не встречаются в римско-византийских крепостях, подвергшихся разрушению при нападении авар и славян в конце VI в. Зато в этих же крепостях — *limes romanus* Подунавья — хорошо представлены литые ранневизантийские фибулы. Они же найдены в Истрии<sup>36</sup>, Сучидаве<sup>37</sup>, Диногении<sup>38</sup>, Нове<sup>39</sup>, Новиодунуме (Исакча)<sup>40</sup>, Садовско-Кале<sup>41</sup>, Цариченграде<sup>42</sup> и др.

Ранневизантийские фибулы были в употреблении непродолжительное время. Возникнув в начале или, что более вероятно, в середине VI в., они доживают лишь до рубежа VI—VII вв.

В Сучидаве, а также в Садовско-Кале и некоторых других крепостях литые ранневизантийские фибулы найдены вместе с пряжками и деталями поясного набора, твердо датируемыми в пределах второй половины VI в. Датировка городских слоев, к которым относятся фибулы, временем не ранее VI в. опирается в ряде случаев и на находки монет. Особенно много золотых и бронзовых монет найдено в Садовско-Кале. Из них наиболее ранние принадлежат Юстиниану I (527—565), и самые поздние — Тиберию Маврикию (582—602)<sup>43</sup>.

Концентрация литых фибул в ранневизантийских крепостях VI в. позволяет говорить об их изготовлении в местных мастерских, работавших и на соседящих с Византией варваров.

С культурным воздействием Византии следует связывать находки литых фибул в гепидских погребениях VI в.<sup>44</sup>, на памятниках типа Ипотешти-Кындешти-Чурел, оставленных разноэтничным населением, а также на достоверно славянских типа Сучава-Шипот в Румынии<sup>45</sup> и, наконец, на отдельных памятниках Украины и Молдавии — пеньковских Ханска II<sup>46</sup> и Звонецкое<sup>47</sup> и многослойном поселении Рипнев II (рис. 1, 18)<sup>48</sup>.

Согласно В. Д. Барану, ранневизантийская фибула в Рипневе принадлежит черняховскому слою и датирует его V в.<sup>49</sup> Той же точки зрения придерживается А. Т. Смиленко<sup>50</sup>. Мнение это, однако, опирается на устаревшую датировку, предложенную Д. Тудором для аналогичных фибул из Сучидавы<sup>51</sup>. Фибула из Рипнева, как и ее аналоги в Подунавье, безусловно, относится к VI в. А этим временем датируется не черняховский, а корчакский слой Рипневского селища.

Итак, сложение в Среднем Поднепровье широкопластинчатых фибул происходит, вероятнее всего, в VII в. под сильным влиянием культурных традиций Византии и Подунавья.

Связи с Балканами и Подунавьем нашли отражение в проникновении в Среднее Поднепровье византийского импорта, прежде всего серебряной и стеклянной посуды, а также монет<sup>52</sup>.

В «антском» обороте наряду с широкопластинчатыми фибулами балканно-дунайское происхождение имеют отдельные типы браслетов, серьги «пастырского» типа<sup>53</sup>. Ряд пальчатых фибул (разных вариантов групп I и II по И. Вернеру) из Среднего Поднепровья принадлежит типам, характерным для Подунавья<sup>54</sup>. С другой стороны, нам известны отдельные находки в Подунавье больших пальчатых и антропоморфных фибул, вышедших из мастерских Среднего Поднепровья<sup>55</sup>. Наличие среди «древностей антов» поясных наборов также не может быть понято без

учета культурного влияния Византии, откуда в VI—VII вв. и шло их распространение<sup>56</sup>. Наконец, бронзовые и серебряные фигурки людей и животных из Мартыновского клада и селища Скибинцы безусловно родственны подобным находкам в Среднем Подунавье и на Балканах<sup>57</sup>. Все это бесспорно свидетельствует об устойчивом характере культурных связей и о сложности этнической истории Поднепровья и Подунавья в VI—VIII вв.

- <sup>1</sup> Корзухина Г. Ф. К истории Среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н. э.— СА, XXII, 1955, с. 61—82.
- <sup>2</sup> Спицын А. А. Древности антов.— В кн.: Сборник в честь А. И. Соболевского. М., 1928, с. 492—495.
- <sup>3</sup> Рыбаков Б. А. Древние русы.— СА, XVII, 1953, с. 23—104.
- <sup>4</sup> Кузаренко Ю. В. Широкопластинчатые фибулы.— КСИИМК, 74, 1959, с. 143—145.
- <sup>5</sup> Там же, с. 144, 145, рис. 60, 1, 2, 4, 7; Бодянский А. В. Археологические находки в Днепровском Надпорожье.— СА, 1960, № 1, с. 276, рис. 4, 3.
- <sup>6</sup> Рыбаков Б. А. Древние русы, с. 65, рис. 12.
- <sup>7</sup> Ляпушкин И. И. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа.— МИА, № 104, 1961, с. 185, рис. 87.
- <sup>8</sup> Архив ИА АН УССР, ф. 7 (А. С. Федоровского), д. 3, табл. 14; Архив ЛОИА АН СССР, ф. 5 (А. А. Спицына), д. 334, л. 81.
- <sup>9</sup> Бодянский А. В. Археологические находки..., с. 275, рис. 1, 12.
- <sup>10</sup> Березовец Д. Т. Поселение улпчей на р. Тясмине.— МИА, № 108, 1963, с. 152, рис. 4, 1.
- <sup>11</sup> Пластинчатые фибулы с широкой спинкой найдены на городище Лужки (Верхняя Ока) и на Щербинском городище (Пахра). См.: Никольская Т. Н. К истории домостроительства у племен бассейна Верхней Оки.— МИА, № 176, 1970, с. 89, рис. 4, 2; Дубынин А. Ф. Щербинское городище.— В кн.: Дьяковская культура. М., 1974, табл. XI, 1. Эти фибулы сильно фрагментированы, и трудно судить об их близости к днепровским широкопластинчатым фибулам.
- <sup>12</sup> Кузаренко Ю. В. Широкопластинчатые фибулы, с. 145.
- <sup>13</sup> Амброз А. К. Фибулы юга европейской части СССР.— САИ, вып. Д1-30, 1966, с. 69, рис. 12, 12.
- <sup>14</sup> Träger P. Neue Funde aus Albanien.— Zeitschrift für Ethnologie, 34, 1902, S. 58, Abb. 4; Nopcsa P. Beiträge zur Vorgeschichte und Ethnologie Nordalbaniens.— Wissenschaft Mitteilungen aus Bosnien und der Herzegowina, XII, 1912, S. 191, Abb. 50, 51; Anamali Skënder. La nécropole de Krujo et la civilisation du haut Moyen-Age en Albanie du Nord.— Studia Albanica, I, 1964, tabl. 1—4.
- <sup>15</sup> Velimirović-Zižić O. Mijejele, Vir Pazar-rano-srednjovekovna nekropola.— Archeološki pregled, 8, 1966, s. 155, tab. XXXIV, 4.
- <sup>16</sup> Bulle H. Ausgrabungen bei Aphiona auf Korfu.— Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, 59, 1934, S. 227, Abb. 28; S. 228, Abb. 29; S. 229.
- <sup>17</sup> Werner I. Slawische Bügelfibeln des 7. Jahrhunderts.— In: Reinecke Festschrift. Mainz, 1950, S. 155, Taf. 31, 55.
- <sup>18</sup> Корзухина Г. Ф. К истории Среднего Поднепровья..., с. 61 сл.
- <sup>19</sup> Артамонов М. И. Болгарские культуры Северного и Западного Причерноморья.— Доклады Географического общества СССР, 15, 1970, с. 3 сл.
- <sup>20</sup> Bulle H. Ausgrabungen..., S. 217—240; Träger P. Neue Funde..., S. 56—62; Peschek Ch. Zur Südausbreitung der Fibel mit umgeschlagenem Fuss.— PZ, XXXIV/V, Zweite Hälfte (1949—1950), 1953, S. 265, 266.
- <sup>21</sup> Korošec I. Datacija slovanskih ostalin v okolici skadra v Albaniji.— Arheološki vestnik, IV, 2, 1953, s. 234—255.
- <sup>22</sup> Bulle H. Ausgrabungen..., S. 236 ff. (там же ссылка на работу Х. Цайсса).
- <sup>23</sup> Кузаренко Ю. В. Широкопластинчатые фибулы, с. 145, рис. 60, 6.
- <sup>24</sup> Tudor D., Vujuor E., Matrosenko A. Sucidava V.— MCA, VII, 1961, p. 475, fig. 2, 5.
- <sup>25</sup> Mitrea I. Contribuții la cunoașterea populației locale dintre Carpați și Siret în sec. V—VI e. n.— In: Memoria Antiquitatis, 2. Piatra-Neamț, 1968, p. 345—369.
- <sup>26</sup> Peschek Ch. Zur Südausbreitung der Fibel..., S. 259, Abb. 2, 9.
- <sup>27</sup> Fiala F. Bericht über die Ausgrabungen am Debelo brdo bei Sarajevo im Jahre 1895.— Wissenschaft Mitteilungen aus Bosnien und der Herzegovina, VI, 1899, S. 133, Abb. 18.
- <sup>28</sup> Репников Н. И. Некоторые могильники области крымских готов.— ЗООИД, XXVII, 1907, с. 146, рис. 111—113.
- <sup>29</sup> Peschek Ch. Zur Südausbreitung der Fibel..., S. 255 ff.
- <sup>30</sup> Ibid., S. 265.
- <sup>31</sup> Condurachi Em. și colaboratori. Șantierul arheologic Histria.— MCA, IV, 1957, p. 20, fig. 7, b.

- <sup>32</sup> Zgtbea N. Fibule din sec. III și VI e. n. descoperite în săpăturile arheologice de la Militari.— In: Gercetări arheologice în București, 1963, p. 373—383, fig. 11, 1, 2; Comșa M. Die Slawen im karpatisch-donauländischen Raum im 6—7. Jahrhundert.— ZfA, 7, 1973, S. 197—228; Teodor D. Gh. La pénétration des Slaves dans les régions du S-E de l'Europe d'après les données archéologiques des régions orientales de la Roumanie.— Balcanoslavica, I (1972). Beograd, 1974, p. 29—42.
- <sup>33</sup> Янкович Дж. Позднеантичные фибулы VI и VII вв. и славяне (доклад на III Международном конгрессе славянской археологии в Братиславе 7—14 сентября 1975 г.).
- <sup>34</sup> Пудовин В. К. Датировка нижнего слоя могильника Суук-Су (550—650).— СА, 1961, № 1, с. 184.
- <sup>35</sup> Янкович Дж. Позднеантичные фибулы...
- <sup>36</sup> Condurachi Et. și colaboratori. Șantierul arheologic..., p. 20, fig. 7, a.
- <sup>37</sup> Tudor D. Sucidava I.— Dacia, V—VI, 1938, p. 411, fig. 15, 14; *idem*. Sucidava II.— Dacia, VII—VIII, 1941, p. 372, fig. 8, g, h, i, j.
- <sup>38</sup> Ștefan Ch., Barnea J., Comșa M., Mitrea B. Șantierul arheologic Garvăn (Dinogetia).— MCA, VII, 1961, p. 59, fig. 4, 5.
- <sup>39</sup> Димитров Д. П., Чичкова М., Сулагов Б. Археологические раскопки в восточном секторе Нове в 1962 г.— Известия на Археологический институт, XXV, 1964, с. 217—235, рис. 16, 1, 2.
- <sup>40</sup> Barnea I., Mitrea B. Săpăturile de salvare de la Noviodunum (Isaccea).— MCA, V, 1959, p. 461—473, fig. 10, 7.
- <sup>41</sup> Welkov I. Eine Gotenfestung bei Sadowitz (Nordbulgarien).— Germania, 19, 1935, S. 149—158, Taf. 17, 3, 7, 10, 12.
- <sup>42</sup> Мано-Зиси Б. Ископавана на Царичному граду в 1953 и 1954 године.— Старинар, V—VI (1954—1955), 1956, с. 176 сл., рис. 36, 5, 6; *он же*. Ископавана на Царичном граду в 1955 и 1956 године.— Старинар, VII—VIII (1956—1957) 1958, с. 326 сл., рис. 36.
- <sup>43</sup> Welkov I. Eine Gotenfestung..., S. 156—158.
- <sup>44</sup> Szallany D. Archäologische Denkmäler der Gepiden im Mitteldonaubecken (454—568 u. z.). Budapest, 1961, Taf. CCXXIII, 27; CCXXIV, 39.
- <sup>45</sup> Mitrea I. Contribuții..., p. 345—369, fig. 13, 1, 3; Comșa M. Die Slawen..., S. 208, Abb. 8, 3—6; *eadem*. Directions et étapes de la pénétration des Slaves vers la Péninsule Balkanique aux VI<sup>e</sup>—VII<sup>e</sup> siècles (avec un regard spécial sur la territoire de la Roumanie).— Balcanoslavica, I (1972). Beograd, 1974, p. 14, fig. 3—5; Teodor D. Gh. La pénétration de Slaves..., p. 38, fig. 6, 1, 2; *idem*. Elemente și influențe bizantine în Moldova în secolele VI—XI.— SCIV, 21, 1, 1970, p. 97—128, fig. 6, 1, 2.
- <sup>46</sup> Древняя культура Молдавии. Кишинев, 1974, с. 83, 84, рис. 23, 6.
- <sup>47</sup> Неопубликованный материал разведки А. В. Бодянского на поселении у с. Звонцево (балка Тягивка). Фонды ИА АН УССР, инв. № 4.
- <sup>48</sup> Баран В. Д. Памятники черняховской культуры бассейна Западного Буга.— МИА, № 116, 1969, с. 221, рис. 6, 19.
- <sup>49</sup> Там же, с. 249.
- <sup>50</sup> Сміленко А. Т. Слов'яни та їх сусіди в степовому Подніпров'ї (II—XIII ст.). Київ, 1975, с. 64, 65, рис. 24, 4.
- <sup>51</sup> Tudor D. Sucidava II, p. 383, fig. 15, a, b, c.
- <sup>52</sup> Кропоткин В. В. Экономические и культурные связи восточных славян с Византийской империей.— In: Berichte über den II Internationalen Kongress für Slawische Archäologie, Berlin, 24—28. August 1970. Berlin, 1973, S. 221—223.
- <sup>53</sup> Айбабин А. И. К вопросу о происхождении сережек пастырского типа.— СА, 1973, № 3, с. 62—72.
- <sup>54</sup> Werner I. Slawische Bügelfibeln..., S. 150—172, Abb. 4, 5, Taf. 29, 30, 36.
- <sup>55</sup> Nagy S. Le cimetière de Vrbás de l'époque avare et ses rapports avec le trésor de Nagyszentmiklós et la tasse en argent d'Ada.— In: Les questions fondamentales du peuplement du bassin des Carpathes du VIII<sup>e</sup> au X<sup>e</sup> siècles. Budapest, 1972, p. 111—114, pl. 22, 1.
- <sup>56</sup> Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой археологии Восточной Европы.— СА, 1971, № 2, с. 118; Гадло А. В. Болгарские пояса.— В кн.: Сборник докладов на VI—VII Всесоюзных археологических студенческих конференциях. М., 1963, с. 95—105; Мавродинов Н. Праболгарската художествена индустрия. Мадара, кн. II. София, 1936, с. 157 сл.
- <sup>57</sup> Fettich N. Das Kunstgewerbe der Awarenzeit in Ungarn.— AN, I, 1926, Taf. V, 22—24; Werner I. Slawische Bronzefiguren aus Nordgriechenland.— Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, 1952, № 2, Taf. IV.

## ДРЕВНЕРУССКАЯ МЕЛКАЯ ПЛАСТИКА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ОДЕЖДЫ (головной убор)

Произведения изобразительного искусства древней Руси, находящиеся в поле зрения исследователей истории русского костюма, представляют сведения о традиционной одежде главным образом великокняжеской среды. Эта одежда близка костюму византийской знати. Воспроизведения одежд простого народа крайне редки. Многим одеждам, изображенным на фресках, иконах и миниатюрах X—XIII вв., имеются терминологические соответствия в древнерусских письменных источниках<sup>1</sup>.

В отличие от этих источников, археология дает материалы по одежде всех слоев населения, но данные о ее конструктивных элементах и покрое удается извлечь лишь изредка. Терминологические соответствия материалам по одежде из раскопок дает не столько древний литературный язык, сколько диалекты народного языка, дожившие до нашего времени. Это позволяет увязать позднейшую этнографию с ее пластом, относящимся к эпохе древней Руси.

Однако фрагментарность деталей одежд в археологических памятниках не позволяет с достаточной степенью достоверности говорить о форме древней одежды и ее деталях и каждый раз заставляет ставить вопрос о степени близости с формами народного русского костюма.

Так, Н. П. Гринкова пришла к выводу о происхождении височных украшений XVIII—начала XX в. от древнерусских домонгольского времени и попыталась уловить генетическую связь позднейших височных украшений с известными по археологическим данным<sup>2</sup>. Тем не менее и степень сходства височных украшений, и время появления позднейших височных украшений русского народного костюма остаются до сих пор недостаточно ясными.

Решению этого вопроса помогают предметы мелкой пластики XI—XVI вв., введенные в научный оборот Т. В. Николаевой<sup>3</sup>. Среди них особенно важное значение имеют датированные иконки, на которых изображены детали костюма, близкие по форме народным одеждам XVIII—XX вв.

Мелкая пластика была тесно связана с народным искусством и бытом<sup>4</sup>. В ней появились «новые иконографические образы чисто русского происхождения», точно воспроизводились исторические реалии, в том числе и предметы одежды<sup>5</sup>.

Из предметов мелкой пластики в настоящей статье для изучения головных уборов использованы иконки «Гроб господен» с изображением жен-мироносиц в разных головных уборах.

На иконке XII—XIII вв. из Исторического музея головы жен-мироносиц покрыты платкообразным или полотенчатым головным убором — повоем — с орнаментальной полосой, украшавшей очелье и край, спускавшийся вдоль лица<sup>6</sup>.

На иконке XIII в. из Ярославско-Ростовского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника жены-мироносицы слева от гроба и две женские фигуры справа от гроба изображены в сложных головных уборах. Лучше видны они на фигурах справа от гроба. Это — повоем (поверх головного убора) с украшенным очельем и небольшими округлыми височными украшениями<sup>7</sup>.

На иконке XIV в. из Рыбинского историко-художественного музея жены-мироносицы представлены в головных уборах с прямым и слегка распиренным верхним краем, очелье выделено горизонтальными по-



Рис. 1. Фрагмент иконки «Гроб Господен» (Загорский музей-заповедник)

лоссами<sup>8</sup>. Форма силуэта головного убора заставляет предположить, что он должен был иметь жесткую основу.

На иконке XIII в. из Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника на головных уборах жен-мироносиц изображены как бы рясна в виде расширяющейся книзу кисти с поперечными полосами на треугольном расширении, которое заканчивается вертикальными штришками. В верхней части рясен четко выступают височные украшения округлой формы, примыкающие к невысокому головному убору (рис. 1)<sup>9</sup>.

Всем перечисленным деталям головных уборов на этих иконках имеются аналогии в археологическом материале. В ряде древнерусских погребений найдены сложные головные уборы с жесткими частями, среди которых выделяются как конструктивный элемент убора очелья на бересте. Очелья украшались золототкаными лентами, шпьем, бусами, бляшками и т. д.<sup>10</sup> В погребениях встречены также металлические височные украшения разных форм, нашитые на бересту, ткань, вместе с шерстяной бахромой, что говорит о включении сложных подвесок в конструкцию головного убора. В одном из курганов Подмосковья найден своеобразный жгут из шерстяных нитей, входивших в состав головного убора. Цвет нитей красный, коричневый и синий. Диаметр жгута более 2 см, длина жгута около 30 см<sup>11</sup>. По заключению М. Н. Левинсон-Нечаевой, жгут мог быть кистью от головного убора<sup>12</sup>.

Лопасткообразные височные подвески и прикрепленные к ним округлые украшения были широко распространены на женских головных уборах Орловской обл.<sup>13</sup> Их носили на шнурках или тесьме, перекинутой через темя под головным убором. В некоторых районах Рязанской обл. к головному убору у висков крепились подвески с кистями, так называемые подзаушники<sup>14</sup>.

Рясна с иконки из Загорска ближе всего кистям от косников-«снурков»<sup>15</sup>, входивших в тот же головной убор, что и «подзаушники». Кисть косника делалась из нитяных косиц и скреплялась расположенными горизонтально золототкаными лентами, образуя плоскую треугольную

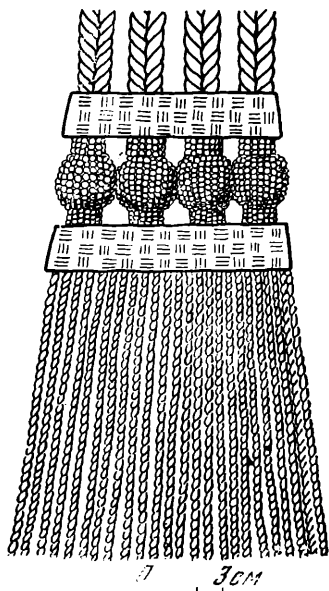


Рис. 2. Кисть косника из Рязанской обл. (Музей этнографии народов СССР)

форму, расширенную книзу и украшенную бахромой (рис. 2)<sup>16</sup>. На косниках между полосами золототканых лент расположены бусины из желтого и зеленого бисера, напоминающие раннесредневековые металлические бусины с зернью, широко известные в домонгольское время. Очевидно, горизонтальные полосы на рясках жен-мироносиц иконки из Загорска воспроизводили горизонтально нашитые ленты, а вертикальные штришки под ними — бахрому, обрамляющую ленту снизу. Лопастнообразные височные подвески с кистями входили в южнорусские сложные головные уборы, включающие круглые височные украшения — «пушки». Височные украшения округлой формы изображены на иконках из Загорска и Ярославля.

Правомерность сопоставления данных археологии с материалами поздней этнографии очевидна. Сопоставление позволяет отнести бытование многих деталей народных головных уборов ко времени не позднее XII в.

Древность народных головных уборов, доживших до XX в., обусловлена живучестью обрядов в крестьянской среде. Русский народный костюм, так же как и фольклор, будучи связанным с древними обрядами, безусловно уходит своими корнями в дохристианское время. Об этом же говорит запечатленное в разнообразных ритуалах магическое значение волос и головного убора<sup>17</sup>.

Большое количество самостоятельных частей головного убора как бы отражает обычай последовательно надевать отдельные части убора. Очевидно, этот обычай был связан с древними обрядами и возрастными особенностями. Постепенное изменение головного убора путем его уклонения от девичьего до женского отражено и в обрядности, известной по народным свадьбам XIX — начала XX в. Все это заставляет полагать, что, как конструктивные основы женского головного убора, так и система их украшений, связанная с древней символикой и ритуалом, восходят к отдаленной древности.

<sup>1</sup> Арцизовский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944; он же. Одежда. — В кн.: История культуры древней Руси. Домонгольский период, т. I. М.—Л., 1948, с. 234—262; он же. Одежда. — В кн.: Очерки русской культуры XIII—XV веков, ч. I. М., 1969, с. 277—296.

<sup>2</sup> Гринкова Н. П. Височные украшения в женском костюме. — Сборник МАЭ, XVI, 1955, с. 24—40.

<sup>3</sup> Николаева Т. В. Древнерусская мелкая пластика XI—XVI веков. М., 1968.

<sup>4</sup> Там же, с. 7; Рындина А. В. Особенности сложения иконографии в дренерусской мелкой пластике. «Гроб господен». — В кн.: Древнерусское искусство. Художественная культура Новгорода. М., 1968, с. 233—236.

<sup>5</sup> Николаева Т. В. Древнерусская мелкая пластика..., с. 11, 12.

<sup>6</sup> Там же, рис. 5.

<sup>7</sup> Там же, рис. 11.

<sup>8</sup> Там же, рис. 14.

<sup>9</sup> Пользуюсь случаем выразить благодарность Т. В. Николаевой за предоставленную фотографию иконки.

<sup>10</sup> Сабурова М. А. О женских головных уборах с жесткой основой в памятниках домонгольской Руси. — КСИА, 144, 1975, с. 18—22.

<sup>11</sup> ГИМ, инв. № 22832.

<sup>12</sup> Левинсон-Нечаева М. Н. Ткачество. — Труды ГИМ, 33, 1959, с. 18, образец 85.

<sup>13</sup> Гринкова Н. П. Височные украшения..., с. 25.



- <sup>14</sup> Данилин А. Г. Крестьянская одежда района «Богословщины» Рязанской губернии.— Труды любителей истории Рязанского края, IX 1927, с. 15, 16, рис. 18, б.
- <sup>15</sup> Там же, рис. 18, а.
- <sup>16</sup> Государственный музей этнографии народов СССР. Русский отдел, инв. № 3348.
- <sup>17</sup> Гаген-Торн Н. И. Магическое значение волос и головного убора в свадебных обрядах Восточной Европы.— СЭ, 1933, № 5-6, с. 76—88.

З. М. СЕРГЕЕВА

## О ПРИБАЛТИЙСКИХ ШЕЙНЫХ ГРИВНАХ В ДРЕВНЕРУССКИХ ПАМЯТНИКАХ X—XIII ВВ.

Контакты древнерусского населения с соседними балтскими племенами хорошо прослеживаются по находкам вещей прибалтийского характера, неоднократно встреченных на памятниках X—XIII вв. Некоторые из таких находок имеют массовые аналогии в древностях Литвы и Латвии.

В данной статье рассматривается группа шейных гривен, обнаруженных на памятниках междуречья Западной Двины, Днепра и Припяти. По ряду признаков эти гривны выделяются как изделия прибалтийского происхождения.

По оформлению концов гривны делятся на пять типов.

К первому типу относятся гривны с костьювидными и седловидными концами (рис. 1, 1, 2). Они встречены в Подвинье и в верховьях р. Птичь. Более ранние экземпляры рассматриваемого типа отличаются массивностью и имеют тордированную дугу. Такие серебряные гривны известны из клада IX—X вв. с куфическими монетами у с. Суходрево<sup>4</sup>. Конец одной из них оформлен в виде сильно прогнутой в середине массивной петли костьювидной формы; другая — имеет замок седловидной формы, края которого приподняты вверх.

С материалами XI в. (с. Гребень) найдена гривна с двумя костьювидными концами, плоско-выпуклой дугой и геометрическим орнаментом<sup>2</sup>.

Почти идентичные гривны с костьювидными концами известны среди находок из курганных могильников XI—XII вв. северо-запада Руси (Гусева Горка, мыза Верхоляны)<sup>3</sup>.

На рассматриваемой территории найдены и более ранние гривны подобной формы, происходящие из курганов с сожжением VIII—IX вв. Однако сохранились только одни концы, по которым нельзя составить полного представления о типе<sup>4</sup>. К этому типу относятся и гривны ранних вариантов из ранних кладов (Горки, Узьмино, Долино)<sup>5</sup>.

Самые многочисленные аналогии гривны с седловидными и костьювидными концами находят в Прибалтике. Единичные экземпляры известны в Швеции и Финляндии, а также в Эстонии<sup>6</sup>. Но основное сосредоточение отмечается в северо-восточных районах Литвы и восточных и южных районах Латвии<sup>7</sup>. Гривны данного типа появляются в VII в. и бытуют до XII в. Их происхождение прибалтийские исследователи связывают с гривнами середины I тысячелетия н. э., имеющими петлевидные и крокувидные концы<sup>8</sup>.

Гривны с двумя костьювидными концами получили наибольшее распространение в IX—X вв. Они многочисленны на территории Северной Литвы и в Земгале<sup>9</sup>. Ближайшие аналогии древнерусским находкам имеются в материалах из памятников IX—XI вв. (Бабалнинкас,

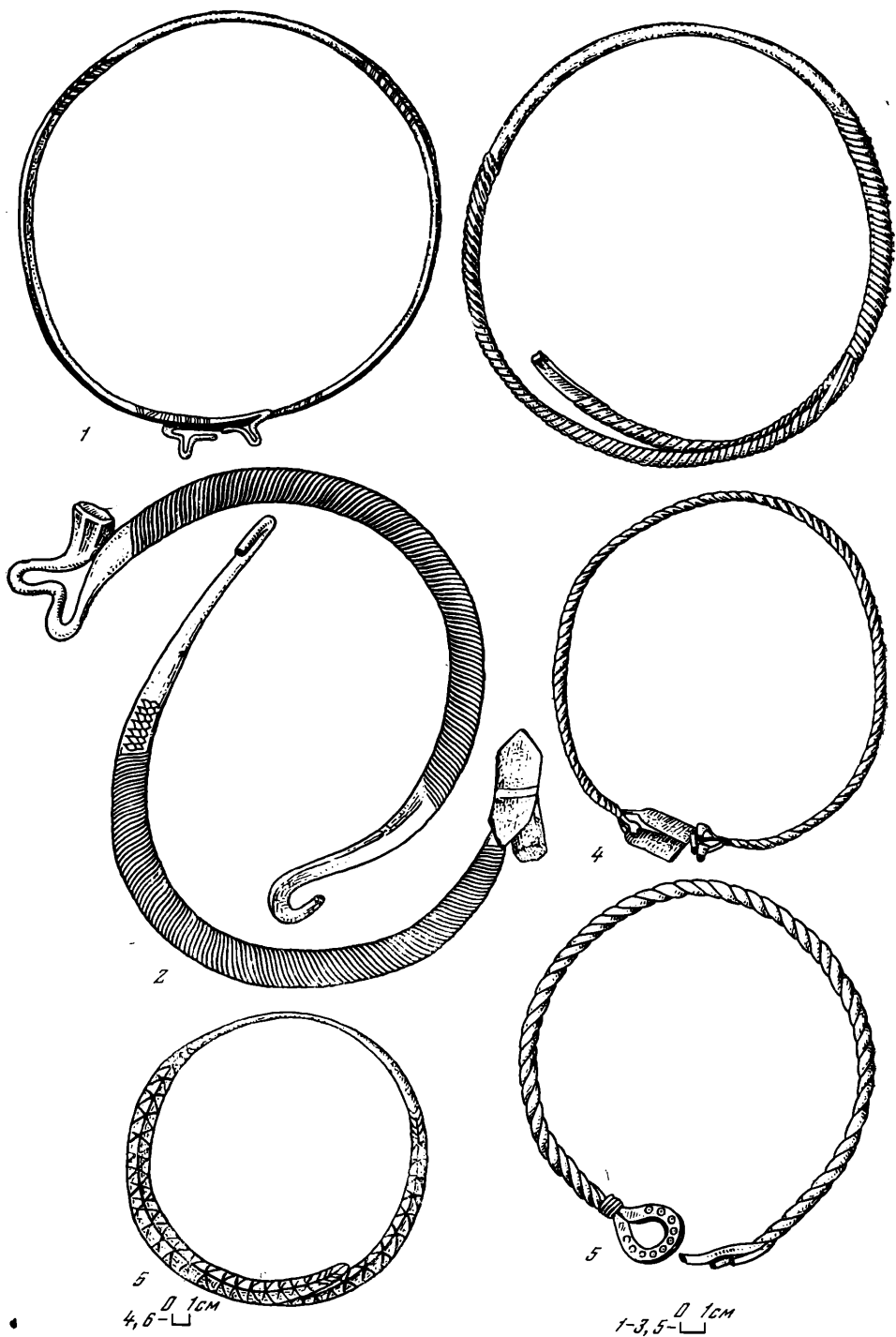


Рис. 1. Прибалтийские шейные гривны, найденные на древнерусских памятниках X—XIII вв.

1 — Гребень; 2 — Суходрево; 3 — Новинки; 4 — Мильковичи; 5 — Черневичи; 6 — Рудня-Салатки

Палукнис, Межотне и др.)<sup>10</sup>. Особенности, свойственные гривнам с седловидными и костьюевидными концами из Суходрева (массивность, поднятие седел и их сильное прогибание, тордированные дуги, шестигранное сечение окончаний), отмечены у прибалтийских гривен конца I тысячелетия н. э. Подобные гривны найдены и в могильниках IX—XI вв. Восточной Латвии (Нукшинский, Лудзенский, Лиепини, Кручери)<sup>11</sup>.

Ко второму типу относятся гривны с четырехгранными концами. Дуга их в середине гладкая, округлого сечения, к концам тордирована (рис. 1, 3). Такие гривны обнаружены в курганах XI в. у д. Новинки в Северо-Восточной Белоруссии.

Имеется два варианта этого типа. У гривен первого варианта концы заходят друг за друга и имеют четырехгранное окончание с рассеченными сторонами<sup>12</sup>; у гривен второго варианта концы заужены<sup>13</sup>.

Вместе с гривнами рассматриваемого типа найдены и другие вещи прибалтийского характера — спиральки от головного убора, трапециевидные подвески, спиральные перстни, браслеты со звериноголовыми концами, характерные для латгальских древностей.

Аналогичные находки в других древнерусских памятниках нам неизвестны.

Многочисленны гривны с четырехгранными окончаниями в древностях Юго-Восточной Прибалтики конца I — начала II тысячелетия н. э.<sup>14</sup> Особенно популярны они были в X—XI вв. у латгалов, селов, земгалов, аукштайтов<sup>15</sup>. Появление такой особенности, как надрубка, имеющей и на древнерусских находках, отмечено на прибалтийских гривнах начала II тысячелетия н. э.

По ряду признаков (массивность, тордированность дуги, четырехгранные рассеченные заходящие концы) древнерусские гривны второго типа сходны с гривнами из пограничных с Русью латгальских памятников X—XII вв. (Лудзенский могильник, Чилипино, Людвиково, Граверы)<sup>16</sup>. Это сходство, а также находки гривен рассматриваемого типа с другими вещами прибалтийского характера дают возможность говорить об их латгальском происхождении.

К третьему типу относятся гривны с конусовидными концами. Они имеют витую из трех толстых проволок дугу, один конец которой завершен тремя насаженными конусами, другой — двумя раскованными из проволок пластинками и между ними — еще одним конусом (рис. 1, 4). Такие гривны найдены в северо-западных и западных районах Белоруссии, пограничных с Прибалтикой. У Милькевичей обнаружен клад, содержащий четыре серебряные гривны данного типа<sup>17</sup>. Пластинки на двух гривнах были украшены кружковым орнаментом, а конусы несколько заужены. Клад датируется X—XI вв. Среди материалов из древнерусских памятников других территорий аналогичные находки неизвестны. Территориально ближайшей находкой является гривна из восточнолитовского кургана, датируемого концом I — началом II тысячелетия (Лынтупы)<sup>18</sup>.

Появление концов конусовидной формы на витых прибалтийских (литовских) гривнах исследователи отмечают на экземплярах с VIII в., но наибольшее их распространение приходится на X—XI вв.<sup>19</sup> Носили гривны данного типа главным образом в Восточной Литве и Латвии, вплоть до XII в. На прибалтийских экземплярах начала II тысячелетия н. э. прослежены увеличение массивности, некоторое сужение конусов и орнаментация пластинок<sup>20</sup>. Эти признаки есть и у древнерусских находок.

Вероятно, проникновение витых гривен с конусовидными концами на Русь связано с непосредственными контактами славянского и восточнобалтского населения в пограничных районах. Поскольку эти гривны найдены на древнерусских памятниках, близких к восточнолитовской

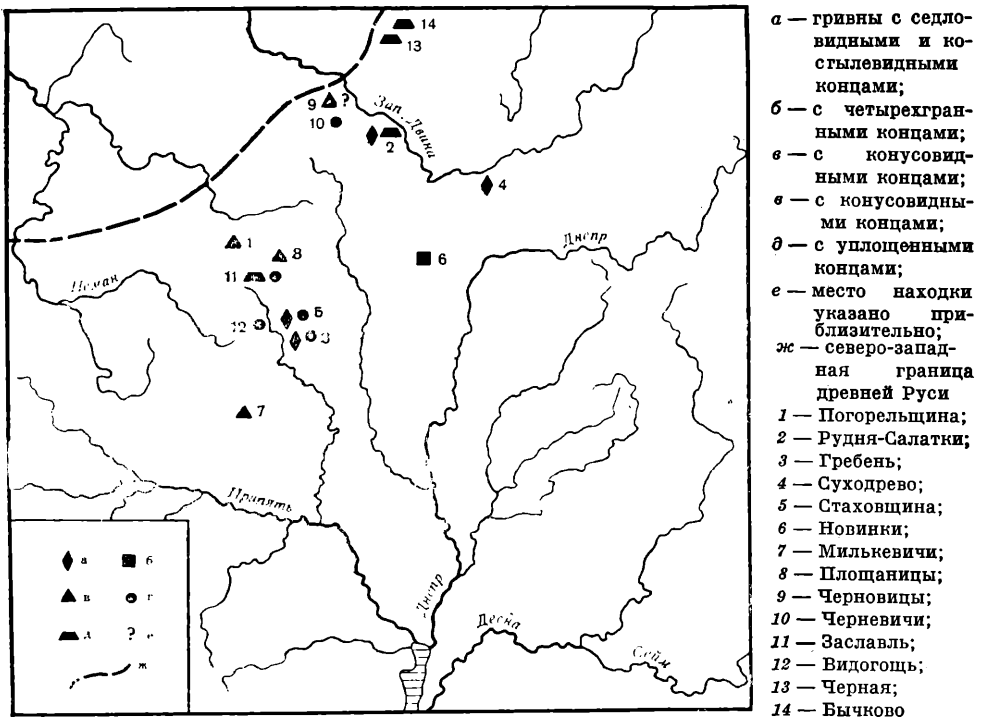


Рис. 2. Находки прибалтийских гривен на западнорусской территории

территории, можно предположить, что они поступали на Русь из Восточной Литвы.

К четвертому типу относятся гривны с петлевидными концами. Дуга их витая из двух или трех массивных проволок, с заходящими друг за друга концами. Основания концов плотно обмотаны свободной от петли проволокой (рис. 1, 5). Основное сосредоточение находок наблюдается в верховьях Березины и Птичи, т. е. в районах, пограничных с Прибалтикой; одна гривна найдена в Верхнем Поднепровье. Все экземпляры обнаружены в курганах с материалами X—XII вв., среди которых значительное место занимает инвентарь прибалтийского характера — спиральки, тордированные и звериноголовые браслеты, спиральные перстни, цепочки. В новинковском комплексе вместе с гривной были янтарные бусы<sup>21</sup>. Встречаются экземпляры и с уплощенной петлей, украшенной циркульным орнаментом (Черневици)<sup>22</sup>. Подобная гривна найдена также в бывшем Рогачевском уезде (собрание А. А. Гурко; место точно неизвестно)<sup>23</sup>. Обнаружены гривны этого типа и в курганах X—XI вв. северо-западных и центральных районов Руси (Озерцы, Калихновщина, Залахтовье)<sup>24</sup>.

Витые гривны с петлевидными концами были распространены по всей Прибалтике. Ранние экземпляры относятся еще к первой половине I тысячелетия н. э.<sup>25</sup> Особенно часто витые гривны встречаются в ливских, латгальских и куршских древностях<sup>26</sup>. Рост их ареала приходится в основном на X—XI вв. Многочисленные аналогии древнерусским находкам известны в латгальских материалах (Лудза и Нукши, Эгли, Чача, Чилипино, Данчи и др.). В начале II тысячелетия н. э. у витых прибалтийских гривен появляются уплощенные орнаментированные петли<sup>27</sup>. То же самое наблюдается и на древнерусских находках.

Многочисленность гривен рассматриваемого типа в Прибалтике, сходство древнерусских экземпляров с прибалтийскими по ряду призна-

ков (массивность, плотное витье, оформление концов, орнамент), находки их в комплексах с другими неславянскими вещами — все это позволяет говорить о прибалтийском происхождении таких гривен. Распространение в пограничных районах также свидетельствует в пользу проникновения их со стороны Юго-Восточной Прибалтики.

К пятому типу относятся гривны с пластинчатыми концами. В основе их лежит дрот круглого сечения, концы которого раскованы на грани и заходят друг за друга (рис. 1, б). Находки сосредоточены в основном в северо-западных районах рассматриваемой территории (верховья р. Великая и Подвинье).

Для первого варианта характерны заостренные концы плоско-выпуклого сечения. Такая гривна с орнаментом из косых крестов обнаружена в кургане XI в. в комплексе с кривическими браслетообразными височными кольцами (Рудня-Салатки)<sup>28</sup>. Тем же временем датируется гривна с одним загнутым концом и орнаментом из насечек, найденная в курганном могильнике у Заславля<sup>29</sup>.

Гривны второго варианта отличаются трапециевидными пластинками или бубенчиками, прикрепленными за колечки к пластинчатым концам (Черная, Бычково)<sup>30</sup>.

Больше всего находок гривен с пластинчатыми концами, по данным прибалтийских исследователей, происходит из Восточной Латвии и Северо-Восточной Литвы. Здесь гривны этого типа были известны с VII по XIII в.<sup>31</sup> Они были одними из наиболее распространенных в погребениях латгалов и селов. Так, в Нукшинском могильнике гривны без привесок встречены 44 раза<sup>32</sup>.

На прибалтийских гривнах трапециевидные привески появляются с X в., а бубенчики — с XI в.<sup>33</sup>, что характерно и для древнерусских находок. На прибалтийских изделиях весьма распространен орнамент из косоугольного креста, ромбов, треугольников из насечек, елочек (Нукшинский могильник, Кивты, Страутмали, Гальянский костел, Вышки, Кручеры и др.). Такой же орнамент наблюдается и на древнерусских гривнах (Рудня-Салатки, Заславль).

Приведенные сравнения, многочисленные аналогии и пограничное распространение гривен (рис. 2) свидетельствуют о балто-славянских контактах в пограничных районах.

<sup>1</sup> Семеновский А. М. Белорусские древности. СПб., 1890, с. 76, 77.

<sup>2</sup> Императорский Российский Исторический музей. Указатель памятников. М., 1893, с. 130, 131.

<sup>3</sup> Спицын А. А. Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова. — МАР, 29, 1903, с. 109, табл. XXI, 5.

<sup>4</sup> Ляўданскі А. Н. Археолёгічныя досьледы ў Полацкай акрузе. — Працы Сэкцыі археолёгіі, II. Менск, 1930, с. 187, табл. VI, 49; Шмидт Е. А. Поле погребений и курганы у д. Акатово Смоленской обл. — СА, 1962, № 4, рис. 6, 33.

<sup>5</sup> Кораузина Г. Ф. Русские клады IX—XIII вв. М.—Л., 1954, с. 82, табл. I; III; IV; Рыдзевская Е. А. Клады старых шейных серебряных гривен западного типа. — ЗОРСА, XI, 1945, табл. V—VII.

<sup>6</sup> Tallgren A. M. Zur Archäologie Estis, II. Dorpat, 1925, S. 89.

<sup>7</sup> Karnups A. Die Haupttypen der lettischen Halsringe in der jüngeren Eisenzeit. — In: Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft, 1928, Abb. 8.

<sup>8</sup> Kulikauskas P., Kulikauskienė R., Tautavičius A. Lietuvos archeologijos bruožai. Vilnius, 1961 (далее — LAB), p. 463, 464.

<sup>9</sup> LAB, p. 464.

<sup>10</sup> Lituvų liaudies menas. Vilnius, 1958, N 370, 371.

<sup>11</sup> Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР, 1. Рига, 1957, табл. I, 4; МАР, 14, 1893, табл. III, 8; Latvijas PSR archeologija. Riga, 1974, tab. 45, 3; Авернарцус Н. П. Дрогичин Надбужный и его древности. — МАР, 4, 1890, с. 52, табл. IV, 9.

<sup>12</sup> Сергеева З. М. Курганы у д. Новинки. — КСИА, 144, 1975, рис. 1, 8.

<sup>13</sup> Сергеева З. М. Отчет о работе Витебского отряда в 1973 г., с. 4. Архив ИА АН СССР, P—1, № 5137.

<sup>14</sup> Volkaitė-Kulikauskienė R. Lietuvių IX—XII amžiais. Vilnius, 1970, p. 144.

<sup>15</sup> Karnups A. Die Haupttypen..., Abb. 10.

- <sup>16</sup> МАР, 14, 1893, табл. IX, 13; *Авенариус Н. П.* Дрогичин Надбужный..., табл. IV, 4; VIII, 9.
- <sup>17</sup> *Ляўданскі А. Н.* Розныя знаходкі.—Працы Сакцыі археолёгіі, III. Менск, 1932, с. 245, табл. II, 2.
- <sup>18</sup> *Покровский Ф. В.* К исследованию курганов и городищ на восточной окраине современной Литвы.—Труды IX АС, т. II. М., 1897, с. 146, табл. IX, 2. ЛАВ, р. 469.
- <sup>19</sup> *Volkaitė-Kulikauskienė R.* Lietuviai IX—XII amžiais, p. 154.
- <sup>20</sup> *Сергеева З. М.* Отчет..., курган 62.
- <sup>21</sup> *Голубович Е., Голубович В.* Славянские поселения правобережной Дисны в Виленском округе БССР.—КСИИМК, XI, 1945, рис. 54, 8.
- <sup>22</sup> ГИМ, инв. № 44853.
- <sup>23</sup> *Фезнер М. В.* Шейные гривны.—Труды ГИМ, 43, 1967, с. 82.
- <sup>24</sup> *Moora H.* Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. chr., I. Tartu — Dorpat, 1929, S. 278, 279.
- <sup>25</sup> Latvijas PSR archeologija, Riga, 1974, lpp. 145, 231, tab. 61, 6; 65, 3; *Karnups A.* Die Haupttypen..., Abb. 11.
- <sup>26</sup> *Karnups A.* Die Haupttypen..., Abb. 6, 11—13.
- <sup>27</sup> *Ляўданскі А. Н.* Археолёгічныя досьледы..., с. 182, табл. VI, 35.
- <sup>28</sup> *Ляўданскі А. Н.* Археолёгічныя раскопкі ў м. Заслаўі Менскай акругі.—Працы Сакцыі археолёгіі, I. Менск, 1928, с. 39, табл. X, 16.
- <sup>29</sup> *Гуревич Ф. Д.* Археологические памятники Великолукской области.—КСИИМК, 62, 1956, с. 103; ГИМ, инв. № 43455.
- <sup>30</sup> Latvijas PSR archeologija, lpp. 231, tab. 61, 4, 65, 1.
- <sup>31</sup> Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР, 1, с. 35, табл. I, 1.
- <sup>32</sup> Latvijas PSR archeologija, lpp. 231.

Р. М. ГАРЯЕВ

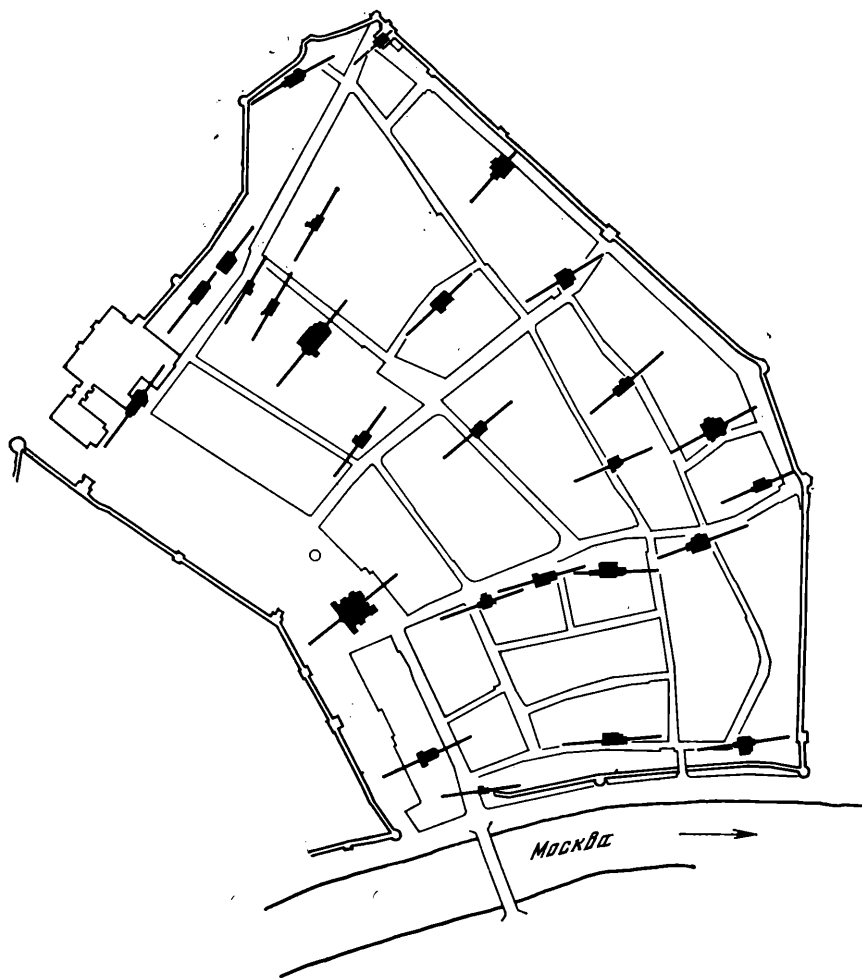
## К ВОПРОСУ ОБ ОРИЕНТАЦИИ РУССКИХ ЦЕРКВЕЙ

В вып. 139 «Кратких сообщений» за 1974 г. опубликована интересная статья П. А. Раппопорта «Ориентация древнерусских церквей». В ней П. А. Раппорт отмечает, что вопреки каноническому правилу восточной ориентации продольных осей и алтарей большинство русских церквей имеет самое различное положение по отношению к странам света, с колебаниями азимутов порядка  $120^\circ$ , а иногда —  $180^\circ$ . На это обращали внимание и другие исследователи (Ю. С. Асеев, Б. А. Рыбаков, И. Ш. Шевелев).

В большинстве случаев эти отклонения объясняли ориентацией храма не на восток, а на восход солнца в день закладки здания, и, следовательно, временем года, когда начиналось строительство храма. П. А. Раппорт привел убедительные примеры, свидетельствующие, что целый ряд культовых зданий закладывали в день патрона храма или соответствующего праздника и ориентировали на восход такого дня. Однако общие выводы П. А. Раппорта таковы: наряду с отмеченными остается все же большое число храмов, ориентация которых не совпадает с восходами не только дня патрона, но и дня закладки вообще; число же исследованных случаев еще недостаточно для окончательных суждений.

В связи с этим нам хотелось бы привести некоторые результаты собственных исследований, дополняющие выявленные факты, но, разумеется, еще не исчерпывающие до конца рассматриваемый вопрос.

Прежде всего, очевидно, следует считать установленным, что в русском храмовом зодчестве — по крайней мере, на ранних стадиях его развития — алтари ориентировали не на восток как таковой, а на восход солнца. Это доказывает проверка азимутов ряда датированных памятников (хотя таких примеров и немного), а также большинство русских



Ориентация церквей на территории Китай-города в Москве

церквей, имеющих не восточную, а северо-восточную ориентацию, приходящуюся как раз на азимуты весенних восходов солнца, когда обычно и начиналось строительство. Последнюю зависимость применительно к памятникам XI—XIII вв. отмечает П. А. Раппорт; устанавливается она и для храмов более позднего времени.

Так, например, в Москве из 287 проанализированных нами храмов 201 (или 70%) имел северо-восточную ориентацию, лишь 35 (12%) — строго восточную и 51 (18%) — юго-восточную (рис.). Такая картина характерна и для большинства других городов. Анализ 397 храмовых грамот, выданных только по Вятской епархии с XVI по XX в.<sup>1</sup>, показывает, что основная их часть была дана в марте месяце, т. е. перед самым началом весенних строительных работ. А обработка большого числа сведений о начале строительства церквей указывает на апрель и май месяцы. Например, из 17 упоминаний об этом, содержащихся в Московском летописном своде конца XV в., 11, т. е. 80%, приходятся как раз на эти месяцы. Имеющиеся даты закладки новгородских храмов с XII по XVI в. включают еще июнь, может быть потому, что этот район — более северный. Таким образом, строительство храмов чаще всего начинали весной, и здания ориентировали по восходящему солнцу. Однако это была лишь самая общая тенденция.

Что касается времени строительства, то следует отметить факты, выходящие за рамки указанного правила и усложняющие общую картину. Так, например, каменное строительство на Руси зимой не велось, иногда шли только подготовительные работы: «Тоя же зимы повезоша камень на Москву на создание церкви пресвятыя Богородицы...»<sup>2</sup>; более позднее свидетельство: «В зиму 1894—95 года я закупил в потребном количестве и заготовил бут, кирпич, песок, известь...»<sup>3</sup>. Но были единичные факты закладки зданий и в зимние месяцы: в феврале «зачата строиться Св. Божия церковь» в Переяславле Залеском (1711 г.), также в феврале была заложена вторая каменная церковь Успения на Могильцах в Москве (1791 г.), поздней осенью, 15 октября, 1896 г. начали строить церковь Иверской Божьей Матери на Полянке. Зимой и осенью иногда строили из дерева: «Тоя же зимы (1339 г.) ноября 25 заложен бысть град Москва, да и срублен бысть тоя же зимы в великое говенье»<sup>4</sup>. Это Иван Калита укреплял территорию Кремля дубовыми стенами, и, возможно, оборонные соображения вынуждали его не считаться с сезоном. В Новгороде деревянная церковь святой Анастасии была срублена 29 октября 1418 г.; деревянные церкви евангелиста Марка и Покрова Богородицы начали рубить 8 ноября 1533 г. и 21 ноября 1527 г. Причиной же столь позднего по времени и поспешного строительства (церковь Анастасии срублена в один день) был в каждом из приведенных случаев мор: «... и паки мор нача преставати... и бысть тишина православным христианом». Подобные факты могут иметь некоторое значение для исследуемого вопроса, так как многие каменные церкви закладывались «по заложении же» своих деревянных предшественников.

Что же касается исключений из отмеченного выше общего правила ориентации храмов, то наиболее наглядно их иллюстрирует Новгород: из 80 рассмотренных нами зданий (существующие церкви и обнаруженные фундаменты) на северо-восток были ориентированы лишь 15 (или 19%), на восток — 5 (6%), а на юго-восток — 60 храмов. Таким образом, большая часть (75%) новгородских церквей была ориентирована в сторону зимних восходов, вопреки уверениям летописцев в том, что их закладывали весной и в начале лета.

Сам Софийский собор, начатый согласно настенной записи 24 мая 1045 г., должен был иметь азимут 43°, фактически же последний составляет 119°, и, стало быть, здание собора было заложено боком к восходящему солнцу. Первая церковь Входа в Иерусалим, заложённая 25 июня 1336 г., вместо 40° имела азимут 130° — при закладке под углом 90° к восходу. Церковь Спаса Милостивого, заложённая за алтарями Софии весной, имела азимут ноябрьского восхода — 125°. Церковь Федора Тирона между улицами Щирковой и Розважей, начатая 28 апреля 1115 г., вместо 57° имеет ось под углом 121° к меридиану; церковь Пантелеймона на Яковлевой улице, начатая 22 июня 1554 г., вместо 39° имеет азимут 114° и т. д.

Более поздние документы, в которых могли отразиться древние строительные традиции, позволяют предполагать, что наряду с точной ориентацией на восход солнца в день закладки храма, в том числе и в день патрона, могли быть и неизвестные нам мотивы. В частности, не исключено, что для ориентации культовых зданий существовало и некое общее правило, позволявшее разворачивать здание (по местным условиям) в допустимых пределах, определяемых крайними, пороговыми восходами «летнего» и «зимнего» солнца. Вот что сказано, например, в одном из строительных пособий: «...по религии нашей, алтари церквей должны быть обращены непременно к Востоку. А как между летним и зимним восхождением солнца заключается несколько градусов, то и дозволяется между сими только пределами соображаться в обращении церкви с улицею или какими-либо строениями»<sup>5</sup>.



Этим можно было бы как-то объяснить «уход» новгородских церквей к юго-западу, тем более что такие случаи встречаются и в других городах. Однако нельзя оставлять без внимания довольно-таки большую группу храмов, алтари которых выходят даже за эти допустимые пределы. Так, например, самый северный азимут восходов солнца на широте Москвы составляет  $43^\circ$  — севернее уже нельзя поворачивать алтарную часть храма. Тем не менее здесь было 26 церквей, переступивших этот рубеж. Церкви Николая Чудотворца в Студеницах, Успения в Печатниках, Малега Вознесения и Знамения на Моховой были поставлены под углами  $28^\circ$ ,  $25^\circ$ ,  $23^\circ$  и даже  $19^\circ$  по отношению к меридиану.

В Вологде вышла за допустимые пределы целая группа храмов в центре города. Самый северный восход на широте Вологды имеет азимут  $37^\circ$ . Алтари же Софийского собора, церкви Николая Чудотворца, теплой и холодной церквей Дмитрия Прилуцкого, Иоанна Златоуста и Воскресенского собора повернуты на  $35^\circ$ ,  $32^\circ$ ,  $26^\circ$ ,  $24^\circ$ ,  $23^\circ$ . В Костроме соборная церковь Успения была обращена алтарями почти на север, азимут — всего лишь  $8^\circ$ , а на некоторых более поздних планах храм изображен с азимутом  $0^\circ$ , т. е. алтари обращены на север<sup>6</sup>.

Наконец, оба храма Черноостровского монастыря в Малоярославце (начало XIX в.) повернуты алтарями уже к северо-западу, азимуты их  $-6^\circ$  и  $-14^\circ$ <sup>7</sup>.

Исследование значительного числа культовых зданий разного времени и в разных городах (в частности, с аномальной ориентацией) показывает, что при наличии несомненных случаев точной закладки на восходящее солнце, а также целого ряда примеров, пока не поддающихся объяснению, часто прослеживается одна и та же устойчивая закономерность: воздвижение культовых зданий с учетом градостроительной ситуации и в частности не «живописная» их постановка, как считали до сих пор историки архитектуры и искусствоведы, а регулярная, т. е. основными осями здания параллельно или перпендикулярно к улице, дороге, берегу реки, изломам рельефа.

Строители 26 московских храмов, нарушившие дозволенные границы ориентации алтарей, неукоснительно и точно выдерживали именно это градостроительное правило. Почти все церкви Москвы с азимутами продольных осей  $90^\circ$ , т. е. обращенные алтарями строго на восток, были расположены на улицах меридионального или широтного направления (Пятницкая, Большая и Малая Ордынка, Рождественка и др.) или на соответствующих участках ландшафта. Около 93% московских храмов были поставлены регулярно. Это наглядно иллюстрирует планировочный «взвешенный» Китай-города, которому четко соответствует и сеть культовых зданий (рис.). Выборочные исследования показывают, что причиной отклонений остальных 7% является изменившаяся топография уличной сети, но никак не произвольная постановка храма. Принцип регулярной постановки выдержан и в Новгороде, и в Вологде, и во многих других городах.

Очевидно, есть определенные основания формулировать общие выводы по состоянию вопроса на сегодняшний день следующим образом: для ранних этапов развития культового строительства на Руси следует констатировать существенное влияние на ориентацию зданий религиозных, культовых канонов и в частности принцип обращения их алтарями не на восток, а на восход солнца в день закладки храма, которая нередко осуществлялась в день патрона или соответствующего праздника. В последующий период, примерно до начала XVIII в., следует отметить «привязку» храмов к градостроительной ситуации при сохранении общей направленности алтарей на восточную часть горизонта, причем с известной долей случаев, нарушающих в связи с этим канонические правила. В позднейшее время, в XVIII—XX вв., появление в обиходе ситуационных планов способствовало еще большему отходу

от старых принципов — положение храмов предопределялось уже в мастерской зодчего задолго до начала строительства и не имело ничего общего с восходами солнца при закладке здания, но более четко проводился принцип регулярной постановки и привязки к «красным линиям».

В дальнейших исследованиях нужно учесть следующие обстоятельства.

1. В прошлом могли быть неизвестные нам причины той или иной постановки храма по отношению к странам света. Например, при строительстве соборного храма Покровского Паисьева монастыря близ Углича «самые размеры храма были даны свыше, явившимися пятью крестами: „светящих до земли, — четыре косвенно, пятый же впрямь“. Руководствуясь указанием, поставили алтарь на юг — особенность довольно редкая»<sup>8</sup>.

2. У многих храмов были предшественники, как каменные, так и деревянные. Они безусловно влияли на ориентацию последующей постройки: «Заложена же бысть сия церковь по заложении же первых церкви»<sup>9</sup>. Могли оказывать влияние и другие сооружения.

3. Летописные сведения о дате закладки храма, как правило, фиксируют торжественный акт, а не фактическую разбивку осей зданий, и поскольку эти события не всегда совпадали во времени, к этим данным нужно относиться весьма осторожно. Так, в летописи о начале строительства второго каменного Успенского собора в Москве сказано, что «начаша еже рвы копати месяца апреля»<sup>10</sup>, а торжество закладки состоялось 30 апреля в 2 часа дня после того как «древом подошву набиша, та же на то каменем рвы они наполниша». Были случаи, когда церемония торжества закладки здания назначалась через несколько месяцев после начала строительства, а у более крупных храмов позднего времени — даже на следующий год.

<sup>1</sup> Шебалин В. Сборник храмозданных грамот на построение церквей в Вятской епархии. Вятка, 1914.

<sup>2</sup> ПСРЛ, т. XXV, 1949, с. 293, 6980 (1472 г.).

<sup>3</sup> Описание построения храма Св. Василия Исповедника в Москве, за Рогожской заставой в Новой Деревне. М., 1901, с. 14.

<sup>4</sup> ПСРЛ, т. XXV, 1949, с. 172, 6847 (1339 г.).

<sup>5</sup> Руководство к архитектуре для студентов Горного института, составленное архитектором Связевым, ч. II. СПб., 1833, с. 43, 44.

<sup>6</sup> ЦГАДА, 1356, оп. 1, Костромская губ., № 1805, № 1799.

<sup>7</sup> Этот интереснейший пример подсказан автору статьи московским реставратором Г. К. Игнатьевым, которому, пользуясь случаем, выражаю искреннюю благодарность.

<sup>8</sup> Эдинг Б. Ростов Великий. Углич. М. [б. г.], с. 100.

<sup>9</sup> О втором каменном Успенском соборе в Московском Кремле см.: ПСРЛ, т. XXV, 1949, с. 294, 6980 (1472 г.); т. XXVI, 1959, с. 245, 6980 (1472 г.).

<sup>10</sup> ПСРЛ, т. XXV, 1949, с. 293; т. XXVI, 1959, с. 244.

Е. Ю. МЕДНИКОВА, П. А. РАППОРТ, Н. Б. СЕЛИВАНОВА

## ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНЕСМОЛЕНСКИХ СТРОИТЕЛЬНЫХ РАСТВОРОВ

Изучение памятников древнего зодчества невозможно без всестороннего исследования не только их архитектурно-художественных форм, но и строительно-технических приемов. При этом в равной мере должно быть обращено внимание на организацию производства строительных работ, на конструкции зданий и на технологию строительных ма-

териалов. Естественно, что большое значение будет иметь и исследование строительных растворов.

Характеристика строительных растворов, сделанная на основании визуальных наблюдений, в настоящее время нас не может удовлетворить, так как не раскрывает ни состава растворов, ни их качества. Между тем, анализы древнерусских строительных растворов начали производить сравнительно недавно, менее полувека тому назад. Анализов за это время сделано очень немного, а методика их до сих пор окончательно не разработана. Впрочем, это не должно вызывать удивления, поскольку даже методика анализа современных растворов не была еще разработана в самом конце прошлого века. Так, автор, опубликовавший в 1892 г. работу, посвященную анализу растворов, писал: «По новизне дела трудно было бы держаться составленной заранее точной и определенной программы; вопросы один за другим являлись сами собою, а разрешить их все разом не было возможности»<sup>1</sup>.

Первую попытку квалифицированной оценки древнерусских строительных растворов сделали Б. С. Швецов и В. В. Суворцев<sup>2</sup>. Они подвергли анализу растворы двух памятников XII в. — Борисоглебского собора в Смоленске и церкви в Кидекше, а также нескольких памятников послемонгольского времени. Исследователи не пытались дать общую характеристику растворов; их основной задачей было выяснить, происходит ли со временем химическое взаимодействие между известью и песком<sup>3</sup>.

Значительно более подробный и всесторонний анализ древнерусских строительных растворов проделал В. Н. Юнг<sup>4</sup>. Среди нескольких подвергнутых им анализу растворов три относятся к памятникам домонгольского времени: Софийского собора в Полоцке, Борисоглебского — в Смоленске и Дмитриевского — во Владимире. Еще позже Я. Г. Бялик и Л. П. Папкова исполнили анализ раствора Золотых ворот в Киеве<sup>5</sup>, а Б. С. Лысин и Ю. Б. Корнилович дали детальное описание и подробный анализ пяти образцов: двух — из Киево-Софийского собора, двух — из собора Киево-Печерского монастыря и одного — из Золотых ворот<sup>6</sup>. Наконец, несколько очень элементарных анализов растворов новгородских памятников зодчества исполнили Ю. Генцы и Т. В. Левина<sup>7</sup>.

В 1963 г. была опубликована монография И. Л. Значко-Яворского, в которой дан общий обзор развития строительных растворов от древнейших времен до середины XIX в.<sup>8</sup> Растворам древней Руси было уделено сравнительно мало внимания: «Растворы и вяжущие средневековой Руси не отнесены к первоочередным объектам исследования в связи с тем, что они в какой-то мере изучены другими исследователями»<sup>9</sup>. И. Л. Значко-Яворский добавил к опубликованным анализам памятников домонгольского русского зодчества только один анализ раствора Успенского собора Киево-Печерского монастыря.

К сожалению, все эти работы содержат чрезвычайно мало данных для суждения о характере строительных растворов древней Руси. Прежде всего, количество проб ничтожно мало — по памятникам зодчества Руси домонгольского времени опубликовано всего 12 анализов, выполненных по разной методике и с разной степенью детальности. Но помимо незначительного количества проб, анализы эти имеют еще несколько существенных недостатков. Так, пробы растворов брались без указаний от историков архитектуры, что порой приводило к путанице. В. Н. Юнг считал, например, полоцкий Софийский собор относящимся к XII в., а смоленский Борисоглебский — к XI в., т. е. обратно тому, что имело место в действительности. У И. Л. Значко-Яворского анализы раствора смоленского Борисоглебского собора, сделанные разными исследователями, оказались отнесенными к двум разным памятникам, к тому же различно датированным. Имели место и прямые

ошибки: Б. С. Швецов и В. В. Суровцев не заметили цемянки в растворе смоленского Борисоглебского собора, но зато обнаружили ее в растворе церкви в Кидекше; очевидно, растворы были просто перепутаны, но это ошибочное определение послужило основой для выводов в работе И. Л. Значко-Яворского<sup>10</sup>.

Некоторые выводы указанных работ оказались очень спорными. Так, большинство авторов считали, что в древнерусских растворах применялась воздушная известь. Но И. Л. Значко-Яворский, пересчитав данные, приведенные в тех же работах, пришел к выводу, что почти всюду применялась гидравлическая известь. Наконец, очень спорны и сами данные некоторых анализов извести, поскольку в большинстве случаев за известь принимали все, что из данной пробы растворялось соляной кислотой. Между тем, в раствор могла уходить не только известь, но и карбонатный заполнитель (т. е. толченый известняк): На это обращал внимание В. Н. Юнг, который писал: «Поэтому без петрографического исследования, вследствие сдвига в результатах химического анализа, можно впасть в ошибку при построении выводов о составе вяжущего»<sup>11</sup>.

Таким образом, несомненно, что данных для суждения о составе строительных растворов древней Руси и особенно об их эволюции еще совершенно недостаточно. Очевидно, необходимо накопление нового материала.

В настоящей статье делается попытка более детального изучения состава древнерусских строительных растворов. С этой целью были взяты пробы растворов шести памятников зодчества древнего Смоленска: Борисоглебского собора Смядынского монастыря (1145 г.), церкви Василия на Смядыни (80-е годы XII в.), церкви на Большой Краснофлотской ул. (80—90-е годы XII в.), собора на Протоке (80—90-е годы XII в.), собора Троицкого монастыря на Кловке (рубеж XII и XIII вв.) и церкви у устья р. Чуриловка (рубеж XII и XIII вв.). Была взята также проба раствора галереи Борисоглебского собора (конец 80-х годов XII в.). Кроме того, для сравнения были взяты пробы растворов более позднего памятника — собора Духова монастыря в Смоленске (XVI в.) — и памятников других архитектурных школ — церкви в Трубчевске (конец XII в.) и Борисоглебской в Новогрудке (XII в.). Для того чтобы результаты анализов менее зависели от случайностей выбора пробы, в большинстве случаев образцы были взяты из разных участков кладки здания.

Изучение растворов проведено в виде трех самостоятельных серий анализов: механического, петрографического и химического. Для механического анализа из раствора с помощью 5% соляной кислоты выводились известь и растворимый заполнитель, после чего остаток разделялся ситами на фракции (табл. 1). Петрографический анализ дал общую картину вещественного состава строительных растворов, т. е. состава компонентов и количественных соотношений между этими компонентами, приближенно в процентах (табл. 2). Химическому анализу подверглась растворенная в соляной кислоте часть строительного раствора для получения данных о количестве окислов кальция и магния, а также кремния, алюминия и железа, что позволяло определить гидравлический модуль извести (табл. 3)<sup>12</sup>. В нескольких случаях химический анализ делался дважды: во-первых, бралась целиком вся растворимая соляной кислотой часть (в том числе и карбонатный заполнитель), а во-вторых, под биноклем тщательно выскребалась в виде мельчайших порций та часть строительного раствора, которая представляла собой более или менее чистое вяжущее, без кусков карбонатных добавок (в табл. 3 соответственно указано — «раствор» и «известь»). Кроме того, использовались данные химического анализа строительных растворов собора на Протоке (80—90-е годы XII в.),

бесстолпного храма в детинце (50—60-е годы XII в.), церкви на Воскресенской горе (начало XIII в.) и Спасской церкви в Чернушках (первая треть XIII в.), выполненного в 1963—1964 гг. в лаборатории сектора живописи Специальной научно-производственной мастерской Центральных научно-реставрационных мастерских (табл. 4)<sup>13</sup>.

Все виды анализов производились совершенно независимо, что в итоге позволило проверить объективность и точность данных, полученных одним методом, с помощью данных, полученных другими методами. Конечно, абсолютного тождества итогов, получаемых с помощью различных видов анализа, нельзя ожидать, поскольку пробы брались большей частью не от одного куска, а распределение заполнителя в составе строительного раствора даже на одном участке кладки бывает иногда настолько неоднородно, что различия можно выявить даже визуально. Тем не менее, во всех случаях, когда материалы различных видов анализа были сопоставимы, оказывалось что они почти полностью совпадают, а расхождения могут быть легко объяснимы. Так, например, процентное соотношение растворимой в соляной кислоте известково-карбонатной части строительных растворов и нерастворимого остатка следует определять по таблице механического, а не химического анализа, поскольку для этого последнего специально выбирались небольшие кусочки пробы с минимальным содержанием крупного заполнителя, тогда как для механического — достаточно большие куски строительного раствора, объективно характеризующие соотношение заполнителя и вяжущего. Естественно поэтому, что нерастворимый осадок, получаемый при химическом анализе, был, как правило, меньше, поскольку в нем было меньше количество крупного заполнителя.

Сопоставление итогов всех трех видов анализа позволило дать общую характеристику изученных строительных растворов.

Все смоленские растворы XII—XIII вв. многокомпонентны. Вяжущая масса в них известковая, иногда приближающаяся к известково-глинистой. В качестве заполнителя присутствуют цемянка (толченый кирпич), песок, толченый известняк и так называемые непогасившиеся зерна<sup>14</sup>. Процентное соотношение этих составных частей колеблется очень значительно. Так, вяжущее составляет в большинстве случаев 40—50% всего строительного раствора, но иногда встречаются растворы, в которых вяжущего — всего 25—30% (церковь на Большой Краснофлотской ул., собор на Протоке), а иногда, наоборот, — до 80% (церковь у устья Чуриловки). Известь применена различного качества. В некоторых образцах это жирная воздушная известь с гидравлическим модулем около 10 (бесстолпная церковь в детинце, церковь на Большой Краснофлотской ул.), более 15 (собор Троицкого монастыря), а порой еще значительно выше (в соборе на Протоке). Но в других случаях известь слабогидравлическая, а кое-где — даже сильногидравлическая (например, церковь на Воскресенской горе). Встречаются примеры употребления магнезиальной извести (церковь Василия).

Не менее существенно варьирует и состав заполнителя. Одна из важнейших составных частей повсюду — цемянка<sup>15</sup>. Ее количество колеблется от 8—10 до 20—25%, а в двух образцах (Борисоглебский собор и церковь Василия) поднимается до 40 и даже 55% (фундамент Борисоглебского собора). Важно отметить, что цемянка в большинстве случаев представлена крупными фракциями — более 2—3 мм, а еще чаще — крупнее 5 мм. Таким образом, цемянку замешивали в раствор главным образом в качестве крупнозернистого заполнителя, т. е. вместо щебня или гравия<sup>16</sup>. Количество цемянки в более мелких фракциях, как правило, очень невелико. Можно даже думать, что мелкие фракции цемянки вообще не были сознательной добавкой, а попадали в раствор в процессе естественного размельчения более крупных частиц во время составления раствора. Следовательно, цемянка вводилась в строитель-

ный раствор исключительно как инертный наполнитель. Однако в двух памятниках (Борисоглебский собор и отчасти собор на Протоке) цемянка найдена в значительном количестве не только в крупной, но и в самой мелкой, остаточной, фракции в виде кирпичной пыли. Такая добавка, придававшая всему раствору интенсивно розовый цвет, могла играть роль активного наполнителя и сообщать раствору гидравлические свойства.

В зависимости от качества использованного кирпича цемянка имела разный состав. Так, в растворе Борисоглебского храма в качестве цемянки использован битый кирпич, изготовленный из очень тощей глины, но без введения искусственного отощителя. В церкви Василия, галерее Борисоглебского собора, соборе Троицкого монастыря и церкви у устья Чуриловки отощитель в цемянке (песок) составляет не более 15%. В соборе на Протоке и церкви на Большой Краснофлотской ул. цемянка — битый кирпич, в котором грубозернистого отощителя около 40%. А в трубчевском храме в цемянке содержится до 80% отощителя.

Песок обычно занимает в растворах не более 20%, хотя в некоторых памятниках его количество несколько больше. При этом он, как правило, средней крупности, а иногда крупный. Особое место занимает раствор собора Троицкого монастыря, где песка много (до 40%) и он мелкий. Кроме раствора Борисоглебского собора, где песок низкой окатанности, т. е. угловатый, во всех остальных случаях применялся песок средней окатанности. Мелкий песок (кварцевополевошпатовый компонент) частично мог попасть в строительный раствор не в виде сознательной добавки, а из битого кирпича, т. е. из цемянки.

В растворах отмечено наличие непогасившихся зерен. Они выявлены только петрографическим анализом, поскольку в соляной кислоте эти частицы растворяются вместе с известью. Для химического анализа приходилось выскрести мельчайшие частицы чистой извести, чтобы анализ показал состав одной только извести без непогасившихся зерен и кусочков карбонатных добавок. Впрочем, результаты химического анализа свидетельствуют, что разница получается очень небольшая и гидравлический модуль чистой извести и извести вместе с этими добавками почти одинаков. Доля непогасившихся частиц (среди которых преобладает недожог) в растворе обычно невелика, не более 3—6%, однако в соборе Троицкого монастыря их больше (около 18%), а в растворе церкви на Большой Краснофлотской ул. — очень много (до 40%). Точно так же при петрографическом анализе выявляется и наличие угловатых кусков толченого известняка. Количество таких частиц большей частью не превышает 3—5%, лишь в растворе из забутовки стены собора Троицкого монастыря доходя до 10%. Но в растворе из Трубчевска таких частиц 35%. В этом случае толченый известняк уже не может быть случайным компонентом — он несомненно является искусственной карбонатной добавкой. Встречаются в растворах и окатанные куски известняка, которые, очевидно, попадали не в виде самостоятельной добавки, а вместе с песком. Их особенно много (до 15%) в растворе собора на Протоке. Наконец, встречаются в растворе и глинистые частицы, а также кусочки угля. Петрографический анализ показал наличие глинистого вещества в составе самого вяжущего (известково-глинистое вяжущее в соборе Троицкого монастыря, церкви у устья Чуриловки, собора на Протоке и церкви на Большой Краснофлотской ул.). Вероятно, глина вводилась в строительный раствор сознательно. Уголь же мог попадать в раствор и случайно, вместе с известью.

Во всех растворах очень велика роль крупных фракций наполнителя. Фракции крупнее 1 мм составляют, как правило, 30—40% всего строительного раствора, лишь изредка снижаясь до 17% (церковь у устья Чуриловки). Особенно большую роль играет фракция, соответствующая современному стандарту гравия или щебня (более 5 мм). Эта

фракция обычно составляет не менее 10% всего строительного раствора, иногда достигая 20 и даже 31% (фундамент Борисоглебского собора). Фракции, соответствующие современному стандарту мелких фракций песка (менее 1 мм), составляют обычно от 10 до 20% раствора<sup>17</sup>. Таким образом, крупные фракции почти всюду количественно преобладают над мелкими. Это соотношение несколько нарушено в растворе забутовки стен собора Троицкого монастыря, где заполнителя мелких фракций больше, чем крупных. Совершенно особое в этом отношении место занимает раствор церкви на Большой Краснофлотской ул. — мелкие фракции значительно преобладают над крупными.

Соотношение крупных и мелких фракций большей частью связано с составом заполнителя, поскольку крупные фракции заполнителя — это в основном щемянка, а мелкие — в большей степени песок.

Несмотря на заметные различия в составе, древние смоленские растворы имеют между собой много общего. Все они характеризуются сложным, многокомпонентным составом, а их вяжущее колеблется в интервале от чисто известкового до известково-глинистого. Сложностью состава смоленские древние растворы достаточно четко отличаются от более поздних (собор Духова монастыря), имеющих известково-песчаный состав. Существенно отличаются они и от раствора храма в Трубчевске, состоящего из трех компонентов, — извести, щемянки и толченого известняка (мел), или от раствора Борисоглебской церкви в Новогрудке, где состав — только известковое вяжущее и щемянка.

Среди древних смоленских растворов лишь немногие можно объединить в группы, обладающие общими признаками. Так, растворы Борисоглебского собора и церкви Василия отличаются высоким содержанием щемянки (35—55%) и малым количеством непогасившихся зерен. Эти растворы отличаются от остальных также большей плотностью. Возможно, что эти особенности являются хронологическими признаками, характерными для более ранних памятников смоленского зодчества. Можно также отметить, что в Борисоглебском соборе, в отличие от более поздних памятников, в растворе меньше песка, причем песок этот угловатый, тогда как повсюду применен окатанный. Очень характерно для раствора Борисоглебского собора большое количество кирпичной пыли, т. е. подлинной гидравлической добавки. Впрочем, кирпичная пыль использована и в соборе на Протоке, но здесь она распределена в растворе очень неравномерно.

Таким образом, выявить достаточно четкие признаки, свидетельствующие о развитии строительной техники, по данным приведенных анализов очень трудно. Это вполне естественно, поскольку среди памятников, растворы которых были изучены, самый ранний относится к середине XII в., а самый поздний — к первой трети XIII в. Естественно, что для выявления эволюции необходимы памятники более широкого хронологического диапазона.

Замечательно, что древние строители, по-видимому, совершенно равнодушно относились к типу применяемой ими извести. Так, при наличии в растворе гидравлической добавки в виде кирпичной пыли можно было использовать чистую воздушную известь, поскольку гидравлические свойства придавала раствору кирпичная пыль. Между тем, именно в этих случаях применена слабогидравлическая (Борисоглебский собор) или даже сильногидравлическая известь (Трубчевск, частично собор на Протоке). Воздушная же известь употреблена как раз там, где в растворе нет активных гидравлических добавок (собор Троицкого монастыря, церковь на Большой Краснофлотской ул.). В фундаменте Борисоглебского собора использована такая же слабогидравлическая известь, как и в кладке стен этого здания, хотя ясно, что фундамент во время схватывания раствора находился в условиях большей влажности и здесь нужна была более гидравлическая известь. Очень

Таблица 1  
Механический (ситовый) анализ растворов \*

Памятник	Растворимый состав (%)	Нерастворимый остаток (%)	По фракциям (%)								
			составные части	всего (приблизительно)	больше 5 мм	3—5 мм	2—3 мм	1—2 мм	0,5—1 мм	0,25—0,5 мм	меньше 0,25 мм
Борисоглебский собор, кладка южной стены	40,6	59,4	ц п г Всего	42(71) 15(25)	17,82 0,98	5,33 2,11	Больше 1/2 Меньше 1/2	Около 1/2 Около 1/2	Меньше 1/2 Больше 1/2	Много +	Много —
					18,8(31,7)	7,44(12,5)	10,9(18,5)	4,15(7,0)	7,19(12,1)	4,78(8,1)	3,26(5,5)
Борисоглебский собор, юго-западный угол	44,8	55,2	ц п г Всего	39(71) 10(18)	21,97 —	1,78 —	7,52 4,80	+	+	+	Много +
					21,97(89,8)	1,78(3,2)	12,3(22,3)	8,44(15,3)	3,3(6,0)	3,11(5,6)	3,66(6,6)
Борисоглебский собор, фундамент	36	64	ц п г Всего	51(80) 9(14)	30,93 0,22	3,42 0,96	Больше 1/2 Меньше 1/2	+	+	+	Много
					31,15(48,5)	4,38(6,8)	6,58(10,2)	2,25(3,5)	7,7(12,0)	4,88(7,6)	4,9(7,6)
Борисоглебский собор, галерея	53	47	ц п г Всего	25(53) 18(38)	12,7 1,7	4,38 0,52	2,13 0,72	Около 1/2 Около 1/2	Уменьшение количества + + +		
					14,4(30,1)	4,9(10,4)	2,85(6,1)	4,38(9,3)	4,79(10,2)	7,05(15,0)	6,08(13,0)
Церковь Василия, кладка южной стены	56,3	43,7	ц п г Всего	27(62) 10(23) 6(14)	20,9 —	2,25 —	Меньше 1/2 Больше 1/2	Уменьшение количества Около 80% + +			—
					20,9(47,9)	2,25(5,2)	3,72(8,5)	4,21(9,7)	Увеличение количества 3,39(7,8) 4,68(10,7)		4,32(9,9)
Церковь Василия, забутовка стены	61,9	38,1	ц п г Всего	26(68) 11(29)	14,95 —	4,05 0,58	1,24 0,76	Уменьшение количества + + +			+
					14,95(39,3)	4,63(12,1)	2,0(5,3)	6,01(15,8)	2,97(7,8)	3,19(8,4)	2,59(6,8)



Церковь Василия, из подкупольного столба (забутовка)	55,8	44,2	ц п г Всего	25(57) 10(23) 7(16)	18,37 0,60 0,04 19,01(43,2)	2,01 0,87	0,95 2,19 0,1 3,25(7,4)	+	+	+	Увеличение количества	3,27(7,4)	
Собор Троицкого монастыря, кладка стены	50,3	49,7	ц п г Всего	19(38) 20(40) 10(20)	11,28 11,32(22,8)	1,36 2,36 3,76(7,6)	0,43 2,88 3,31(6,7)	+	Уменьшение количества	+	+	+	5,69(11,4)
Собор Троицкого монастыря, забутовка стены	56,8	43,2	ц п г Всего	15(35) 12(28) 15(35)	11,05 11,05(26,6)	1,01 1,01(2,3)	0,15 0,47 0,62(1,4)	0,34 0,83 1,17(2,7)	Уменьшение количества	+	+	Увеличение количества	14,3(33,1)
Собор на Протоке, кладка стены	43,2	56,8	ц п г Всего	29(51) 24(42)	16,29 1,01 17,3(30,5)	1,54 1,69 3,23(5,7)	Меньше 1/2 Больше 1/2 2,8(4,9)	Около 20% Около 80% 13,3(23,4)	+	+	+	+	4,29(7,5)
Церковь на Большой Краснофлотской ул., кладка стены	40	60	ц п г Всего	19(32) 22(37) 18(30)	8,55 0,5 9,05(15,1)	0,76 2,05 2,81(4,7)	0,56 2,44 3,00(5,0)	+	Уменьшение количества	+	+	Увеличение количества	10,3(17,2)
Церковь у устья Чуриловки, кладка стены	70,5	29,5	ц п г Всего	14(48) 9(30) 6(20)	2,72 0,38 0,75 3,85(13,0)	5,36 0,64 4,0(13,5)	1,28 0,86 2,14(7,3)	Меньше 1/2 Больше 1/2 4,75(16,0)	Уменьшение количества	+	+	Увеличение количества	5,9(20,0)
Храм в Трубчевске, кладка стены	40,7	59,3	ц п г Всего	50(85)	10,4 — — 10,4(17,5)	5,11 — — 5,11(8,6)	18,24 — — 18,24(30,7)	4,05 — — 4,05(6,8)	Увеличение количества	+	+	+	9,72(16,5)

\* ц — цемент; п — песок; г — глина. Цифры указывают процентное содержание от общего веса пробы, а цифры в скобках — от веса нерастворенного остатка. Разделение на фракции исполнено с достаточно большой точностью, а разделение на компоненты внутри фракций — менее точно, визуальным отбором

с помощью бинокулярного микроскопа. Соотношение компонентов внутри мелких фракций приблизительно, поэтому подсчет суммы каждого компонента исполнен также приблизительно. Общая доля компонентов ввиду неизбежных потерь при анализе большей частью несколько менее 100%.

Таблица 2  
Петрографический анализ растворов

Памятник	Вязущее (%)	Состав вяжущего	Процентное содержание составных частей						Кирпичная пыль		Непогашенные зерна (визуально)	Степень окатанности песка	Зернистость песка
			цементка	песок	непогашенные зерна		угловатые куски карбонатов	окатанные куски карбонатов	в плите	визуально			
					куски затвердевшей массы	недожог							
Борисоглебский собор, кладка южной стены	35	Глинисто-известковый до известкового	35	18—20	—	Ед.	—	6 (из песка)	Есть	Много	Нет	Низкая	Мелкая до средней
Борисоглебский собор, юго-западный угол	50—55	Известковый	40	10—15	Ед.	До 6	Ед.	Ед.	Много	Много	Нет	Низкая	Средняя до крупной
Борисоглебский собор, фундамент	35	Глинисто-известковый до известкового	50—55	10	2	2	5	2—3	Много	Много	Нет	Очень низкая	Средняя до крупной
Борисоглебский собор, галерея	40—45	Известковый	15—20	20—25	—	—	Мергель 4	1—2	Мало	Ед.		Средняя	Мелкая до средней
Церковь Василия, из кладки стены	40	Известковый	40	8—10	До 6		Ед.	2	Мало	Мало	Нет	Средняя	Средняя до крупной
Церковь Василия, из забутовки стены	50—60	Глинисто-известковый до известкового	10—12	12	5		3	2	Мало	Ед.	Нет	Средняя	Средняя до крупной
Собор Троицкого монастыря, кладка стены	40	Известково-глинистый	4	25—40	3		Доломит 3	1—2	Нет	Ед.	Есть	Средняя	Мелкая
Собор Троицкого монастыря, забутовка стены	20—45	Глинисто-известковый	20—25	25—35	18		До 10	1	Нет	Нет	Есть	Средняя	Мелкая
Собор Троицкого монастыря, обмазка	до 90	Известково-глинистый	—	—	До 40		—	—	Нет		Нет	—	—

Т а б л и ц а 2 (окончание)

Памятник	Вязущее (%)	Состав вяжущего	Процентное содержание составных частей					Кирпичная пыль		Непогашенные вер-на (визуально)	Степень окатанности песка	Зернистость песка	
			цемянка	песок	непогашенные зерна		угловатые куски карбонатов	окатанные куски карбонатов	в плите				визуально
					куски са-твердевшей извести	недожог							
Собор на Протоке, кладка стены	30	Известково-глинистый до глинисто-известкового	15—20	20—40	Ед.	2—3	—	15	Много участками	Много	Есть	Средняя	Крупная до гравия
Церковь на Большой Краснофлотской ул., кладка стены	25	Известково-глинистый до глинисто-известкового	До 20	До 30	До 40		3—4	2	Очень мало	Ед.	Есть	Средняя	Мелкая
Церковь у устья Чуриловки, кладка стены	65—80	Глинисто-известковый	6—8	—	Ед.	До 10	До 4	Ед.	Очень мало	—	Есть	Средняя	—
Церковь у устья Чуриловки, забутовка стены	77	Глинисто-известковый до известково-глинистого	8—10	Гравий 6—8	—	До 8		—	Очень мало	—	Есть	Средняя	Крупная
Собор Духова монастыря (XVI в.), кладка стены	70	Известково-глинистый	—	5	—	15	—	—	Нет	Нет	Нет	Средняя	Средняя
Храм в Трубчевске, кладка стены	45—50	Известковый	20	—	—	—	30—35	—	Много	Много	Нет	—	—
Церковь Бориса и Глеба в Новогрудке	50—55	Известковый	40	—	—	—	—	—	Много	—	—	—	—

Таблица 3  
Химический анализ растворов \*

Памятник	Нерастворимый остаток	Потери при прокаливании	CaO	MgO	Окислы железа, алюминия и кремния	Гидравлический модуль	Характер извести
Борисоглебский собор, кладка стены. Раствор	40,01	7,94(13,2)	43,47(72,6)	2,35(3,9)	6,23(10,4)	7,4	Слабогидравлическая
Борисоглебский собор, фундамент. Известь	39,80	11,3(18,8)	41,03(68,1)	3,69(6,0)	5,14(8,5)	8,7	Слабогидравлическая
Борисоглебский собор, галерея. Раствор	33,76	7,35(11,1)	46,69(70,5)	3,89(5,9)	9,52(14,3)	5,3	Слабогидравлическая
Борисоглебский собор, галерея. Известь	32,21	8,70(12,8)	47,09(69,4)	2,70(4,0)	9,28(13,7)	5,4	Слабогидравлическая
Церковь Василия. Раствор	40,60	6,88(11,6)	41,07(69,2)	5,09(8,6)	6,79(11,4)	6,8	Слабогидравлическая
Собор Троицкого монастыря. Раствор	41,96	5,41(9,3)	49,4(85,2)	0,92(1,6)	3,21(5,5)	15,8	Воздушная
Церковь на Большой Краснофлотской ул. Раствор	40,94	7,95(13,5)	43,71(74,2)	3,21(5,5)	4,71(8,0)	9,9	Воздушная
Церковь на Большой Краснофлотской ул. Раствор (участок с туфовой структурой)	15,79	6,67(7,9)	64,98(77,2)	5,73(6,8)	5,92(7,0)	11,9	Воздушная
Церковь у устья Чуриловки. Известь	21,62	18,08(23,1)	49,07(62,7)	2,95(3,8)	8,23(10,4)	6,3	Слабогидравлическая
Собор Духова монастыря (XVI в.). Раствор	24,78	9,85(13,1)	56,10(74,8)	2,93(3,9)	6,36(8,5)	9,3	Воздушная
Храм в Трубчевске. Раствор	34,65	20,57(31,6)	32,89(50,3)	2,41(3,7)	8,78(13,5)	4,0	Сильногидравлическая
Храм в Трубчевске. Известь	39,26	22,95(37,8)	28,15(46,4)	2,98(4,9)	7,45(12,3)	4,2	Сильногидравлическая

\* Цифры без скобок — процент от пробы; цифры в скобках — процент от солянокислой вытяжки.

возможно, что подсчитанный с помощью химического анализа гидравлический модуль вообще не вполне характеризует тип применявшейся извести, поскольку для получения настоящей гидравлической извести, помимо наличия глинистых примесей в исходном известняке, необходима специальная обработка при обжиге — равномерная температура, отсеивание и пр.<sup>18</sup> Создается впечатление, что гидравлическость извести в древних смоленских строительных растворах зависела исключительно от того, из какого исходного материала ее выжигали; применяли же известь, совершенно не учитывая ее гидравлических свойств<sup>19</sup>.

Однако в тех же смоленских растворах имеются примеры и другого подхода к подбору компонентов. Так, например, строители, по-видимому, очень внимательно следили за степенью жирности: в тех случаях, когда применяли жирную воздушную известь, добавляли для ее отощения глину (вероятно, в виде суглинка). Поэтому, чем больше гидравлический модуль извести, т. е. чем менее гидравлическа эта известь, тем больше в растворе глины. Это явно видно из сопоставления состава вяжущего, определенного петрографическим анализом, с гидравлическим модулем, подсчитанным на основании химического анализа. Хорошие примеры — строительные растворы собора Троицкого монастыря, церкви на Большой Краснофлотской ул., частично собора на Протоке.

Таким образом, древние смоленские строители, видимо, считали нужным использовать в качестве вяжущего известь не жирную, а средней жирности или даже тощую. Зато процентное соотношение вяжущего и заполнителя в строительных растворах таково, что растворы могут быть в целом охарактеризованы как жирные, а порой очень

Таблица 4  
Химический анализ растворов

Памятник	Нераствори- мый остаток	Потери при прокалива- нии	CaO	MgO	SiO <sub>2</sub>	Полугорные окислы Al <sub>2</sub> O <sub>3</sub> + Fe <sub>2</sub> O <sub>3</sub>	Серный ан- гидрид	Гидравличе- ский модуль	Характер извести
Собор на Протоке, портал галереи	27,50	42,76	49,78	—	1,66	5,53	1,26	6,9	Слабогидравличе- ская
Собор на Протоке, южная галерея	40,97	43,59	50,37	—	1,29	3,77	1,38	10,0	Воздушная
Собор на Протоке, аркосоль южной галереи	14,83	44,17	52,73	—	0,90	1,08	1,06	26,6	Воздушная
Собор на Протоке, аркосоль северной галереи	53,76	39,87	46,60	—	5,27	7,26	0,54	3,7	Сильногидравличе- ская
Собор на Протоке, аркосоль северной галереи	12,07	41,51	54,29	—	1,26	1,99	0,60	16,7	Воздушная
Собор на Протоке, северная капелла	24,28	42,59	51,69	—	3,42	2,91	0,29	8,2	Слабогидравличе- ская
Собор на Протоке, северная капелла	51,85	41,92	49,27	—	5,41	3,17	0,84	5,7	Слабогидравличе- ская
Собор на Протоке, южная капелла	41,24	40,17	49,64	—	5,12	5,54	0,52	4,7	Слабогидравличе- ская
Собор на Протоке, западная галерея	4,76	43,56	53,51	—	1,38	1,92	0,22	16,2	Воздушная
Собор на Протоке, апсида	24,97	41,34	49,99	—	4,70	4,81	0,41	5,3	Слабогидравличе- ская
Собор на Протоке, южная капелла	63,80	41,11	48,46	—	5,32	6,08	0,54	4,2	Сильногидравличе- ская
Бесстолпная церковь в де- тинце	11,53	42,43	50,83	1,24	2,85	2,26	0,59	10,2	Воздушная
Бесстолпная церковь в де- тинце	13,80	41,42	51,73	1,19	3,06	2,35	0,75	9,8	Воздушная
Церковь на Воскресенской горе, апсида	71,21	41,77	38,73	3,80	8,92	5,88	0,87	2,87	Сильногидравличе- ская
Церковь на Воскресенской горе, северо-западный угол	73,04	43,58	42,03	3,80	6,03	4,63	0,52	4,30	Сильногидравличе- ская
Церковь Спаса в Чернуш- ках, западная стена	48,92	42,78	47,51	3,38	3,26	2,88	0,19	8,29	Слабогидравличе- ская
Церковь Спаса в Чернуш- ках, северная апсида	57,07	42,13	42,99	3,91	6,49	4,22	0,27	4,38	Сильногидравличе- ская
Церковь Спаса в Чернуш- ках, северная галерея	57,93	42,85	46,69	3,35	3,64	3,19	0,29	7,33	Слабогидравличе- ская
Церковь Спаса в Чернуш- ках, южная апсида	44,88	42,29	47,44	3,52	3,43	2,93	0,24	8,01	Слабогидравличе- ская

жирные, поскольку их исходный состав колеблется от 1:0,4 до 1:2, в редких случаях доходя до 1:3. Видимо, жирность раствора, т. е. большое количество вводимого в него вяжущего, древние строители считали определенной гарантией прочности.

Очень вероятно, что строители знали благотворное действие, оказываемое на прочность раствора примесями карбонатных материалов, и поэтому не только не прилагали усилий для очищения извести от недожженных известковых частиц, но порой даже искусственно вводили в раствор карбонатные добавки. Очевидно, они хорошо знали, какую роль играет в растворе крупный заполнитель, уменьшающий усадку при твердении и дающий затвердевшему раствору большую стойкость от растрескивания. Несомненно, что древние строители знали способность мелкотолченого кирпича (мелких фракций цемьянки) повышать гидравлическую активность известковых растворов, хотя, как это ни странно, в памятниках второй половины XII в. они в значительной степени отказались от использования такой примеси.

В отдельных случаях видно, что различия в составе растворов определялись конкретным заданием. Так, совершенно оправданно, что в растворе фундамента Борисоглебского собора больше крупного заполнителя, чем в растворе стен.

Конечно, количество анализов древнерусских строительных растворов еще не настолько велико, чтобы можно было делать какие-либо окончательные и достаточно широкие выводы. Ясно лишь, что разнообразие состава растворов в памятниках одного времени, а порой даже в различных частях одного памятника, свидетельствует о крайней неустойчивости рецептуры изготовления растворов в Смоленске в XII—XIII вв. Наличие в растворах кусочков древесного угля, местных необлагороженных песков и недожога свидетельствует об определенной примитивности технологии обжига извести и приготовления растворов. Тем не менее, достаточно большая прочность этих растворов дает основания утверждать, что древние строители имели большой практический опыт, позволявший им даже без точной рецептуры готовить строительные растворы хорошего качества<sup>20</sup>.

<sup>1</sup> *Дмитриев Н.* Результаты исследования растворов. Киев, 1892, с. 1.

<sup>2</sup> *Швецов В. С., Суровцев В. В.* Древние строительные растворы.— Труды Института строительных материалов минерального происхождения и стекла, 32, 1930, с. 3.

<sup>3</sup> В. С. Швецов и В. В. Суровцев дали отрицательный ответ, полагая, что известь и песок не вступают в химическое взаимодействие (*Швецов В. С., Суровцев В. В.* Древние строительные растворы, с. 22). Д. И. Менделеев придерживался на этот счет иного мнения: «...известь отчасти действует и на кремнезем» (*Менделеев Д.* Основы химии. СПб., 1895, с. 420). К такому же выводу пришли и более поздние исследователи.

<sup>4</sup> *Юнг В. Н.* О древнерусских строительных растворах.— В кн.: Сборник научных работ по вяжущим материалам. Всесоюзное научное инженерно-техническое общество силикатной промышленности. М., 1949, с. 226.

<sup>5</sup> *Бялик Я. Г., Папкова Л. П.* Некоторые исследования строительных материалов киевских Золотых ворот.— Известия АН СССР, сер. геологическая, 1953, № 5, с. 124.

<sup>6</sup> *Лысин Б. С., Корнилович Ю. Е.* Исследование древних киевских строительных растворов.— В кн.: Сборник научных работ по химии и технологии силикатов. М., 1956, с. 89.

<sup>7</sup> *Генцы Ю., Левина Т. В.* Строительные материалы, примененные в некоторых памятниках архитектуры древнего Новгорода.— В кн.: Научные работы студентов Ленинградского инженерно-строительного института, 3. Л.—М., 1958, с. 14.

<sup>8</sup> *Значко-Яворский И. Л.* Очерки истории вяжущих веществ от древнейших времен до середины XIX в. М.—Л., 1963.

<sup>9</sup> Там же, с. 252.

<sup>10</sup> Там же, с. 292, 293.

<sup>11</sup> *Юнг В. Н.* О древнерусских строительных растворах, с. 227.

<sup>12</sup> Анализ производился по методике: *Бутт Ю. М., Тимашев В. В.* Практикум по химической технологии вяжущих материалов. М., 1973, с. 61.

<sup>13</sup> Отчеты Н. Н. Воронина о раскопках в Смоленске в 1963 и 1964 гг. Архив ИА АН СССР, Р—1, № 2683 и 2972. Анализ исполнила химик М. Ермолова.

<sup>14</sup> Непогасившиеся зерна представляют собой смесь недожога и кусков непогасившейся при гашении и затвердевшей извести, постепенно гидратированной и карбонизированной уже в кладке. Под микроскопом такие куски выглядят, как известковый туф. Подробнее о непогасившихся зернах см.: *Юнг В. Н.* Основы технологии вяжущих веществ. М., 1951, с. 176—178.

<sup>15</sup> Следует отметить, что цемянку рекомендовали использовать вместо песка даже в XIX в. (Урочный реестр по части гражданской архитектуры или описание разных работ, входящих в состав каменных зданий... СПб., 1811, с. 59). То же делали в XVII в. и в Западной Европе (*Значко-Яворский И. Л.* Очерки истории..., с. 145).

<sup>16</sup> В соответствии с современным стандартом частицы песка могут иметь размер до 5 мм, более крупные — щебень или гравий (см.: Вяжущие материалы, бетоны и заполнители для бетона, ч. 2.— В кн.: Государственный стандарт СССР. М., 1968, с. 175, 185, 292). Ранее крупный песок обычно ограничивали размером 4,5 мм (*Езиоранский И., Заботкин Д.* Известковые растворы. СПб., 1863, с. 146).

<sup>17</sup> По современной строительной терминологии: крупные фракции — 1,25—5,0 мм, мелкие — 0,14—1,25 мм (см.: Вяжущие материалы, бетоны и заполнители для бетона, с. 295).

<sup>18</sup> *Лямин Н. Н.* Воздушная известь как строительный материал. СПб., 1906, с. 4.

<sup>19</sup> Известно, что хорошая известь может быть получена не только из чистого известняка, но и из известняка, имеющего примеси глины и кварцевого песка, если эти примеси мелкие и равномерно распределенные (*Волженский А. В., Бузов Ю. С., Колокольников В. С.* Минеральные вяжущие вещества. М., 1973, с. 79).

<sup>20</sup> Авторы выражают искреннюю признательность за помощь и советы инженеру М. С. Сатину (Ленинград, Институт им. Репина) и Ю. Н. Стриленко (Киев).

## ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

С. В. БЕЛЕЦКИЙ

РАСКОПКИ В ПСКОВСКОМ КРЕМЛЕ  
В 1972—1974 ГГ.

Псковское городище — детинец средневекового Пскова — расположено на высоком скалистом мысе при слиянии рек Псковы и Великой. Раскопками памятник исследовался четырежды: в 1930 г. два раскопа заложил К. К. Романов<sup>1</sup>, в 1936 г. прирезуку к большему из них осуществил Н. Н. Чернягин<sup>2</sup>, в 1946—1949 гг. обширными раскопками занималась С. А. Тараканова<sup>3</sup>, а в 1960—1961 гг. Г. П. Гроздилов провел контрольные раскопки для уточнения выводов московской исследовательницы<sup>4</sup>.

В 1972 г. экспедиция Государственного Эрмитажа возобновила раскопки псковского кремля<sup>5</sup>. В предлагаемой статье публикуются итоги трех первых полевых сезонов — 1972—1974 гг. Основной задачей в эти годы стало определение наиболее перспективного для продолжения раскопок участка детинца.

Раскоп 1972 г. площадью 24 кв. м был заложен на восточной стороне центральной площади городища (рис. 1). Вскрытые отложения, мощность которых колебалась от 0,8 до 1,5 м, оказались сильно нарушены позднейшими перекопами. Непотревоженный слой второй половины I тысячелетия н. э. сохранился только в северо-западном углу раскопа. Здесь в материковом песке оконтурилась яма глубиной около 0,5 м, в заполнении которой собраны фрагменты исключительно лепных сосудов. На дне ямы расчищено скопление камней, среди которых находился небольшой известняковый жернов.

Среди разновременных находок отмечу два фрагмента стенок сосудов с сетчатой поверхностью. Однако отложения, сформированные носителями сетчатой керамики, в сохранившемся виде не обнаружены.

Раскоп 1973—1974 гг. площадью 18 кв. м был заложен близ колокольни Троицкого собора (рис. 1 и врезка). Под полутораметровым слоем строительного мусора (чрезвычайно интересного для выяснения строительной истории восточной стены детинца) открылись отложения городищенского времени (рис. 2). Выявлено не менее четырех самостоятельных горизонтов, последовательно сменявших друг друга.

Позднейшие напластования культурного слоя, залегавшие непосредственно под мусором, представляли собой отложения чернозема. Хронологически они не отличались от древнейшей из открытых раскопками линз строительных остатков. Это прослеживается на керамическом материале (рис. 3, I, II). Найденные обломки сосудов без исключения принадлежат продукции развитого гончарного круга. Собранные

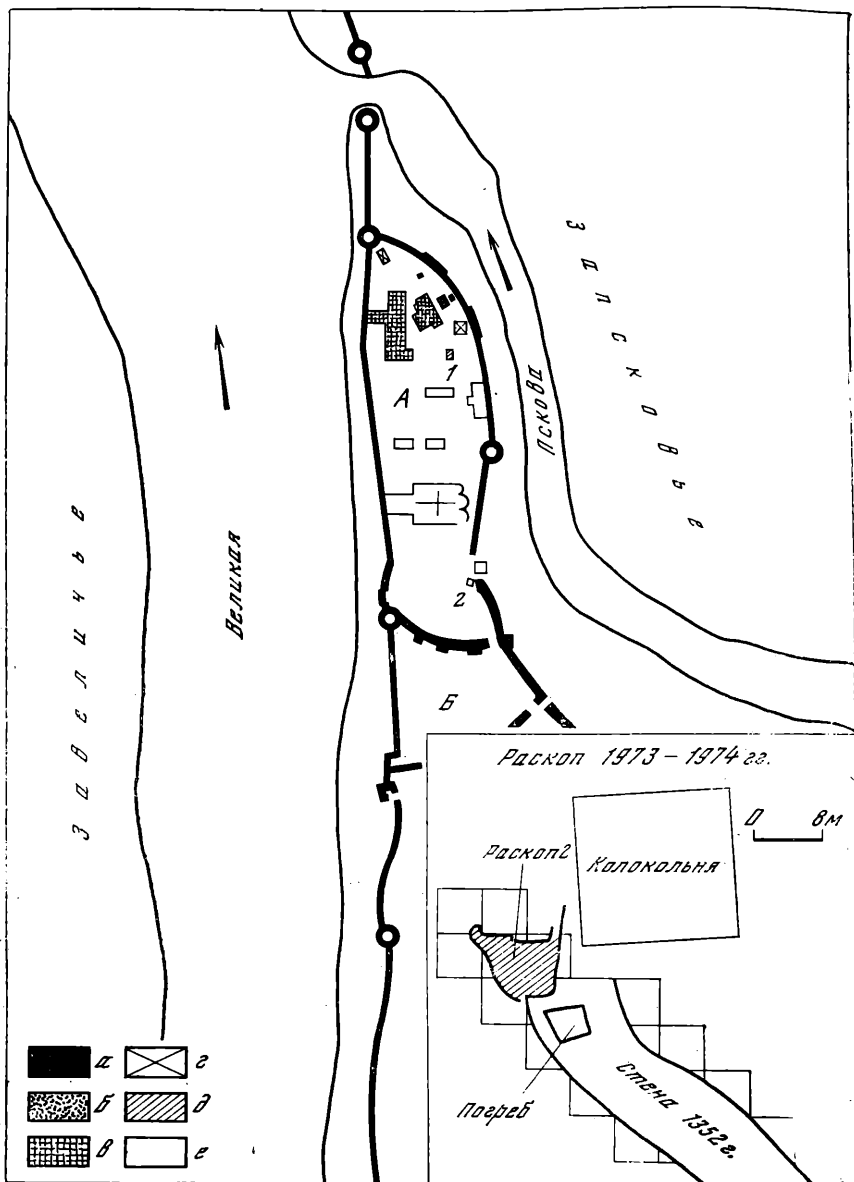


Рис. 1. План центральной части Пскова

А — кремль; Б — Довмонтова крепость

а — раскопы 1930 г.; б — раскоп 1936 г.; в — раскопы 1946—1949 гг.; г — раскопы 1960—1961 гг.; д — раскопы 1972—1974 гг. (1 — 1972 г.; 2 — 1973—1974 гг.); е — фундаменты зданий

На врезке — схема привязки раскопа 1973—1974 гг.

вещевые находки и прежде всего предметы вооружения: втульчатые наконечники арбалетных стрел (рис. 4, 21 22)<sup>6</sup>, перекрестие меча (рис. 4, 16)<sup>7</sup>, вток копья (рис. 5, 18)<sup>8</sup>, конская подкова (рис. 4, 17)<sup>9</sup> и др. — датируют отложения XIII—XIV вв. Здесь же найдены костяная игла (рис. 4, 19) и рыболовный крючок (рис. 4, 20).

Ниже в слое чернозема открылась вымостка из мелкого плитняка. При расчистке ее собраны фрагменты круговых сосудов с так называемой богатой орнаментацией (рис. 3, III). Появление керамики этой группы в Пскове исследователи обычно определяют рубежом



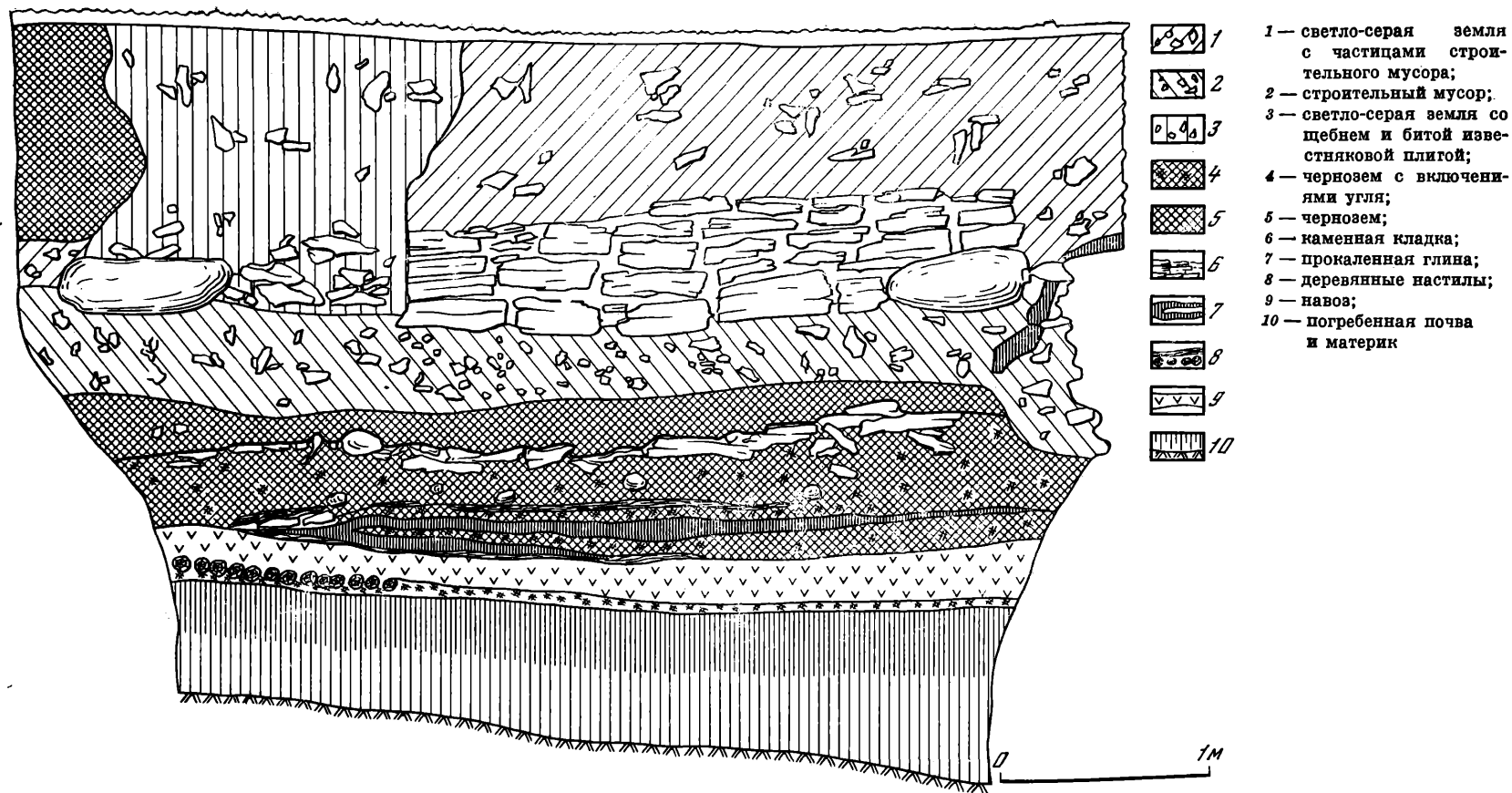

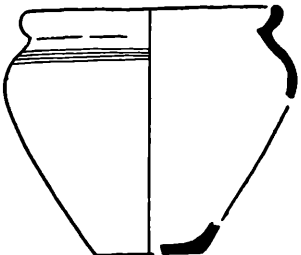
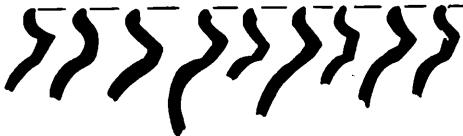
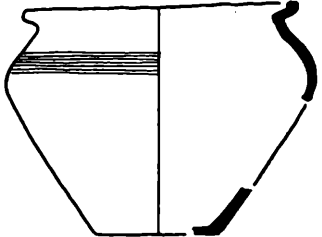
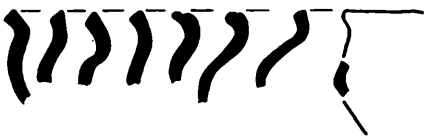
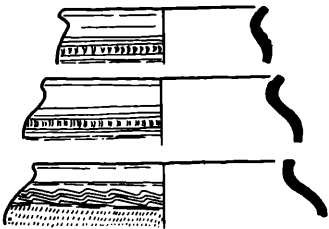

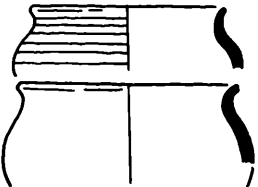

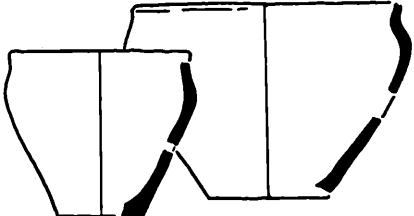
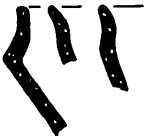
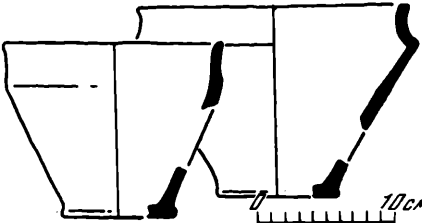


Рис. 2. Стратиграфический разрез по северной стене раскопа 1973—1974 гг.

Слой	Фрагменты	Реконструкция
I		
II		
III		
IV		
V		
VI		

0 10 см

0 10 см

Рис. 3. Керамика из раскопа 1973—1974 гг.

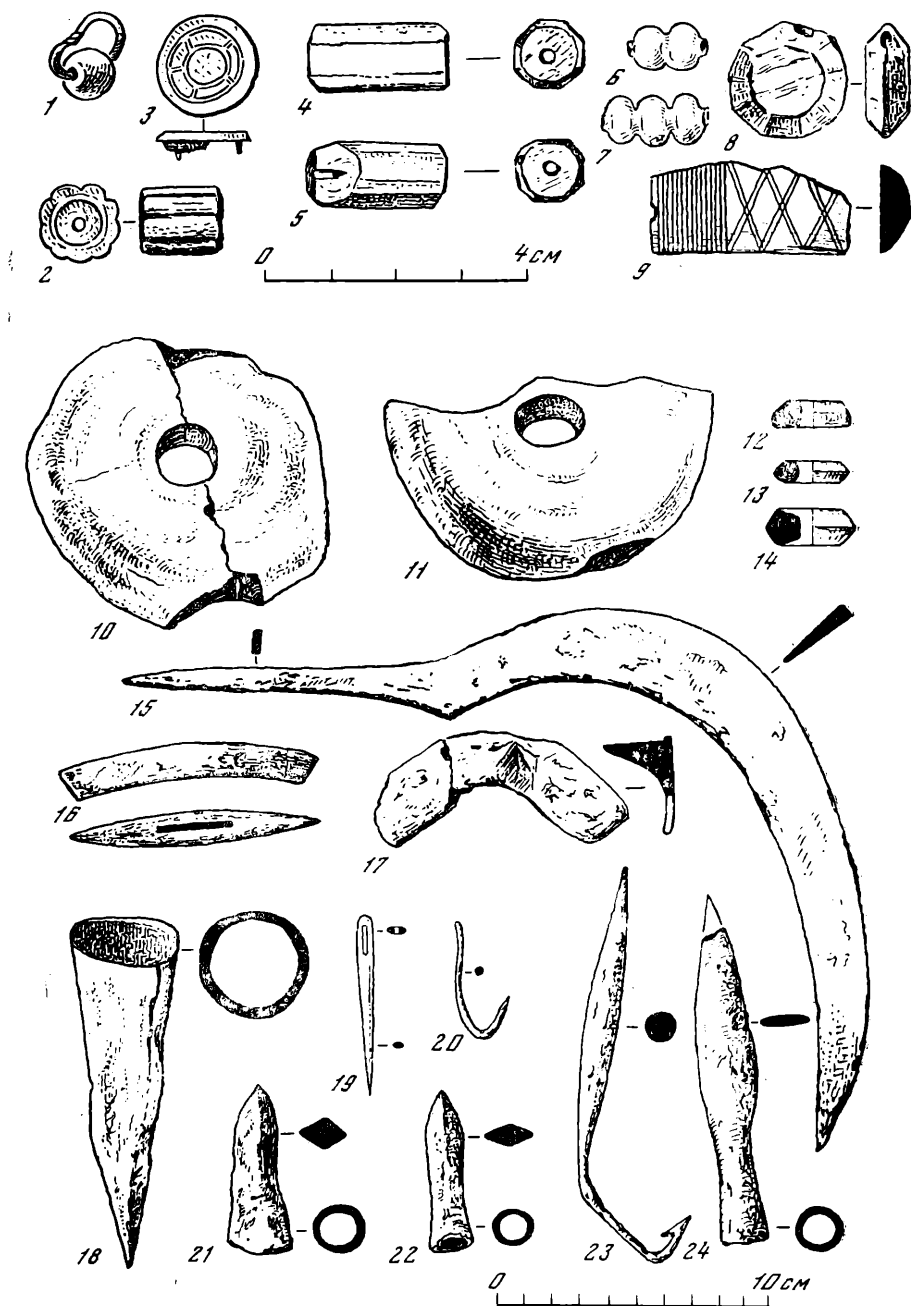


Рис. 4. Вещи из раскопа 1973—1974 гг.

1, 2, 6, 7 — стекло; 3 — бронза; 4, 5, 8, 12—14 — камень; 9, 19 — кость; 10, 11 — глина;  
15—18, 20—24 — железо

Х—XI вв.<sup>10</sup> Вещевой инвентарь, найденный при расчистке вымостки: серп (рис. 4, 15), лимоновидные стеклянные желтые бусы (рис. 4, 6, 7)<sup>11</sup>, продольнорифленые стеклянные бесцветные бусы (рис. 4, 2)<sup>12</sup>, сердоликовые бусы (рис. 4, 4, 5, 8)<sup>13</sup>, голубая пастовая бусина на металлическом колечке с завязанными концами (рис. 4, 1), глиняные диски от вертикального ткацкого стана (рис. 4, 10, 11)<sup>14</sup>, обломок

накладки роговой односторонней гребенки (рис. 4, 9)<sup>15</sup>, известняковое пряслице (рис. 4, 12), — в целом не противоречит утвердившейся в литературе дате.

Намечающийся хронологический разрыв пока не поддается объяснению. Возможно, он связан с изменениями в характере освоения данного участка городской территории.

Наибольший интерес вызывают три нижележащих горизонта. Позднейший из них представлен прослойкой прокаленной глины, ограниченной с запада и с севера двумя фрагментарно сохранившимися обугленными бревнами. Бревна лежали на небольших известняковых плитах. Близ южной стенки раскопа в пределах прослойки выявлено скопление прокаленных булыжников и золы.

При расчистке и разработке конструкций горизонта собраны фрагменты слабопрофилированных лепных горшков. Тесто их грубое, насыщенное отощающими примесями, главным образом мелкой дресвой. Здесь же найдены обломки сосудов, формованных при помощи гончарного круга. По профилю верхней трети высоты и по составу теста они близки лепным (рис. 3, IV). Вещевой инвентарь горизонта: рыболовный крючок (рис. 4, 23), бронзовая бляшка с циркульным орнаментом (рис. 4, 3)<sup>16</sup> и саманидский дирхем-подвеска, чеканенный в аш-Шапе при Наср-ибн-Ахмаде между 904 и 934 гг.<sup>17</sup>, — позволяет датировать раскрытые остатки серединой — третьей четвертью X в.

Под прослойкой прокаленной глины открылись остатки плохо сохранившегося деревянного настила. Бревна диаметром до 22 см ориентированы с северо-запада на юго-восток. При расчистке настила и его разборке собраны фрагменты исключительно лепных сосудов (рис. 3, V). Здесь же найдено известняковое пряслице (рис. 4, 14). Учитывая стратиграфию залегания, настил можно датировать первой половиной X в.

Настил лежал на прослойке навоза со щепой и соломой. Эта прослойка полностью лишена находок. Под ней открылись остатки более древнего настила. Прослежено 19 нетолстых бревен, ориентированных с севера на юг, и 9 — с запада на восток. Настил местами обуглен. Бревна положены плотно друг к другу, хорошо сохранили объем. Как-то конструкции из столба-сваи и досок уходят в западную стенку раскопа за его пределы.

При расчистке настила собраны фрагменты лепных сосудов (рис. 3, VI), среди которых имеются обломки, сохранившие на плечике отчетливый перелом-ребро. Здесь же найдены наконечник дротика (рис. 4, 24)<sup>18</sup> и известняковое пряслице (рис. 4, 13). Стратиграфически настил может быть датирован концом IX или рубежом IX—X вв.

Слой темно-коричневого перегноя, в котором залегали деревянные конструкции древнейшего из упомянутых строительных горизонтов, лежал непосредственно на светло-сером слое погребенной почвы. При зачистке материка выявилось несколько столбовых ям.

Раскопки у колокольни Троицкого собора показали, что культурный слой на этом участке крепости начал формироваться не ранее IX в. Эти данные позволяют по-новому взглянуть на некоторые вопросы изучения ранних этапов жизни города, прежде всего — роста его территории.

Раскопками 1972 г. подтвердилась значительная нарушенность культурного слоя на центральной площадке городища<sup>19</sup>. Однако отмеченные перемещения слоя при многочисленных позднейших земляных работах не исключают необходимости продолжения здесь раскопных исследований. Прежде всего это относится к мысовой части городища и к восточной половине площадки, наименее исследованным к настоящему времени. Раскопки 1973—1974 гг. дали новый для псковской археологии материал. Впервые вскрыты отложения культурного слоя древнее X в., характеризующиеся хорошей сохранностью органики.

Продолжение здесь раскопок весьма желательно — это открывает широкие возможности для дальнейшего изучения средневековых псковских древностей времени становления города.

- <sup>1</sup> Романов К. Разведочная раскопка в Псковском Кремле в 1930 г. (рукопись). Архив ЛОИА, ф. 2, оп. 1, д. 125, л. 95—107.
- <sup>2</sup> Чернягин Н. Н. Раскопки Псковского Кремля. — СА, IV, 1937; *он же*. Псков. Кремль. — В кн.: Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг. М.—Л., 1941.
- <sup>3</sup> Тараканова С. А. Раскопки в Псковском Кремле. — КСИИМК, XXI, 1947; *она же*. Раскопки в Пскове (1945—1947 гг.). — КСИИМК, XXVII, 1949; *она же*. Новые материалы по истории Пскова. — ВАН, 1949, № 3; *она же*. Новые материалы по археологии Пскова. — КСИИМК, XXXIII, 1950; *она же*. О происхождении и времени возникновения Пскова. — КСИИМК, XXXV, 1950; *она же*. К вопросу о происхождении города в Псковской земле. — КСИИМК, XLI, 1951; *она же*. Древности Псковской земли. — В кн.: По следам древних культур. Древняя Русь. М., 1953; *она же*. Псковские городища. — КСИИМК, 62, 1956; *она же*. Городища Псковское и Камно (рукопись). Архив ЛОИА, ф. 35, оп. 2, д. 1859, 1859а.
- <sup>4</sup> Гроздилов Г. П. К вопросу о топографии древнего Пскова. — АСГЭ, 6, 1964, с. 141 сл.
- <sup>5</sup> Работами Кремлевского отряда экспедиции ведал автор. В раскопках приняли участие М. Рыжановская (МГУ), Н. Громова, Н. Сизая, В. Карпов, В. Семенов, И. Янковская, С. Янковский (все ЛГУ), Б. Ильин (училище им. В. А. Серова), Е. Треполенкова (Эрмитаж).
- <sup>6</sup> Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел. VIII—XIV вв. — САИ, вып. Е1-36, 1966, с. 94, тип 8, табл. 31, 15.
- <sup>7</sup> Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие, вып. 1. — САИ, вып. Е1-36, 1966, с. 49—54, рис. 10, 2, табл. XXV, 1; XXVII, 2.
- <sup>8</sup> Медведев А. Ф. Оружие Новгорода Великого. — МИА, № 65, 1959, с. 130, рис. 14, 11—13.
- <sup>9</sup> Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв. — САИ, вып. Е1-36, 1973, с. 83, 84.
- <sup>10</sup> Гроздилов Г. П. Раскопки древнего Пскова. — АСГЭ, 4, 1962, с. 55, 56; *он же*. К вопросу о топографии..., с. 144, рис. 4, 5—8; Белецкий В. Д. Древний Псков по материалам археологических раскопок экспедиции Государственного Эрмитажа. — СГЭ, 29, 1968, с. 7; Лябутина И. К. Охранные раскопки в Пскове. — АО 1972 г. М., 1973, с. 20.
- <sup>11</sup> Львова З. А. Стекланные бусы Старой Ладogi. — АСГЭ, 10, 1968, с. 88 сл.
- <sup>12</sup> Там же.
- <sup>13</sup> Фелнер М. В. Внешнеэкономические связи по материалам ярославских могильников. — В кн.: Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963, с. 75, 76.
- <sup>14</sup> Штакельберг Ю. И. Глиняные диски из Старой Ладogi. — АСГЭ, 4, 1962, с. 109—115.
- <sup>15</sup> Давидан О. И. Гребни Старой Ладogi. — АСГЭ, 4, 1962, с. 99, рис. 3.
- <sup>16</sup> Бляшка разрушилась. Зарисовка дана по полевому дневнику автора, сданному в архив Псковской экспедиции (фонды Отдела истории русской культуры Эрмитажа).
- <sup>17</sup> Определение сотрудника Эрмитажа И. Г. Добровольского.
- <sup>18</sup> Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие..., с. 57, тип 4, табл. 30, 4.
- <sup>19</sup> Гроздилов Г. П. К вопросу о топографии..., с. 140.

В. В. СЕДОВ

## ЛЕПНАЯ КЕРАМИКА ИЗБОРСКОГО ГОРОДИЩА

Стационарные раскопочные работы, начатые в древнерусском городе Изборске в 1971 г. экспедицией Института археологии АН СССР и Псковского историко-художественного и архитектурного музея-заповедника и продолжающиеся поныне, показали, что поселение здесь возникло на рубеже VIII и IX вв.<sup>1</sup> Ранние культурные напластования Изборского городища сохранились далеко не по всей его площади. Городище неоднократно перепланировалось, в результате чего нижние слои оказались в ряде мест потревоженными. Вместе с тем на поселении имеются

значительные участки, где культурные отложения VIII—X вв. сохранились хорошо. При их исследовании выявлены остатки наземных срубных построек с очагами или печами, сложенными из глины и камня. Найдены различные предметы — железные ножи и серпы, глиняные льячки и пряслица, каменные грузила, блоковидные кресала и литейные формочки, костяные острия, проколки и иглы, изделия из бронзы и др. Но наиболее массовым материалом этого слоя являются фрагменты лепной глиняной посуды. Для изучения истории населения северо-западного региона древней Руси в последней четверти I тысячелетия н. э. эта керамика представляет первостепенный интерес.

Стратиграфически напластования с лепной керамикой не подразделяются на отдельные слои. Поэтому глиняная посуда, изготовленная без помощи гончарного круга, характеризуется в целом для всего памятника. В основу ее классификации положены материалы раскопок 1971—1975 гг.

Среди изборской лепной керамики преобладают горшкообразные сосуды с плавным профилем, выпуклыми плечиками и отогнутым наружу венчиком. Наибольшее расширение приходится на верхнюю треть сосудов, диаметр дна почти в два раза меньше диаметра устья. Горшки среднего размера — их высота 13—20 см (рис. 1, А). Обломки таких сосудов составляют 52% фрагментов, пригодных для типологического анализа.

Эти горшки не орнаментированы. Лишь на единичных фрагментах имелся зигзаговый веревочный орнамент (нанесен веревочкой, намотанной на палочку), напоминающий «роменский».

К описанному типу сосудов, очевидно, нужно отнести некоторые миниатюрные горшочки (рис. 2, Г).

Лепная керамика указанного типа имеет многочисленные аналогии в восточнославянских памятниках VIII—X вв. Она встречается и в северорусских городах (Псков, Новгород, Старая Ладога), и на небольших поселениях, и в курганах с трупосожжениями, в том числе в сопках и длинных насыпях Смоленщины<sup>2</sup>.

Второй тип изборских лепных сосудов составляют низкие, приземистые горшки с более или менее выраженным ребром. Наибольшее расширение тулова приходится на ребро, находящееся обычно в верхней четверти высоты сосуда (рис. 1, Б). Намечаются два варианта горшков этого типа. Одни из них имеют ребро, образованное изгибом стенок сосуда под углом, у других «ребро» только намечено при помощи отчетливо выделенного плечика.

Горшки второго типа невелики. Их высота 10—16 см, диаметр устья 14—20 см. Орнамент на сосудах отсутствует. В Изборске такие горшки составляют около 12% всей массы лепной керамики.

Эти сосуды находят широкий круг аналогий в памятниках Новгородско-Псковской земли. В частности, они встречаются в Пскове, Новгороде, Старой Ладоге, на поселениях Поильменья<sup>3</sup>. Более отдаленные аналогии этой керамике есть среди славянских древностей междуречья Нижней Вислы и Одры<sup>4</sup>.

Лепная посуда описанных двух типов выделяется несколько лучшей выработкой среди прочей керамики, сделанной без помощи гончарного круга. В качестве примеси к глине в изборской керамике применялась дресва. Из-за сильно выступающих наружу зерен крупной дресвы поверхность стенок сосудов обычно бугристая. Керамика первых двух типов отличается меньшими частицами дресвы, поэтому бугристость ее поверхности выражена слабо. Иногда наружная поверхность сосудов слегка заглаживалась, поэтому частицы дресвы видны главным образом в изломе. Судя по всему, сосуды первых двух типов являются сравнительно поздними среди лепной керамики Изборска.

Третий тип изборской лепной посуды составляют слабопрофилированные горшки с прямым венчиком. Наибольшее расширение их приходится

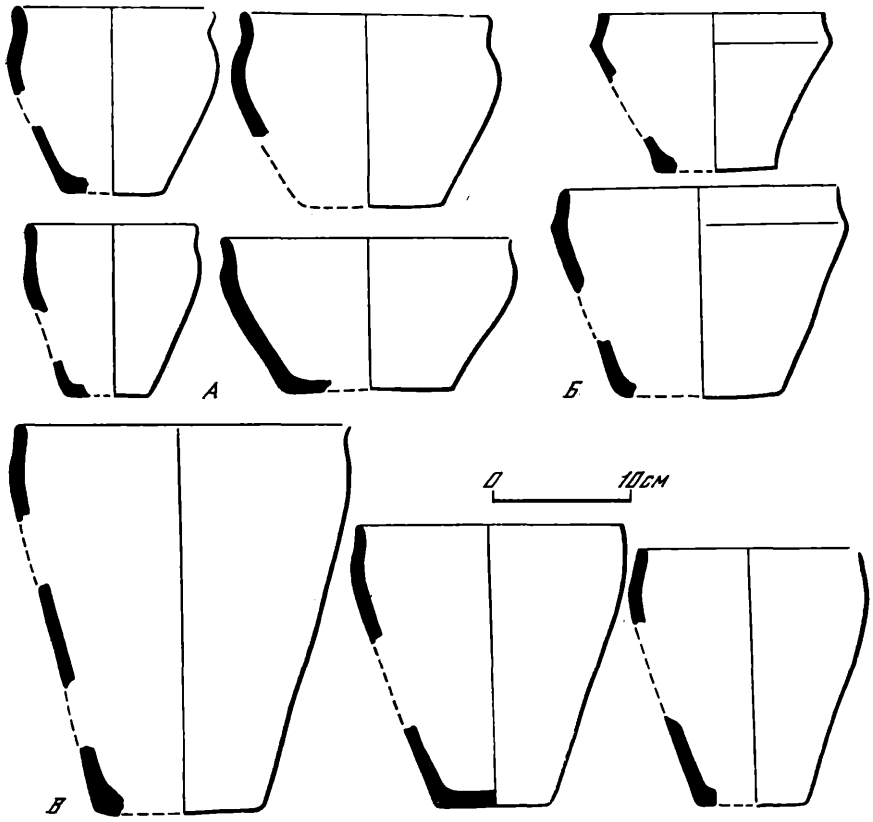


Рис. 1. Горшки первых трех типов

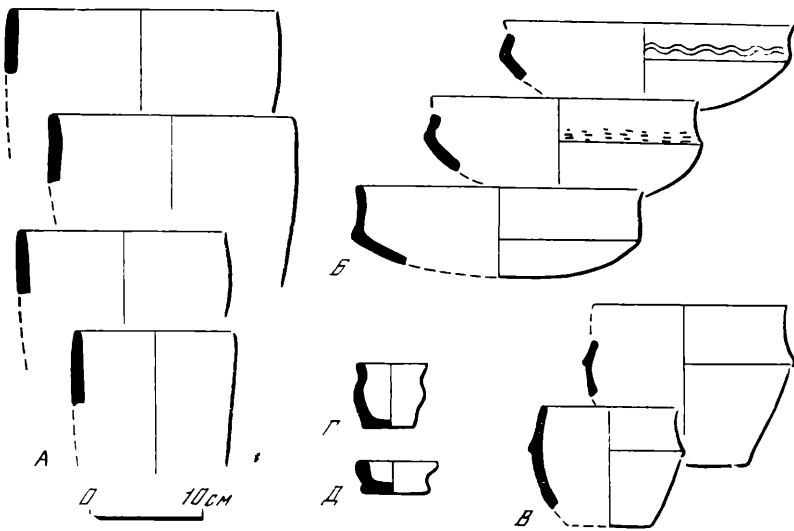


Рис. 2. Прочие формы лепной керамики

на верхнюю четверть, нижняя часть — усеченно-коническая, диаметр дна почти в два раза меньше диаметра устья (рис. 1, В). Среди них преобладают сосуды средних и крупных размеров (их высота от 16 до 35 см). В Изборске керамика третьего типа составляет около 23% лепной посуды.

Эти горшки принадлежат к распространенной славянской керамике третьей четверти I тысячелетия н. э., которую чешский археолог Й. Борковский предложил называть пражской<sup>5</sup>. Эта керамика ныне известна на широкой территории от Верхней Эльбы до Среднего Поднепровья<sup>6</sup>. В северо-западной части восточнославянского ареала сосуды этого типа, кроме Изборска, встречены в нижних слоях Псковского городища и в кривических длинных курганах<sup>7</sup>.

Горшкам третьего типа, по-видимому, синхронны баночные сосуды, образующие четвертый тип изборской лепной керамики (рис. 2, А). По технологическим признакам (тесто, формовка, обжиг) посуда третьего и четвертого типов идентична. Баночные сосуды имеют почти отвесные стенки, лишь некоторые из них несколько суживаются по направлению к днищу. Представлены они фрагментарно, поэтому о размерах сосудов говорить рано.

Фрагменты сосудов четвертого типа составляют около 9% лепной керамики Изборского городища.

Сходные баночные сосуды известны на многих памятниках северо-западного региона Восточной Европы. Ближайшие аналогии имеются в материалах городищ Камно и Псковском, а также на памятниках рюгеского типа в Юго-Восточной Эстонии<sup>8</sup>. Аналогичная баночная керамика встречена также в Старой Ладогe, в древнейшем комплексе Городца под Лугой и среди урн длинных курганов<sup>9</sup>. Если горшки третьего типа, очевидно, были принесены на Северо-Запад расселившимися здесь славянами, то баночные сосуды, по-видимому, по своему происхождению связаны с местным финноязычным населением. На эстонских поселениях типа Рюге аналогичные баночные сосуды являются основной формой грубой лепной керамики.

С рюгескими формами керамики сопоставимы также низкие круглодонные сосуды — чаши с чуть выгнутым наружу венчиком, с подлощенной поверхностью и ребром или плавным изгибом примерно посредине их высоты (рис. 2, В). На двух изборских фрагментах имеется нарезной орнамент. На эстонских поселениях такие заглаженные круглодонные чаши датируются последними веками I тысячелетия н. э.<sup>10</sup> Кроме Изборска, сходные сосуды — чаши с подлощенной поверхностью — встречены и на других поселениях Северо-Западной Руси, в том числе на городище Камно, на Рюриковском городище под Новгородом, в Старой Ладогe<sup>11</sup>.

В нижнем слое Изборского городища обнаружены еще единичные фрагменты лепных горшков с лощеной поверхностью. Это были небольшие сосуды с прямым венчиком, чуть наклоненным вовнутрь, и плечиками, оформленными валикообразным, несколько оттянутым книзу выступом-ребром (рис. 2, В).

Как горшки, так и чаши с лощеной поверхностью отличаются тщательностью выделки (в тесте присутствуют мелкая дрова и песок) и тонкими стенками (0,5—0,7 см).

Единичными фрагментами представлены небольшие плоски, сделанные из грубого теста. Они имеют толстое плоское дно и очень невысокие стенки с утолщенным венчиком (рис. 2, Д).

В заключение обзора лепной керамики Изборского городища следует отметить, что основная ее масса (свыше 85%) обнаруживает аналогии как на славянских памятниках северо-западного региона Восточноевропейской равнины, так и в древностях коренных славянских территорий. Значительно меньшую долю лепной посуды составляют сосуды несла-



вянских форм, которые, наряду с другими археологическими материалами, свидетельствуют об участии в формировании древнерусского населения Новгородско-Псковской земли местных финноязычных племен.

- <sup>1</sup> Седов В. В. Раскопки в Изборске в 1971 и 1972 гг.— КСИА, 144, 1975, с. 67—74.
- <sup>2</sup> Станкевич Я. В. Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладogi.— СА, XV, 1951, рис. 5, 8, 9; Орлов С. Н. Славянское поселение на берегу р. Прость около Новгорода.— СА, 1972, № 2, рис. 3, 4; Горюнова В. М. Новое в исследовании «Городка» на Ловати.— КСИА, 139, 1974, с. 76, 77, рис. 24, 1—5; Седов В. В. Новгородские сопки.— САИ, вып. Е1-8, 1970, с. 24, табл. XIII, 4—6; он же. Длинные курганы кривичей.— САИ, вып. Е1-8, 1974, с. 26, табл. 21, 1, 3—8, 10, 11; 22, 3—5.
- <sup>3</sup> Станкевич Я. В. Керамика нижнего горизонта Старой Ладogi.— СА, XIV, 1950, с. 191, 192, рис. 2, 2, 3; 3, 4; Гроздилов Г. П. К вопросу о топографии древнего Пскова.— АСГЭ, 6, 1964, с. 141—144, рис. 4; Орлов С. Н. Славянское поселение..., рис. 5; Горюнова В. М. Новое в исследовании «Городка»..., рис. 24, 8, 9; Седов В. В. Новгородские сопки, с. 24.
- <sup>4</sup> См. например: Losiński W. Początki wczesnośredniowiecznego osadnictwa grodowego w dorzeczu dolnej Parsęty (VII—X/XI w.). Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1972, s. 41—43, rys. 6.
- <sup>5</sup> Borkovský J. Staroslovanská keramika ve střední Evropě.— In: Studie k počátků slovanské kultury. Praha, 1940.
- <sup>6</sup> Krüger B. Dessau-Mosigkau. Ein frühslawischer Siedlungsplatz im mittleren Elbegebiet. Berlin, 1967; Zeman J. Nejstarší slovanské osídlené Čech.— Památky archeologické, 1976, № 1, s. 115—235; Русанова И. П. Славянские древности VI—XI вв. между Днепром и Западным Бугом.— САИ, вып. Е1-25, 1973.
- <sup>7</sup> Седов В. В. Длинные курганы кривичей, табл. 19, 1, 5; 20, 3.
- <sup>8</sup> Шмидефельд М. Х. Городище Рыуге в юго-восточной Эстонии.— В кн.: Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М., 1959, с. 163, табл. II, 2.
- <sup>9</sup> Станкевич Я. В. Керамика нижнего горизонта Старой Ладogi, с. 189, 190, рис. 2, 1; она же. Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладogi, с. 220, 221, рис. 1; Лебедев Г. С. Городец под Лугой.— КСИА, 135, 1973, с. 75, рис. 24; Седов В. В. Длинные курганы кривичей, с. 26.
- <sup>10</sup> Шмидефельд М. Х. Городище Рыуге..., с. 164, 165, табл. IV.
- <sup>11</sup> Станкевич Я. В. Керамика нижнего горизонта Старой Ладogi, с. 193, 194, рис. 3, 3.

А. Р. АРТЕМЬЕВ

## НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ ИЗ РАСКОПОК ИЗБОРСКА

Систематические раскопки в Изборске, на городище, где находился город до 1303 г., начаты экспедицией Института археологии АН СССР в 1971 г. (начальник экспедиции В. В. Седов). В X—XIII вв. Изборск был важным пограничным городом на западе Новгородской земли. Раскопками установлено, что уже на рубеже XI—XII вв. здесь строили каменные крепостные стены и башню. Вполне понятно, что среди многочисленных вещевых находок на городище значительную часть составляют предметы вооружения.

Настоящая статья посвящена одному из распространенных видов древнерусского оружия — железным наконечникам стрел. За первые пять сезонов раскопок Изборского городища их найдено 82. Описание наконечников стрел дается на основе типологии, разработанной А. Ф. Медведевым<sup>1</sup>.

Наконечники стрел лука составляют 57,5%, остальные принадлежат арбалетным стрелам. Среди первых преобладают черепковые следующих типов:

1. Ланцетовидные (тип 62 по А. Ф. Медведеву). Найдено 10 наконечников<sup>2</sup>, в том числе один с перекрученной шейкой. Наконечники стрел

этого типа встречены во многих древнерусских памятниках и датируются обычно IX—XI вв.<sup>3</sup>

2. Остролистные (тип 61). Обнаружено шесть наконечников. Один из них относится к IX — первой половине XI в., три (пропорции пера 1:4) происходят из слоев XI—XIII вв.

3. Ромбовидные новгородского типа (тип 46). Найдено четыре наконечника в слоях XI—XIII вв.<sup>4</sup> Один из них отличается крупными размерами: длина 190 мм, длина пера 137 мм, ширина пера 31 мм.

4. Лавролистные (тип 63). Встречено четыре наконечника в слоях XI—XII вв.<sup>5</sup>

5. Клиновидные (тип 44,2). Обнаружено два наконечника в слое XII в. Ближайшими аналогиями являются новгородские и псковские находки<sup>6</sup>.

6. Двухшипные с шейкой и упором (тип 30). Найден один наконечник, происходящий из слоя XI—XII вв.

7. Листовидные с наибольшим расширением у острия (тип 65,2). Найден один наконечник, датируемый XIII — началом XIV в.

8. Ромбовидные с упором и расширением в нижней трети пера (тип 40). Найден один наконечник, отличающийся от встреченных на других памятниках большими размерами: длина 140 мм, длина пера 92 мм, ширина пера 27 мм.

11 черешковых наконечников стрел лука являются бронебойными (гранеными) и принадлежат шести типам:

1. Пирамидальные квадратного сечения с круглой шейкой (по А. Ф. Медведеву тип 87,1). Найдено три наконечника, из которых один — с уступом между острием и шейкой — датируется по аналогиям XII — первой половиной XIII в., а остальные, имеющие квадратную шейку и грань листовидной формы, — XIV в.

2. Шиловидные квадратного сечения с простым упором (тип 90,1). Обнаружено три наконечника.

3. Пирамидальные ромбического сечения, сплюснутые у черешка (тип 96). В слое XII в. найдено два наконечника. В Новгороде и Волковыске подобные относятся к XII—XIII вв.<sup>7</sup>

4. Клиновидные сплюснутые (тип 81). Найден один наконечник. Этот тип в целом датируется X—XIV вв. Изборская находка относится ко второй половине XII—XIII в.

5. В виде кинжалчика ромбического сечения с круглой шейкой (тип 97,1). Встречен один наконечник, относящийся к IX—X вв.

6. С массивной головкой лавролистной формы ромбического сечения (тип 101). Найден один экземпляр. В Новгороде такие наконечники встречены в слоях первой половины и середины XIV в.<sup>8</sup> Изборская находка, очевидно, относится к последним годам жизни на городище — рубежу XIII—XIV вв.

Втульчатые наконечники стрел от лука единичны:

1. Двухшипные (тип 2 по А. Ф. Медведеву). Найдено два наконечника, один из которых относится к IX—X вв., а другой датируется более широко — IX—XIII вв. Подобные наконечники встречены на немногих памятниках Руси, в частности в Новгороде и Волковыске<sup>9</sup>.

2. Лавролистные (тип 5). Найден один наконечник в слое XII в.

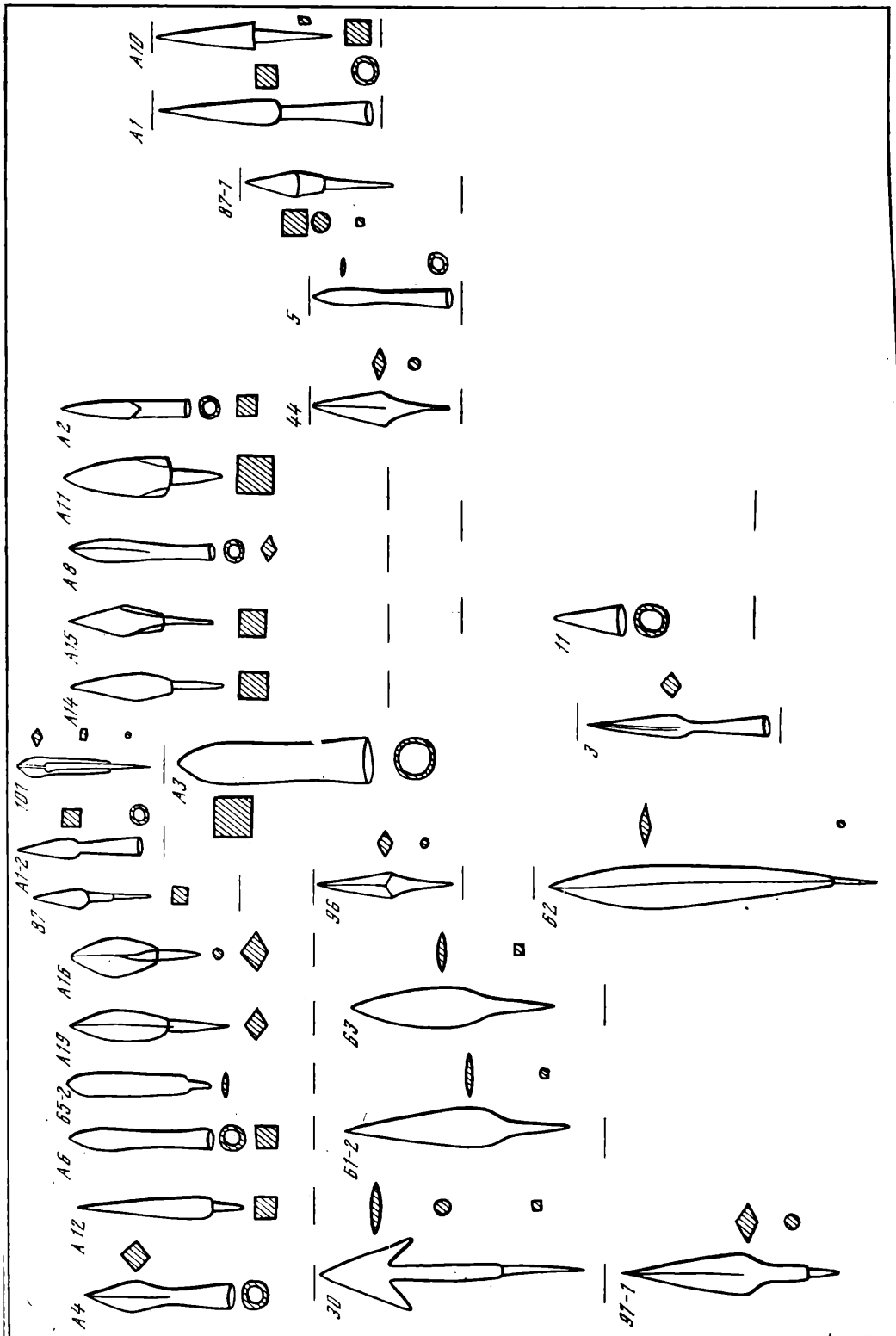
3. Шиловидные (тип 8). Встречен один наконечник.

4. Томар наперсткообразный (тип 11). Найден один наконечник. Он имеет острую головку в отличие от происходящего из Новгорода и датируемого X—XI вв.<sup>10</sup>

Арбалетные наконечники стрел встречены в количестве 33. Среди них около половины составляют втульчатые следующих типов:

1. Пирамидальные квадратного сечения с шейкой (тип 1 по А. Ф. Медведеву). Найдено семь таких наконечников, датирующихся второй половиной XII в. и более поздним временем.

BenzE
XIV
XIII
XII
XI
X
IX



Наконечники стрел из Изборска

2. Пирамидальные квадратного сечения без шейки (тип 2). Обнаружен один наконечник.<sup>11</sup>

3. Квадратного сечения с коротким пирамидальным острием (тип 3). Найден один наконечник в слое XII—XIII вв.<sup>12</sup> До сих пор известно лишь три древнерусских наконечника этого типа, происходящих с Киевщины.

4. Пирамидальные с ромбовидной головкой квадратного сечения (тип 4). Встречен один наконечник.

5. Пирамидальные квадратного сечения с лавролистной гранью (тип 6). Обнаружено три наконечника в слое XIII—начала XIV в. Подобные наконечники найдены также в стене изборской крепости, сооруженной в 1330 г.

6. Лавролистные ромбического сечения (тип 8,1). Найдено три наконечника<sup>13</sup> в слоях конца XII в. и более поздних. Обнаружены они и в Пскове<sup>14</sup>.

Черешковые арбалетные наконечники принадлежат семи типам:

1. Пирамидальные квадратного сечения с треугольной гранью (тип 10). Встречено 8 наконечников в слоях второй половины XII—XIII в.

2. Пирамидальные квадратного сечения с остролистной гранью (тип 12). Найдено два наконечника.

3. Пирамидальные квадратного сечения с треугольной выпуклой гранью и срезанными у основания углами (тип 11). Обнаружен один наконечник.

4. Квадратного сечения с ромбовидной гранью (тип 14). Встречены в слоях второй половины XII—начала XIV в. Известны среди материалов других памятников, где датируются XIII—XIV вв.<sup>15</sup>

5. Квадратного сечения с ромбовидной гранью и срезанными углами (тип 15). Найдено два наконечника. Такие же были широко распространены в XII—XIII вв. на территории Латвии. Встречены они в Новогрудке и Волковыске<sup>16</sup>.

6. Ромбического сечения с ромбовидной гранью и срезанными углами (тип 16). Два изборских наконечника относятся к XII—XIII вв. До сих пор подобные наконечники встречены лишь в Латвии и датированы XIII—XV вв.

7. Ромбического сечения с ромбовидной гранью (близки к типу 19). Найдены два наконечника.

Особенностью изборской коллекции наконечников стрел следует считать большое количество среди них втульчатых (около 27%). Для древней Руси такие наконечники были не характерны. В коллекциях других памятников они составляют около 1%<sup>17</sup>. Втульчатые наконечники были широко распространены в странах Средней и Западной Европы. Очевидно, их значительное число в Изборске объясняется западным пограничным положением этого города. Вероятно, многие из этих наконечников стрел попали в культурный слой Изборска во время нападений на него с Запада.

В истории использования наконечников стрел в Изборске выделяется два периода (рис.). В первый период (VIII—XII вв.) употреблялись в основном плоские наконечники. Во второй период (вторая половина XII—начало XIV в.) почти безраздельно господствовали бронебойные наконечники, причем особенно интересно, что в подавляющем большинстве они были арбалетными. Из 19 известных типов наконечников арбалетных стрел в материалах Изборского городища представлены 13. Такое разнообразие до сих пор в коллекциях древнерусских памятников не отмечалось. Объясняется это опять-таки пограничным положением Изборска, которому не раз приходилось отражать нападения Ливонского ордена.

- <sup>1</sup> *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел. VIII—XIV вв.—САИ, вып. Е1-36, 1966.
- <sup>2</sup> *Седов В. В.* Раскопки в Изборске в 1971 и 1972 гг.—КСИА, 144, 1975, с. 74, рис. 2, 13.
- <sup>3</sup> *Медведев А. Ф.* Оружие Новгорода Великого.—МИА, № 65, 1959, рис. 13, 9; *Тараканова С. А.* Новые материалы по археологии Пскова.—КСИИМК, XXXIII, 1950, с. 52; *Никольская Т. Н.* Военное дело в городах вятичей.—КСИА, 139, 1974, с. 35.
- <sup>4</sup> *Седов В. В.* Раскопки в Изборске..., рис. 2, 11.
- <sup>5</sup> Там же, рис. 2, 12.
- <sup>6</sup> *Тараканова С. А.* Новые материалы..., с. 52.
- <sup>7</sup> *Зверуго Я. Г.* Древний Волковыск. Минск, 1975, с. 109, рис. 33, 41.
- <sup>8</sup> *Медведев А. Ф.* Оружие Новгорода Великого, рис. 13, 53; 15, 7.
- <sup>9</sup> Там же, рис. 13, 1; 14, 10; *Зверуго Я. Г.* Древний Волковыск, с. 105, рис. 35, 1.
- <sup>10</sup> *Медведев А. Ф.* Оружие Новгорода Великого, рис. 13, 6; 14, 8.
- <sup>11</sup> *Седов В. В.* Раскопки в Изборске..., с. 74, рис. 2, 9.
- <sup>12</sup> Там же, рис. 2, 8.
- <sup>13</sup> Там же, рис. 2, 15, 16.
- <sup>14</sup> Псковский музей-заповедник, фонды, инв. № 2208/34, 2208/160.
- <sup>15</sup> *Воронин Н. Н.* Древнее Гродно.—МИА, № 41, 1954, с. 167, рис. 88, 2, 6; *Зверуго Я. Г.* Древний Волковыск, с. 111, рис. 32, 5; Псковский музей-заповедник, фонды, инв. № 2208/10.
- <sup>16</sup> *Зверуго Я. Г.* Древний Волковыск, рис. 32, 6.
- <sup>17</sup> *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие..., с. 55, 56.

М. К. КАРГЕР

## ЦЕРКОВЬ БЛАГОВЕЩЕНИЯ В ВИТЕБСКЕ

Витебск, судя по летописным данным, возник в начале XI в. на скрещении водных путей «из варяг в греки» и западнодвинского<sup>1</sup>. Первое упоминание о Витебске под 1021 г. встречаем в Софийской I и Воскресенской летописях, где сообщается о передаче города (вместе с Усвятом) Ярославом Мудрым полоцкому князю Брячиславу в результате заключения военного союза. Город на скрещении торговых путей имел большое значение, и передача его Полоцку, по-видимому, была вызвана необходимостью заполучить князя Брячислава в качестве союзника<sup>2</sup>. Следующее летописное известие о Витебске относится к 1165 г., когда там сидел сын смоленского князя Ростислава Давид. В 70—80-х годах XII в. Витебск оказывается в составе Полоцкой земли, однако в 1195 г. снова переходит к Смоленску<sup>3</sup>.

Руины церкви Благовещения в Витебске расположены на левом берегу Западной Двины. Как и большинство других памятников Полоцкой и Смоленской земель, церковь не имеет даты, опирающейся на достоверные письменные источники. Витебские краеведы XIX в., ссылаясь на известия поздних источников, в частности Витебской летописи XVIII в., относили основание церкви к X в., связывая ее постройку с княгиней Ольгой. Иные, опираясь на сообщение Стрыйковского, относили постройку храма к XIV в. и считали ее строителем литовского князя Ольгерда. Едва ли есть необходимость серьезно опровергать обе эти датировки ввиду их полной необоснованности.

Внимание серьезного исследователя архитектуры церковь Благовещения впервые привлекла в конце XIX в. Это был А. М. Павлинов, опубликовавший результаты своих наблюдений в трудах IX археологического съезда<sup>4</sup>. Не придавая поздним письменным известиям сколько-нибудь важного значения, А. М. Павлинов считал, что в решении вопроса о дате памятника следует обратиться к самому памятнику. Он полагал, что кладка Благовещенской церкви по тождеству с новгородскими Софийским собором (XI в.), Антониевским и Юрьевским мона-

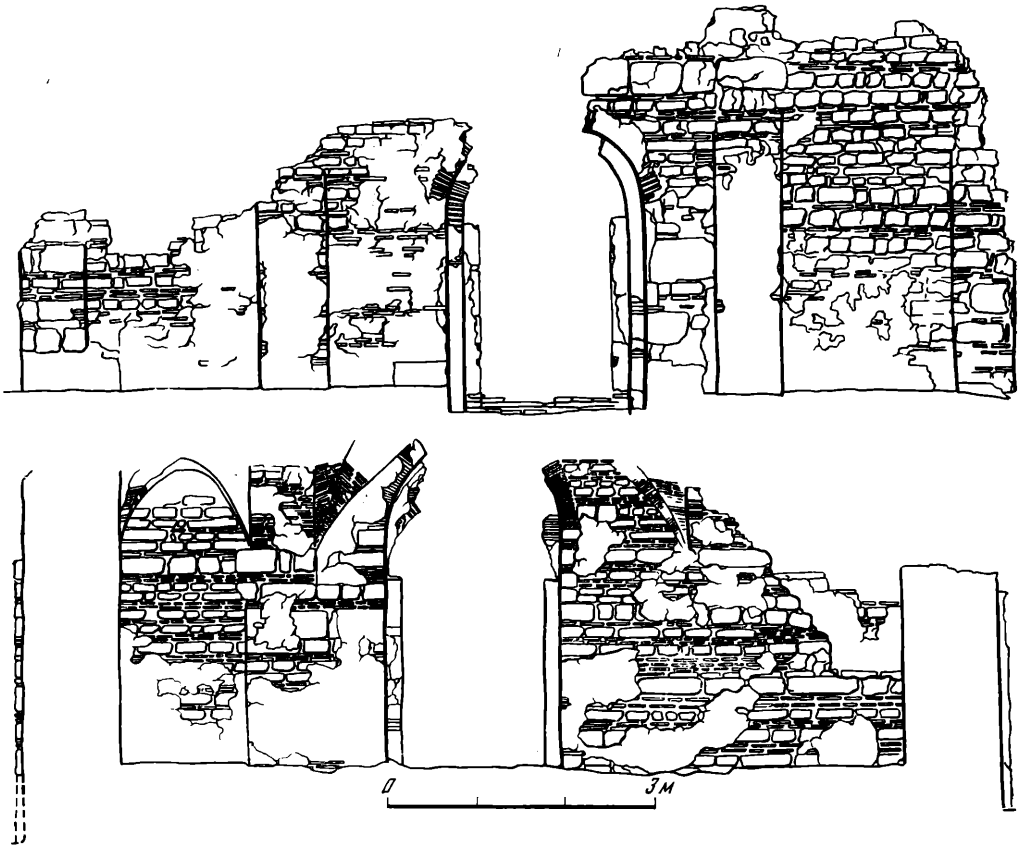


Рис. 1. Церковь Благовещения в Витебске. Западная стена  
Вверху — наружный фасад, внизу — внутри нартекса

стырями (XII в.) вполне позволяет отнести основание храма не только к XII, но и к XI и даже, может быть, к X в., так как тип плана вполне это допускает. Вместе с тем А. М. Павлинов решительно отрицал возможность приписывать церковь Благовещения к числу построек Ольгерда<sup>5</sup>.

Однако, если и можно в какой-то степени сопоставить кладку церкви Благовещения и новгородских храмов XII в., то соображение о «тождестве» ее с кладкой XI в. Новгородской Софии и отнесение Благовещенской церкви к XI и даже к X в. безусловно ошибочны.

План церкви, опубликованный А. М. Павлиновым и с тех пор неоднократно переиздававшийся, далек от точности. Так, почему-то лопаткам на фасадах здания придан двухобломный характер, чего нет в действительности. В период Великой Отечественной войны и временной фашистской оккупации церковь Благовещения подверглась сильнейшему пожару, во время которого был уничтожен деревянный купол, сгорела кровля, обрушились своды. Однако древние стены храма сохранились полностью, и внешний вид памятника, лишенный поздних переделок, в большей степени, чем раньше, получил свой первоначальный облик.

В декабре 1961 г. здание древнейшей витебской церкви с помощью так называемой шарбабы в течение нескольких часов превратили в груду руин. Беспрецедентное грубое нарушение закона об охране памятников и бессмысленная гибель единственного памятника архитектуры древнейшей поры истории города вызвали широкий отклик протестов в Белоруссии, Москве и Ленинграде. В течение нескольких лет руины церкви Благовещения оставались стоять на площади неприкосновенными,

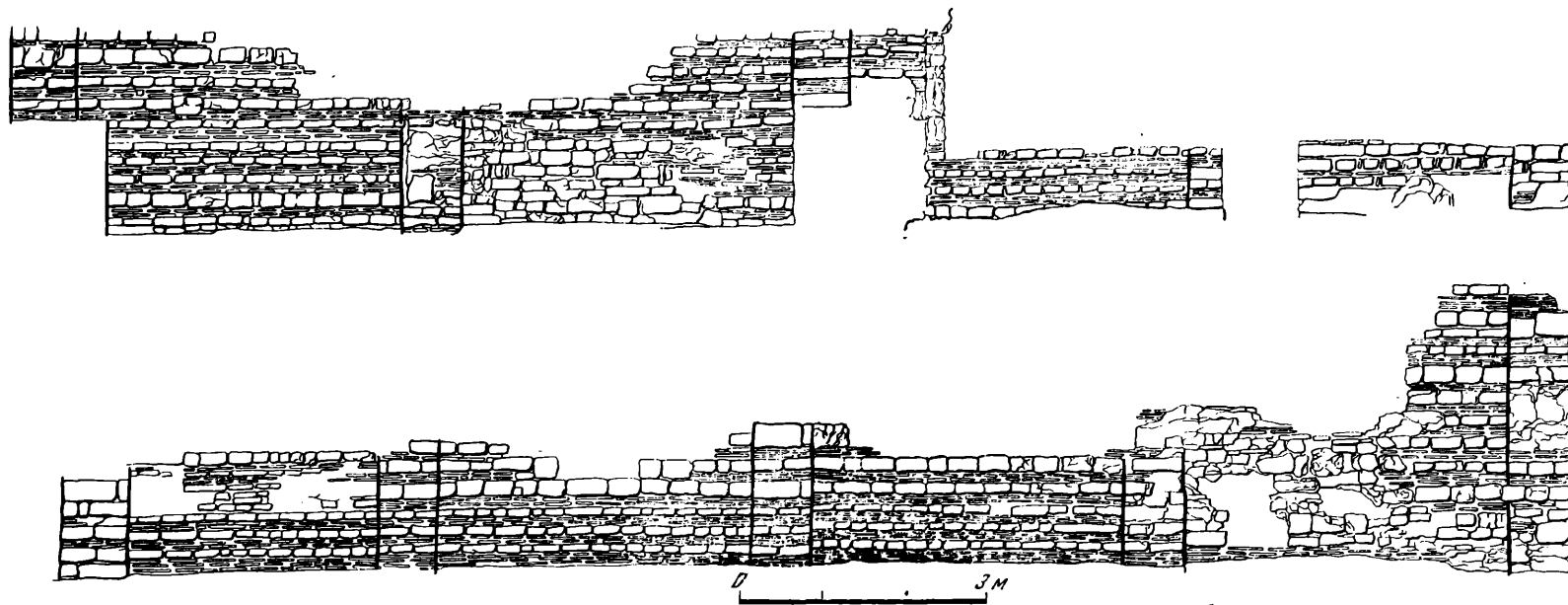


Рис. 2. Церковь Благовещения. Фасады храма  
Вверху — южный фасад, внизу — северный



Рис. 3. Церковь Благовещения. Нартекс. Вид с севера



Рис. 4. Церковь Благовещения. Деталь кладки

окруженные развалом камня, плинфы и строительного мусора. Затем с помощью бульдозера завалы щебня были собраны в кучи и вывезены с площади. Внутренность церкви оставалась засыпанной обрушившимися сводами и верхними частями стен.

В 1968 г. Управление культуры Витебского облисполкома обратилось к автору этих строк с предложением произвести археологическое исследование руин церкви. В июле 1968 г. Архитектурно-археологиче-



ская экспедиция Ленинградского отделения Института археологии АН СССР провела расчистку руин церкви Благовещения, ее обмеры и архитектурно-археологическое обследование. Так как значительная часть поверхности стен снаружи и внутри церкви за время разрушения оказалась без наружной и внутренней штукатурки, деревянную кладку здания удалось обмерить почти целиком (рис. 1; 2). Характер кладки не оставлял никаких сомнений в том, что сближение ее с кладками древнерусских зданий XI в. лишено каких-либо оснований. Стены церкви Благовещения, в отличие от стен древнерусских зданий X—XI вв., сложены из довольно правильных квадратов известняка с прослойками между рядами камня двух или трех рядов плинфы, без применения техники «утопленных рядов», прикрытых гладко затертой цемянкой, что является характерной чертой построек XI в. (рис. 3; 4). Техника эта отличается не только от кладки типа «Opus mixtum», но и от так называемой смешанной кладки новгородских построек XII в., в которых ряды плинфы не столь регулярны, как в витебской церкви, да и каменная кладка также лишена той регулярности рядов и размеров квадратов, которая столь характерна для церкви Благовещения. Кладка витебской церкви, как это удалось установить позже, очень близка кладке церкви Бориса и Глеба в Новогрудке, хотя и отличается более строгой регулярностью. По-видимому, древние части церкви Бориса и Глеба были выполнены какой-то строительной артелью, прибившей из Витебска в Новогрудок. В отличие от техники этой артели, кладка галерей, окружающих церковь Бориса и Глеба, выполнена в типично полоцкой, чисто кирпичной технике с применением «утопленного ряда».

Характерными особенностями плана церкви Благовещения, как отмечали исследователи памятника, были удлиненность по оси восток—запад и применение в среднем нефе равновеликих членений (рис. 5). Обе эти особенности сближают композицию плана церкви Благовещения с планом полоцкого храма-усыпальницы в Ефросиниевском монастыре. Раскопки возле северной стены позволили установить новую черту в плане церкви Благовещения. К северному portalу церкви примыкал в древности небольшой притвор-паперть, от которого сохранились лишь незначительные следы. По утверждению Г. В. Штыхова, такой же притвор обнаружен им и у южной стены церкви, однако его план не был после раскопок опубликован. На плане церкви Благовещения, изданном Г. В. Штыховым в «Очерках по археологии Белоруссии», южный притвор, как и аналогичный западный, изображены, по-видимому, по аналогии с раскопанным нами в 1968 г. северным притвором. Фасады церкви Благовещения членятся плоскими лопатками. Двухлобный профиль этих лопаток, который был изображен на обмерном плане А. М. Павлинова, здесь в действительности отсутствует. Археологические поиски следов древнего пола церкви Благовещения привели к неожиданному выводу. Первоначальный уровень пола находился на целый метр выше уровня горизонта времени возведения храма. Такое вы-

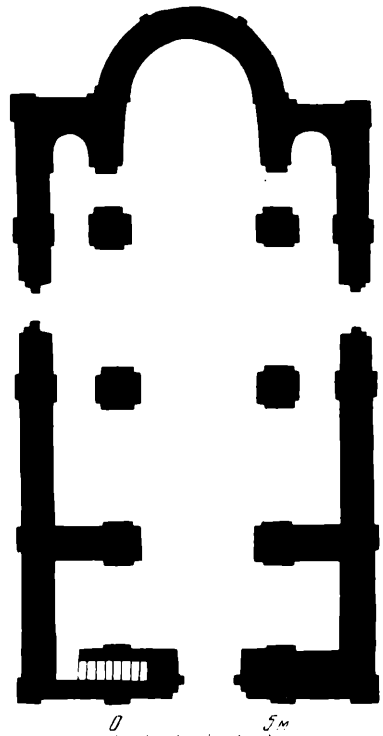


Рис 5. Церковь Благовещения  
План

сокое расположение пола, требующее высокого цоколя на фасадах, обычно для русской архитектуры не ранее начала XV в. Для архитектурных памятников домонгольского времени этот прием крайне редок.

При разборке завалов строительного материала внутри церкви удалось обнаружить четыре целые плинфы и несколько обломков с чрезвычайно редким рельефным клеймом на постелистой части. Клеймо изображает большой квадрат, к которому по углам примыкают четыре малых квадрата. Рельефные клейма на постелистой части плинфы — очень архаичная форма клеймения древних плинф; в основном они были распространены в древнейший период истории древнерусской строительной техники. Клейма витебской церкви Благовещения едва ли могут изменить нашу уверенность в дате ее постройки — не ранее начала XII в.

<sup>1</sup> Алексеев Л. В. К истории и топографии древнейшего Витебска.— СА, 1964, № 1, с. 99.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Там же, 99, 100.

<sup>4</sup> Павлинов А. М. Древние храмы Витебска и Полоцка.— Труды IX АС в Вильне в 1893 г., т. I. М., 1895, с. 4—8.

<sup>5</sup> Там же, с. 5, 6.

Т. В. РАВДИНА

## СТЕКЛЯННЫЕ БРАСЛЕТЫ СЕРЕНСКА

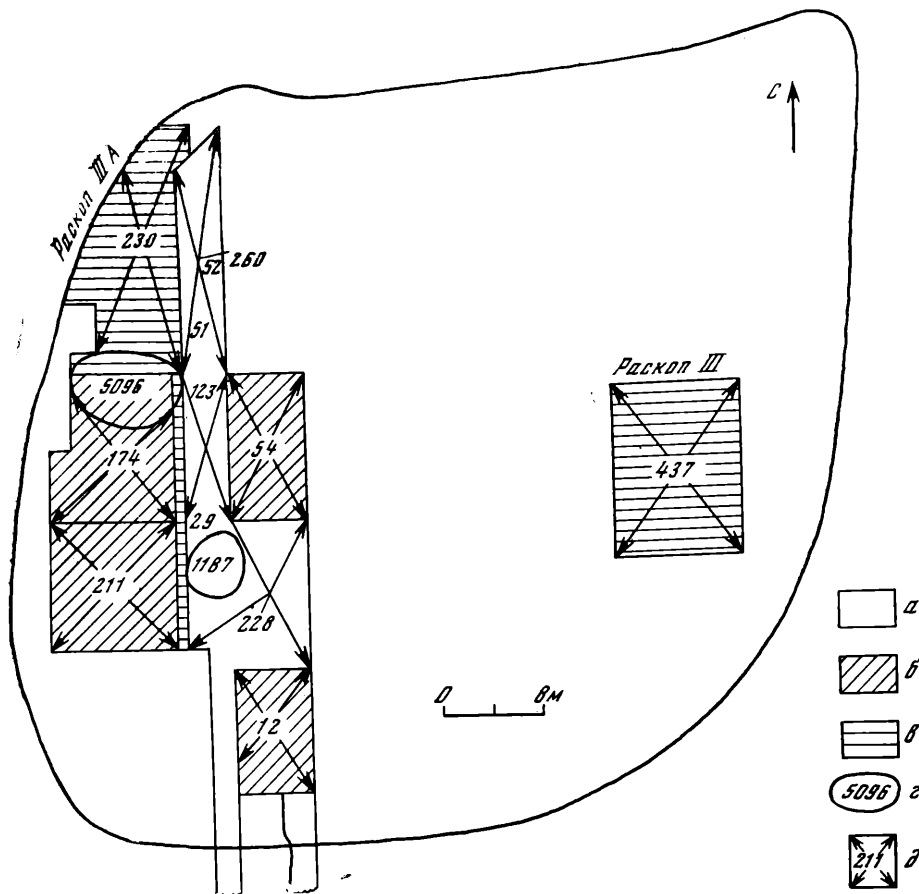
На всех древнерусских поселениях в слоях от середины XII до начала XIV в. встречаются обломки стеклянных браслетов. По наблюдениям Ю. Л. Шаповой, на отдельных памятниках браслеты фиолетового, синего, голубого, бирюзового, зеленого, желтого, коричневого, оливкового и черного цветов обнаруживаются в количестве приблизительно 200 обломков на 100 кв. м раскопанной площади. В Новгороде за 1951—1958 гг. учтено 5226 фрагментов стеклянных браслетов с площадью 6600 кв. м<sup>1</sup>.

Древнерусский город Серенск представляет собой в этом отношении удивительное и пока необъяснимое исключение: за 1965—1967 гг. на площади 852 кв. м собран 8041 обломок стеклянных браслетов, что превышает количество керамических фрагментов, встреченных здесь же.

В культурном слое детинца Серенска четко выделялась черная прослойка толщиной 0,2—0,3 м, насыщенная углем, сгоревшим деревом, горелым зерном и огромным количеством вещей XII—XIII вв. Это следы большого пожара, датируемого 30-ми годами XIII в.<sup>2</sup>

Стеклянные браслеты из раскопов I, II и IIIA, расположенных на западном краю детинца (рис.), размещались неравномерно. Всего здесь найдено 7604 обломка. Из них 5096 обломков встречены на площади 48 кв. м; 1187 — на площади 20 кв. м (оба эти «скопления» находились в слое пожара); 1321 — на площади 664 кв. м (т. е. плотность находок в культурном слое средняя для древнерусских памятников). Около 10% этих обломков найдено выше прослойки пожара. Из «скопления» 5096 фрагментов 70% были деформированными. Процент деформированных стеклянных браслетов вне «скоплений» меньше но тоже велик — например, на раскопе IIIA — 38%.

Интересны найденные в «скоплениях» стеклянные сплавы (несколько десятков). В торце одного из них видны концы сплавившихся обломков браслетов фиолетового, оливкового и зеленого цветов, сложенных ряда-



Распределение стеклянных браслетов в дачинце Серенска

а — раскоп I 1965 г.; б — раскоп II 1966 г.; в — раскопы IIIA и III 1967 г.; г — участки «скопления» браслетов; д — количество обломков браслетов с данной площади

ми. Среди деформированных обломков есть трехцветные: зеленый — красноватый — фиолетовый и красный — зеленый — желтовато-красноватый. Это результат действия сильного огня<sup>3</sup>.

Заслуживает внимания разница в цветовой гамме браслетов<sup>4</sup> из большого «скопления» и вне его: браслеты синие, голубые, желтые, бирюзовые и коричневые составляли в «скоплении» 2%, а вне его — около 20% (табл. 1). Все эти браслеты не деформированы. Деформированными оказались только фиолетовые, оливковые и зеленые браслеты.

В большом «скоплении» 94% браслетов составляли крученые, а 6% — гладкие; вне «скопления» доля гладких браслетов была 6—19%.

В раскопе IIIA найдены тонкие (сечение 3 мм) и малые (диаметр 35—42 мм) гладкие стеклянные браслетики. Они составляют 6,6% рассматриваемых находок. Соотношение малых браслетов по цветам (на первом месте фиолетовые, на втором — оливковые, на третьем — зеленые, два желтых и один голубой) такое же, как вообще у всех стеклянных браслетов в дачинце.

Из раскопа III (площадь 140 кв. м), расположенного в восточной части городища (рис.), происходят 437 обломков стеклянных браслетов, из них 10% найдены в слое выше пожара, 39% — в горелом слое. Из браслетов, найденных выше слоя пожара, 21% составляли деформированные.

**Таблица 1**  
**Распределение браслетов из раскопов I, II и III**  
**по окраске (%)**

Цвет	В «скоплениях»		Вне «скоп-лений»
	1187 экз. (1965 г.)	5096 экз. (1966—1967 гг.)	
Фиолетовый	49,5	43,9	42,1
Оливковый	26,8	43,3	28,08
Зеленый	10,3	10,7	10,1
Синий	11,5 (сюда включены и голубые)	0,6	5,84
Голубой		0,3	
Желтый	1,9	1,15	19,72
Бирюзовый		0,2	
Коричневый	Вошли в олив- ковые	0,3	

Из общего количества браслетов раскопа III 74,3% составляли крученые, 23,8% — гладкие и 1,9% — редкие по форме: треугольного сечения (граненные), плоские, ребристые и витые из нескольких жгутов.

Среди гладких браслетов раскопа III деформированные составляли 23%. Из них большинство были фиолетовые, затем шли голубые, затем — черные и синие, меньше всего оказалось оливковых.

По цветам браслеты раскопа III распределялись следующим образом (табл. 2).

**Таблица 2**  
**Соотношение браслетов из раскопа III по окраске (%)**

Цвет	Всего	Доля гладких браслетов данного цвета среди всех гладких браслетов	Доля гладких браслетов данного цвета среди всех браслетов данного цвета
Голубые	9,54	19	46,3
Синие	7,91	11	33,0
Коричневые	5,91	7	28,0
Желтые	4,42	5	26,3
Зеленые	10,23	10	22,7
Оливковые	17,67	14	19,9
Фиолетовые	43,0	35	19,0
Бирюзовые	1,4	Нет	Нет

Из табл. 2 видно, что гладкими делались больше браслеты голубые, синие, коричневые и желтые. Браслеты этих цветов на восточном краю дегинца составляют уже 30%. Удельный вес голубых, синих, коричневых (золотисто-медового цвета) и желтых браслетов та же увеличивается на раскопе III за счет уменьшения количества оливковых браслетов, тогда как процент фиолетовых и зеленых браслетов постоянен на всей раскопанной площади.

Для сравнения приводим данные о цветовом составе стеклянных бус того же раскопа (табл. 3).

Таблица 3  
Стекланные бусы из раскопа III

Цвет	Количество	%
Фиолетовые	42	35,3
Оливковые и черные	27	22,7
Желтые	16	13,5
Голубые	13	10,9
Зеленые	10	8,4
Бирюзовые	5	4,2
Синие	3	2,5
Пестрые непрозрачные	2	1,7
Прозрачная из бесцветного (чуть желтоватого) стекла	1	0,8

Таким образом, и среди стекланных бус доминируют фиолетовые, а оливковые стоят на втором месте.

В раскопе III найдено пять стекланных перстней и все они фиолетовые.

Итак, серенский комплекс стекланных браслетов весьма своеобразен: 1) раскопанная площадь насыщена фрагментами стекланных браслетов в четыре-пять раз больше, чем на других древнерусских памятниках; 2) велика доля (30—70%) деформированных и оплавленных браслетов: на других древнерусских поселениях деформированные браслеты отсутствуют или весьма немногочисленны (Кострома, Изяславль), а найденный в Старой Рязани деформированный целый браслет трактуется как брак производства<sup>5</sup>; 3) очень большую долю составляют крученые браслеты (от 74 до 94%), тогда как на остальных древнерусских памятниках количество крученых и гладких браслетов примерно одинаково<sup>6</sup>; 4) своеобразна и цветовая гамма: если в Серенске фиолетовый цвет преобладает (43%), то в других древнерусских городах фиолетовые браслеты составляют от 4 до 25%.

Привлекают внимание два мощных «скопления» браслетов, в подавляющем большинстве деформированных. Естественнее всего объяснить их появление наличием производства стекланных браслетов в Серенске. Но пока следы стеклоделательной мастерской в Серенске не найдены.

Ю. Л. Шапова исследовала состав 24 обломков браслетов из коллекции, полученной в раскопе 1965 г. Это браслеты четырех вариантов основного русского состава стекла: K—Pb—Si—18 экз.; K—Pb—Ca—Si—2 экз.; K—Pb—Ca—Al—Si—1 экз.; K—Na—Pb—Si—3 экз.

<sup>1</sup> Полубояринова М. Д. Стекланные браслеты древнего Новгорода.— МИА, № 117, 1963, с. 169.

<sup>2</sup> Никольская Т. Н. К исторической географии земли вятичей.— СА, 1972, № 4, с. 162, 163.

<sup>3</sup> Шапова Ю. Л. Стекло Киевской Руси. М., 1972, с. 163, 164.

<sup>4</sup> Почти все обломки браслетов были покрыты белесым налетом, скрывающим цвет стекла. Определение и фиксация их цвета в 1966—1967 гг. производились в экспедиции сразу же после промывки в растворе соляной кислоты (вскоре браслеты опять покрывались налетом). Цвета браслетов из раскопок 1965 г. определены Ю. Л. Шаповой.

<sup>5</sup> Монгайт А. Л. Старая Рязань.— МИА, № 49, 1955, с. 131.

<sup>6</sup> Сведения о браслетах древнерусских памятников взяты из книги: Шапова Ю. Л. Стекло Киевской Руси, с. 105, табл. 10; с. 106, табл. 11; с. 163.

## МАССОВОЕ ОРУЖИЕ БЛИЖНЕГО БОЯ ИЗ РАСКОПОК ДРЕВНЕГО ИЗЯСЛАВЛЯ

Древнерусский город Изяславль погиб в 1241 г.<sup>1</sup> В 1957—1964 гг. его территория была полностью раскопана. Памятник оказался однослойным, а время его существования — непродолжительным (в границах первой половины XIII в.), что создает особо благоприятные источниковедческие условия для его изучения. В настоящей работе вниманию читателя предлагается та часть обработанной ныне коллекции вооружения из находок древнего Изяславля, которая включает наконечники копий, топоры, булавы и кистени<sup>2</sup>.

Среди предметов военной техники количественно на одном из первых мест стоят наконечники копий (рис. 1). Они были, видимо, самым популярным и массовым средством ближнего боя, что полностью соответствовало военной практике XII—XIII вв.

Наконечники копий	
Типы	Количество
I	29
II	4
IIA	2
IIB	1
III	1
Не определим	1
Всего:	38

Обращают на себя внимание прежде всего довольно стандартные наконечники длиной 24—29 см (чаще 23—26 см) с узким четырехгранным лезвием (обычная ширина 1,2 см, толщина 1 см)<sup>3</sup>, воронковидной тульей диаметром 3,5—3,8 см и обычным весом 150—200 г (от 130 до 225 г). Точное наименование этой формы — пики (тип I—29 экз.). У некоторых образцов нижний край тульи снабжен пояском или украшен косой нарезкой, а место перехода лезвия к втулке обозначено утолщением (зародыш «яблочка», характерного для наконечников XVI—XVII вв.). Один наконечник по незначительности размеров и веса (длина 14,5 см, ширина втулки 3 см, вес 75 г) следует причислить к юношеским. Другой, являющийся обломком лезвия доказывает местное производство пик, так как представляет собой «брак производства». Это верхушка пики длиной 14 см (ширина лезвия 1 см), но откована она неровно, как бы черне — видны вмятины, грани не выровнены, края лезвия тупые.

Среди всего набора копий пики самые легкие и маневренные, однако ширина их втулок свидетельствует о прочном скреплении с толстым древком и большом напоре при ударе. Это не случайно. Пики служили специализированным кавалерийским боевым оружием, рассчитанным на пробивание доспеха. Находки пик указывают на то, что были воины с предохранительным вооружением и происходили жесткие стычки с таранными ударами. Пики известны на Руси с X в., особенно широкое применение они нашли в XII—первой половине XIII в. в районах, близких к кочевой степи<sup>4</sup>. В южнорусских городах (Княжа Гора, Сахновка, Райки) пики неизменно преобладают среди наконечников других форм. В Изяславле они составляют 76% всего количества копий, относящихся к русскому периоду. Преобладание пик отчетливо свидетельствует о сугубо боевой направленности бывшего в употреблении колющего оружия.

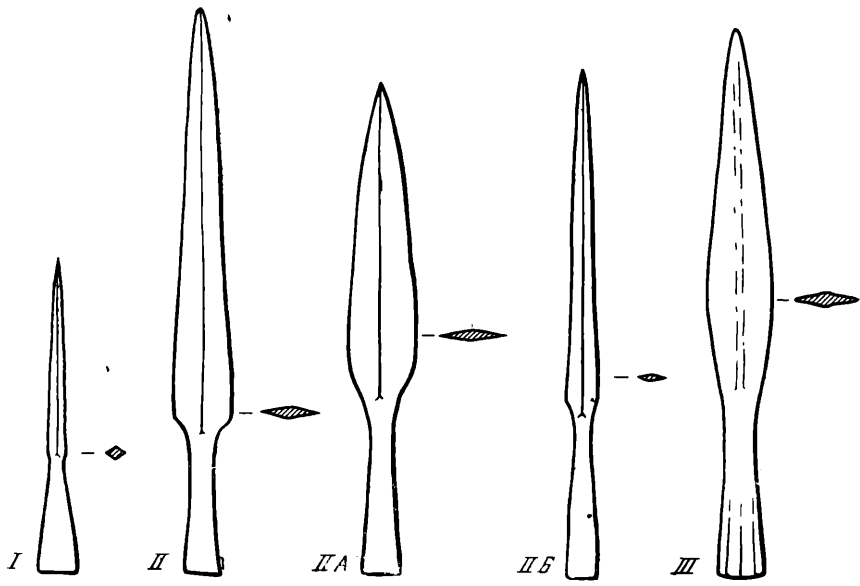


Рис. 1. Типы наконечников копий из Изяславля

Что касается копий других форм, то они могли служить и боевым и охотничьим целям. К этой категории отнесены наконечники удлиненно-треугольной формы длиной до 40–50 см, шириной лезвия до 4–6 см (при толщине 0,7–1 см) и весом 400–700 г. Копья данной формы имеют множество аналогий в русских древностях X–XIII вв. и подразделяются на три разновидности. Наиболее традиционными являются наконечники с широким листом и низко опущенными плечиками (тип II—4 экз.; угол, образованный изгибом боковой части лезвия и тульей, равен  $140^\circ$ ). К следующему виду относятся копья со скошенными плечиками (тип IIА—2 экз.; угол скошенности равен около  $155^\circ$ ), позволявшими, не меняя веса, несколько вынести вперед центр тяжести лезвия. Сужение листа и процесс подъема плечиков привел к созданию удлиненного наконечника, приближающегося к пице, только более длинного (тип IIБ—1 экз.; длина 44 см, ширина лезвия 2,5 см, вес 300 г, угол скошенности  $160^\circ$ ). Если наконечники первых двух разновидностей находят в городах и деревнях, часто среди промыслового и хозяйственного инвентаря, то копья последнего вида типичны для замков, жилищ феодалов, погребений воинов. Следовательно, это боевое оружие, трансформировавшееся из универсального<sup>5</sup>.

Особняком среди городищенских находок стоит тяжелая лавролистная рогатина (тип III—1 экз., согнувшийся в пожаре). Рогатины всюду выделяются своей тяжестью, массивностью, прочностью и крупной граненой втулкой. Столь же типичны измерения городищенской находки: длина 48 см, ширина лезвия 5,5 см (при толщине 1,1 см), ширина втулки 4,1 см, вес 1050 г. Рогатина—нововведение XII в. и единственный вид копья, упомянутый в летописи. В древнейшем упоминании это—оружие боевое<sup>6</sup>, но употреблялось оно и для охоты на крупного зверя. Так, в 1255 г. Даниил Галицкий, охотясь на вепрей, «сам же уби их рогатиною три»<sup>7</sup>. На войне, особенно в конной схватке, они были, вследствие тяжести и необходимости держать их двумя руками, неудобны. Тяжелые лавролистные рогатины найдены в нескольких пунктах XII–XIII вв. и всегда по одной-две. Рогатины домонгольского времени из Изяславля, Княжей Горы и Колодяжина во всем соответствуют образцам XV–XVII вв.<sup>8</sup> Видимо, развитие этих копий в средневековой Руси начиная с XII в. имело устойчивые традиции.

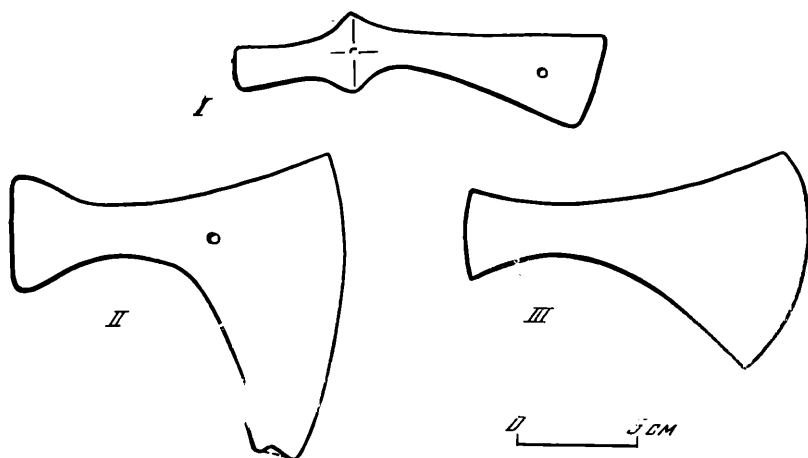


Рис. 2. Типы боевых топоров из Изяславля

Итак, весь набор колющего оружия указывает на конных людей, прежде всего воинов, а затем — охотников. В условиях осады копья могли иметь значение и в рукопашных схватках и вылазках, поэтому традиционные конные и охотничьи приемы использования этого оружия могли несколько изменяться в руках спешившихся бойцов и ополченцев, оказавшихся в тесной схватке.

Найденные боевые топоры следует причислять в основном к пехотному оружию (рис. 2). Лишь один из них — специально боевой топорочекан — мог использоваться в конной борьбе (тип I, длина 15 см, ширина лезвия 4 см, размер обушного отверстия  $2,4 \times 2,1$  см, вес 220 г). В отличие от своих предшественников X—XI вв., наш образец имеет молотовидный выступ обуха, квадратный, а не круглый, в поперечном сечении, и треугольные, а не полукруглые, боковые щекавицы. Налицо мелкие детальные изменения конструкции, исключающие хронологическую путаницу.

#### Боевые топоры

Типы	Количество
I	1
II	6
III	5
Всего:	12

Топоры с «бородовидным», или вытянутым, несколько расширяющимся к острию лезвием являлись универсальным оружием похода и боя (типы II — 6 экз. и III — 5 экз.). Обуха этих топоров снабжены характерными для XII—XIII вв., желобообразными выступами для лучшего держания топорича. Топоры двух упомянутых типов полностью повторяют богато представленные в городищенских находках формы рабочих топоров<sup>9</sup>, отличаясь от них меньшими размерами, весом, а также наличием дырочки на лезвии, предназначенной для крепления чехла<sup>10</sup>. Типичные размеры походно-боевых топоров следующие: длина лезвия 12—14 см, его ширина 9—13,5 см (для типа II) и 7—8,5 см (для типа III), размеры обушного отверстия 2,5—3 см, вес 320—400 г. Для сравнения отметим, что обычный вес рабочего топора составлял 700—800 г, следовательно, чекан весил в четыре раза меньше, а универсальная секира — в два раза. Военные топоры подолгу носили при себе, что и определило их относительно малый вес.

О разнообразии в применении походно-боевых топоров свидетельствует высокий процент их поврежденности (5 экз. из 11, относящихся к типам II и III). Эти повреждения сопровождались отломом стальной



наварки лезвия, сплющиванием и обломом обуха и могли возникнуть при очень сильных ударах (как острием, так и обухом), причем отнюдь не обязательно в боевой обстановке. Все это лишний раз убеждает, что употребление средневековых секир было разнообразно и в минуту опасности наряду с военными в ход шли обычные топоры лесорубов и плотников. Полная идентичность в выработке городищенских универсальных и производственных топоров свидетельствует в пользу местного производства тех и других. В целом боевые топоры, встреченные в Изяславле, представляют три основные формы этого оружия, распространенного в XII—XIII вв. по всей русской территории и частично типологически связанного с рабочими образцами (для типов II и III).

Ударное оружие представлено почти всеми типовыми образцами, существовавшими на Руси в XII—XIII вв. (рис. 3). Самую массовую категорию находок составляют железные булавы в виде куба со срезанными углами (тип I — 14 экз.; ширина 2,8—4,5 см, высота 3,2—4,2 см, диаметр втулки 1,7—2,4 см, вес 200—350 г). Находки этих наверший многочисленны в ряде южнорусских городов, а также в Волжской Болгарии, Латвии и Самбии. Они несомненно принадлежат к простонародному оружию. Об этом же говорит порой грубая и небрежная обработка самих вещей.

#### Навершия булав и гири кистеней

Типы	Количество	
	Булавы	Кистени
I	14	5
IA	2	—
II	2	2
III	3	2
IV	1	—
Всего	22	9

Видоизменением описанной конструкции являются кубовидные навершия с односторонним клювовидным выступом (тип IA — 2 экз.: ширина вместе с клювом 6,2—6,8 см, высота 2,1—2,8 см, диаметр втульчатого отверстия 1,3—1,4 см, вес 100—160 г). Булавы этого типа на Руси найдены впервые. Известны они в материалах из Волжской Болгарии. Приваренный к ним клювовидный отросток указывает, видимо, на направление удара и мог использоваться для подвешивания, как крюк. Булавы-клепцы свидетельствуют о стремлении оружейников создать ударное оружие, у которого травмирующая сила сконцентрирована в одном месте. Эти образцы превосходят молоты с «клювом сокола» и булавы-топоры, распространившиеся в XV в. как средство дробления тяжелого стального защитного доспеха<sup>11</sup>. На примере изяславльских клювовидных наверший видно, что соответствующая тактическая необходимость начала проявляться уже в первой половине XIII в. Другой пример формы, возникшей, по-видимому, в тот же период, представляет железное округлое навершие с восемью плавно выступающими гранями (тип IV — 1 экз.; ширина 4,6 см, высота 3,8 см, диаметр втулки 2,4 см, вес 180 г). Такие образцы найдены также в Райках и Сахновке<sup>12</sup> и фиксируют начальную стадию сложения многолопастных наверший-шестоперов. В целом оба описанных типа булав, хотя и кажутся экспериментальными, но закономерно могли возникнуть только в эпоху активного соревнования наступательных и защитных средств.

Состоятельные дружинники, вероятно, предпочитали не железные, а более нарядные и изысканно отделанные бронзовые навершия с 8 или 12 пирамидальными шипами (тип II — 2 экз.; ширина 4,6—6,5 см, высота 4,4—5,5 см, диаметр втулок 1,7—1,8 см, вес одной 200 г; тип III — 3 экз., включая 1 — в обломках; ширина 4,5—6,7 см, высота 4,5—5,6 см, диаметр втулок 2—2,4 см, вес 150—170 г)<sup>13</sup>. Все найденные отливки отли-

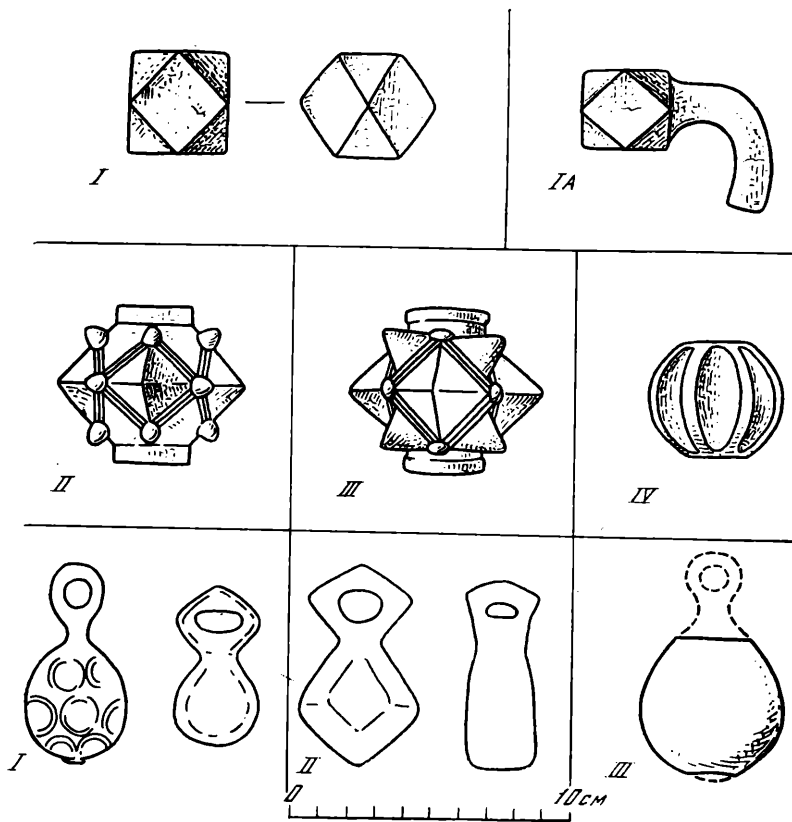


Рис. 3. Типы наконечников булав и гирек кистеней из Изяславля

чались друг от друга деталями и, следовательно, изготовлены в разных формах, а может, и мастерских. Анализ форм и поиски аналогий могут открыть местоположение этих мастерских.

Одно из четырехшипных наконечников (тип II; рис. 4, 1) сделано довольно грубо с примитивной по рисунку моделировкой частей и представляет собой, по-видимому, образец какого-то местного «самодеятельного» искусства. Напротив, другая, ныне искусно реставрированная булава (тип II; рис. 4, 2) похожа на киевскую, найденную в «землянке художника»<sup>14</sup>, но меньше и счастными отличиями в декорации. Вероятно, речь идет о двух различных сериях высококачественных столичных отливок, близко отстоящих друг от друга по времени своего изготовления<sup>15</sup>.

В иных случаях о центрах производства можно говорить очень приблизительно. На территории Южной Руси найдено немало бронзовых 12-шипных булав (тип III), но самые близкие к городищенской (рис. 4, 3) происходят из Асотского городища и могильника<sup>16</sup>. В этих изделиях латышские археологи справедливо видят русский импорт. Было бы преждевременно утверждать, что асотские наконечники отлиты именно в Изяславле, а не в каком-либо другом русском городе. Будущие исследования должны уточнить этот вопрос.

Изяславльцы не только были знакомы с продукцией киевских булаводельцев, но, по всей вероятности, могли подражать увиденным образцам. Одна из городищенских булав типа III (рис. 4, 4) имеет сглаженные грани, нечеткий орнамент, притупленные края шипов — словом, это явно серийно не первоначальное изделие. Еще более упрощенная реплика того же типа, что и городищенская, найдена в Оланде<sup>17</sup>. Изяславльская и

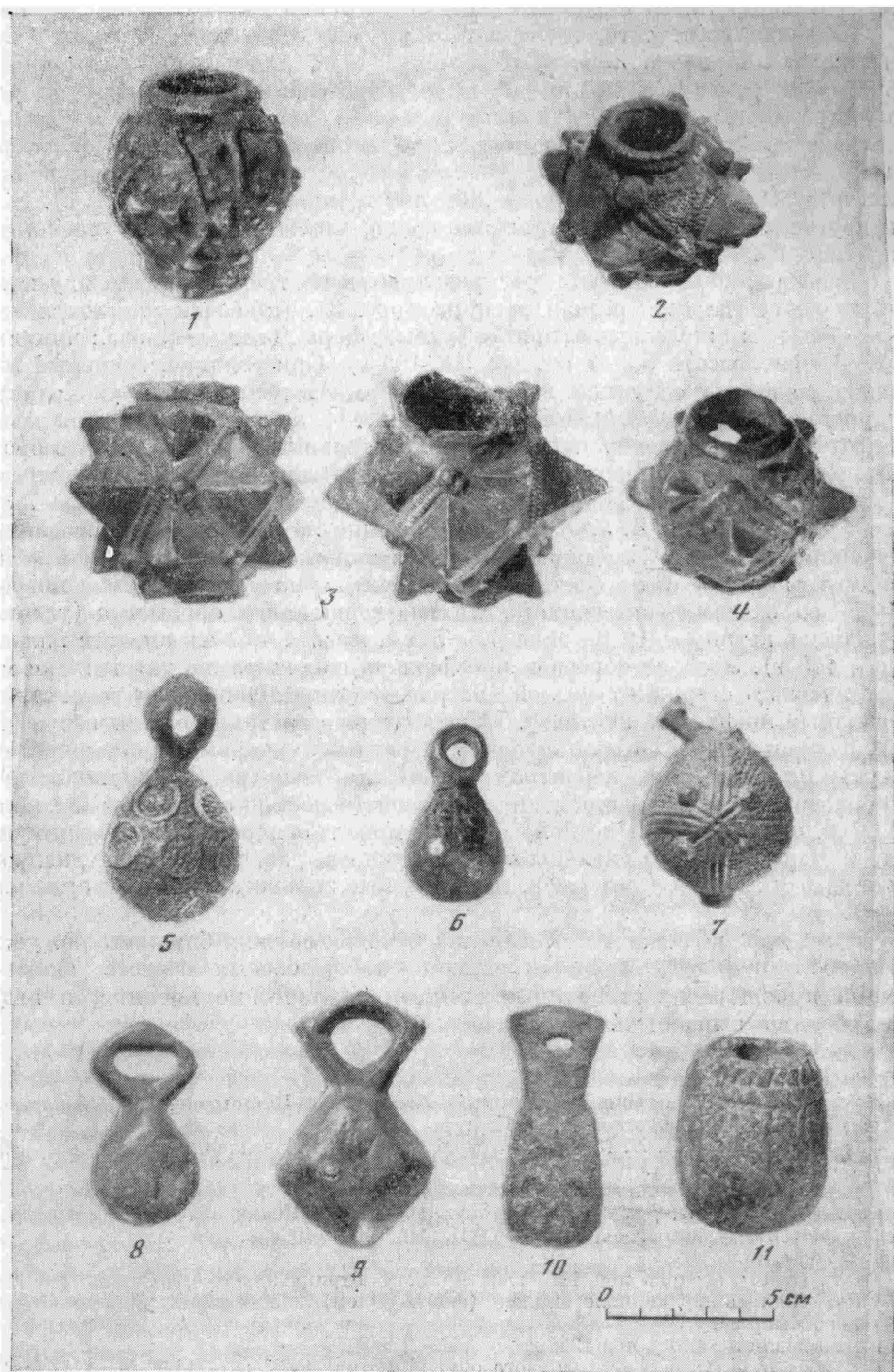


Рис. 4. Навершия булав (1—4) и кистени (5—11) после реставрации

шведская булавы предполагают один и тот же недошедший, возможно киевский, оригинал и в таком случае демонстрируют, как огрубление и схематизация литья нарастают по мере удаления изделий от их родины.

Независимо от того, где изготовлены изяславльские бронзовые булавы, идет ли речь о привозных или их копиях, они отражают влияние киевского ремесла и характеризуют русское серийное литье и пути распространения готовой продукции.

Булавы использовались и конниками, и пехотинцами, то же относится и к кистеням. Судя по городищенским находкам, кистени были несколько легче булав (средний вес булав 200—300 г, кистеней — 100—160 г). И те и другие, однако, употреблялись на войне, чтобы оглушить и ошеломить противника.

Все найденные кистени распределяются по трем типам, между которыми не всегда есть резкая разница (рис. 3). Наиболее многочисленны бронзовые и железные гири округлых форм (тип I—5 экз.; ширина 2,8—3,5 см, высота 5,3—7 см, вес 90—165 г). Они гладкие, граненые или декорированные «крупной зернью» кругами и полосками и увенчанные круговой или продолговатой петлей (рис. 4, 5—8). Описанные образцы имеют в русских древностях ряд приблизительных аналогий<sup>18</sup>. Зато бронзовые и железные уплощенные гирьки угловатых очертаний с продолговатыми петлями (тип II—2 экз.; ширина 2,5—4,1 см, высота 6,5—7 см, вес 110—120 г; рис. 4, 9, 10)<sup>19</sup> нигде больше не найдены и изготовлены, очевидно, на месте. Вне описанных двух типов оказались костяной яйцевидный кистень с петлевидным орнаментом на поверхности и шиферный — со следами намеченного, но незавершенного орнамента (условно отнесены к типу III; ширина 4,6—5 см, высота 4,5—4,6 см, вес шиферного 165 г). У обоих образцов просверлено по отверстию для вставки металлического стержня с петлей (на рис. 3 (тип III) показан реконструированный шиферный кистень). Если костяные кистени обычны в русских древностях X—XIII в., то шиферный встречен впервые и обнаруживает черты неоконченной, вероятно местной, работы (рис. 4, 11). Местный характер многих городищенских кистеней (особенно с редкой в находках XIII в. продолговатой петлей) едва ли может оспариваться. Характерно, что в Изяславле не выявлены образцы ясно выраженного среднеднепровского изготовления (например, грушевидные гирьки с черневым орнаментом).

Итак, рассмотрение изяславльских находок оружия ближнего боя установило типичный для своего времени набор боевых средств, включающий и общераспространенные типы, и технические новинки, и изделия местной выработки.

<sup>1</sup> Находится у с. Городище Хмельницкой обл. возле г. Шепетовка. Раскопки производились под руководством М. К. Каргера.

<sup>2</sup> Ср.: *Кирпичников А. Н.* Мечи из раскопок древнего Изяславля.— КСИА, 144, 1975, с. 30 и сл.

<sup>3</sup> В двух случаях ширина лезвия составила 1,7—2 см.

<sup>4</sup> *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, кистени, булавы IX—XIII вв.— САИ, вып. Е1-36, 1966, с. 15 и сл.

<sup>5</sup> Там же, с. 14.

<sup>6</sup> Ипатьевская летопись под 1140 г. Я не могу отрицать, что в качестве рогатин употреблялись и длиннолезвийные (около 50 см) наконечники удлинненно-треугольной формы.

<sup>7</sup> Ипатьевская летопись под 1225 г.

<sup>8</sup> *Городцов В. А.* Описание холодного оружия. Отчет РИМ за 1911 г. М., 1913, с. 29, рис. 85.

<sup>9</sup> Все рабочие топоры, найденные на городище, по очертаниям соответствуют выделенным нами типам II и III походно-боевых секир.

<sup>10</sup> Из 12 топоров дырочка открыта на шести и один раз (тип II) представляла собой крестообразную прорезь.

<sup>11</sup> *Медведев А. Ф.* Оружие Новгорода Великого.— МИА, № 65, 1959, с. 132 и рис. 5, 5, 6.

<sup>12</sup> *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие, вып. 2, табл. XXV, 5.

- <sup>13</sup> При исчислении веса следует учесть, что все бронзовые булавы побывали в огне и из них вытек заполнявший внутреннюю полость свинец. Первоначальный вес бронзовых булав мог достигать 300 г и более.
- <sup>14</sup> Каргер М. К. Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1951, рис. 23.
- <sup>15</sup> Высказываясь в пользу киевского происхождения этой изяславльской булавки, я отнюдь не исключаю возможности местного литья по привозным высококачественным образцам.
- <sup>16</sup> Шноре Э. Д. Асотское городище.— В кн.: Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР, 2. Рига, 1962, табл. X, 17, 19; Мугуревич Э. С. Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига, 1965, с. 54.
- <sup>17</sup> Seitz H. Blankwaffen, I. Braunschweig, 1965 Abb. 305 (нижний ряд, правый рис.).
- <sup>18</sup> Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие, вып. 2, с. 59.
- <sup>19</sup> В последнем случае имеется в виду гирька с вытопленным от пожара свинцом. Ее первоначальный вес около 160 г.

А. А. ПЕСКОВА

## ДРЕВНЕРУССКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ У С. СЕНЧА НА СУЛЕ

Древнее поселение в 1,5—2 км к юго-востоку от с. Сенча Лохвицкого р-на Полтавской обл. известно давно и неоднократно обследовалось. Оно состоит из городища и примыкающего к нему селища. Городище располагается в западной части острова, образованного руслом и старицей р. Сула (так называемый Сампсониев остров). В плане городище круглое, обнесенное валом около 50 м в диаметре. С восточной стороны на месте въезда вал разомкнут примерно на 10 м. Высота распылывшегося вала около 2 м от дна рва, следы которого (ширина около 8 м) сохранились с внешней стороны вала. Значительная часть городища поросла лесом. Селище примыкает к городищу с севера и северо-востока.

Первое краткое описание внешнего вида городища и схематичный ситуационный план появились в 1901 г.<sup>1</sup> В 1948 г. поселение обследовал И. И. Ляпушкин<sup>2</sup>. Он установил, что на поселении есть отложения эпохи бронзы и великокняжеской поры. И. И. Ляпушкин полагал также, что он нашел здесь «отдельные черепки роменского (?) типа»<sup>3</sup>. В 1971 г. место поселения осматривали М. П. Кучера и О. В. Сухобоков. В недавно вышедшей монографии О. В. Сухобоков счел возможным, опираясь на анализ керамики из сборов, отнести появление укреплений на поселении к VIII—X вв.<sup>4</sup> В 1972 г. Днепровский левобережный отряд ЛОИА АН СССР под руководством Е. А. Горюнова произвел на Сампсониевом острове первые раскопки, которые позволили во многом уточнить характер памятника<sup>5</sup>. Было выяснено, что поселение не содержит отложений роменской культуры и что лепная керамика в общей своей массе, вопреки мнению И. И. Ляпушкина, относится не к бронзовому веку, а к середине I тысячелетия н. э.<sup>6</sup> В группу лепной керамики середины I тысячелетия н. э. входят и обломки сковородок с низким бортиком, которые были предположительно отнесены И. И. Ляпушкиным к роменскому времени. Возможно, обломки подобных сковородок ввели в заблуждение и О. В. Сухобокова, выделившего на поселении керамический комплекс VIII—X вв. Укрепления на поселении должны быть отнесены к древнерусской поро, о чем свидетельствуют как плановая схема городища<sup>7</sup>, так и выразительная гончарная керамика, собранная при раскопках<sup>8</sup>.

Днепровский левобережный отряд заложил на поселении шесть шурфов (два — на городище и четыре — на селище) и разбил раскоп площадью 52 кв. м. Общая площадь, вскрытая на поселении в 1972 г., составила 112 кв. м. Культурный слой стратиграфически не расчленялся. Толщина его на селище достигала 0,7—0,9 м, на городище — 0,6 м. При разборке культурного слоя во всех условно выделенных пластах встре-

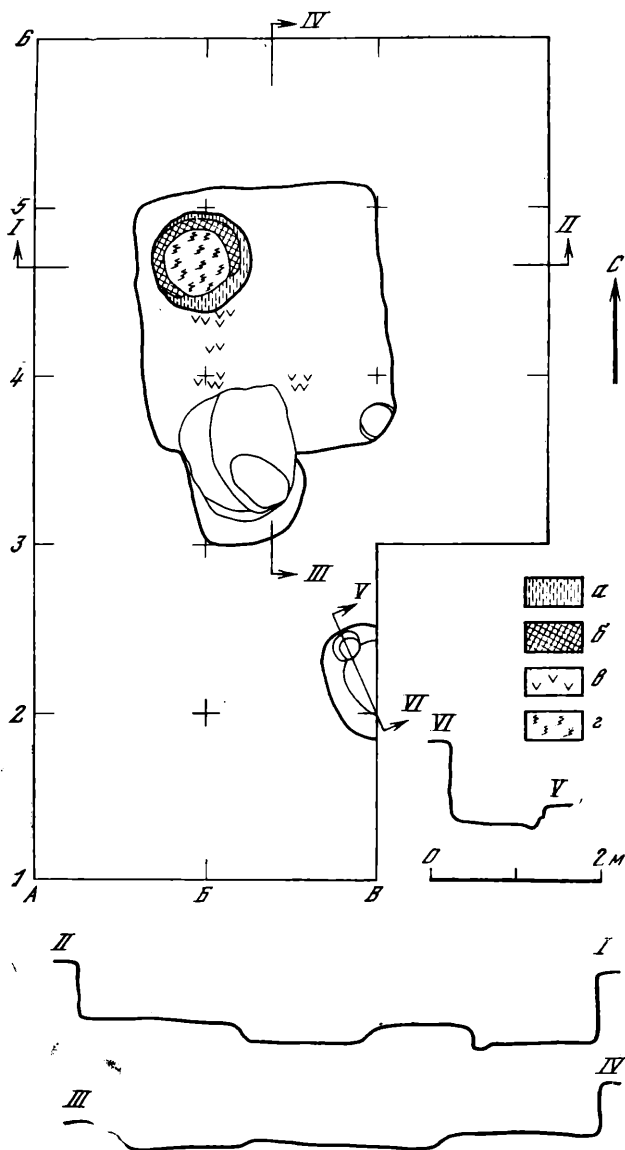


Рис. 1. План и разрезы раскопа 1972 г.

- a — необожженная глина;
- b — обожженная глина;
- e — углистые вкрапления;
- z — под печи

чались обломки гончарной древнерусской керамики и лепной керамики середины I тысячелетия н. э. Гончарная керамика в количественном отношении несколько преобладала над лепной. Материал, собранный на селище и на городище, в целом идентичен. Правда, в шурфах на городище попадались бесформенные куски глиняной обмазки, на селище их не было.

В раскопе на селище, в 40 м к северу от вала городища, было выявлено древнерусское жилище полуземляночного типа четырехугольное в плане, со сторонами 3×2,8 м, ориентированное по странам света (рис. 1). Жилище углублено в материк до 0,2 м. Пол ровный, горизонтальный. Округлая глинобитная печь находилась в северо-западном углу и не примыкала к стенкам жилища. Сохранилась лишь нижняя часть печи, состоявшая из пяти перекрывающих друг друга слоев пода толщиной 2–3 см. Четыре из них (1, 2, 4 и 5, считая снизу) имели в основании выемку из битой керамики. Верхний слой был поднят над полом на 0,2 м, нижний — на 0,08 м. Считать ли эти наслоения единым подом или результа-

том неоднократного подновления первоначального пода долгое время функционировавшей печи, сказать трудно. Не исключено, что это была единая конструкция, так как при разборке слоев, образующих под, нигде не было обнаружено явных следов их разрушения (провалов, выбоин), указывающих на необходимость ремонта. Толщина стенок печи 0,12—0,16 м. Задняя стенка была, видимо, массивнее боковых. Наружный диаметр печи 1,1 м, внутренний — 0,9 м. Устьем печь была обращена к югу. На полу перед устьем печи и в других местах встречены вкрапления древесных угольков. В заполнении жилища, состоявшем из рыхлого гумусного слоя, найдены в большом количестве обломки гончарной древнерусской керамики, а также пряслице из розового шифера. Из жилища происходят почти все горшки, полные формы или профили которых удалось восстановить (рис. 2, 1—7). Южная материковая стенка жилища была прорезана ямой, которая скорее всего не имеет отношения к жилищу<sup>9</sup>. В юго-восточном углу жилища обнаружена округлая ямка от вертикального столба диаметром 0,25 м, глубиной 0,23 м. Жилище, вероятно, имело срубную конструкцию.

В квадратах Б1 и Б2 была обнаружена яма, вскрытая лишь в той части, которая вошла в раскоп. Возможно, это угол еще одного жилища. Глубина ямы в материке 0,2 м, длина по линии В—1,3 м. В заполнении найдены обломки гончарной керамики, из которых удалось реставрировать целый сосуд (рис. 2, 8).

Полуземляночные жилища с круглой глинобитной печью в углу становятся господствующими по всей территории лесостепи еще во второй половине X—XI в. На границе лесостепи и степи такое положение сохраняется и в XII—XIII вв.<sup>10</sup> Жилища, аналогичные вскрытому на Сампсониевом острове, известны практически на всех древнерусских городищах по Суле, где велись раскопки<sup>11</sup>. Правда, для посульских городищ основным типом жилой постройки является полуземлянка столбовой конструкции, а не срубной, как в Сенче, хотя на некоторых из них есть и срубные полуземлянки (у хут. Миклашевского, у с. Жовнин).

Керамика, происходящая с пода печи жилища, чрезвычайно единообразна по форме и тесту. В целом гончарная керамика, собранная на поселении, как происходящая из культурного слоя, так и вмазанная в под печи, также довольно однородна. Большая часть ее сделана из хорошо отмученной глины с незначительной примесью мелкого песка. Черепок очень тонкий (0,3—0,5 см), хорошего обжига, но попадаются и трехслойные в изломе черепки. Днища сосудов плоские, тонкие, иногда тоньше стенок в их придонной части, нередко с клеймом (рис. 2, 8). Преобладающая форма — горшок с коническим туловом и диаметром венчика от 8 до 22 см (основной размер 14—16 см). Встречаются обломки керамических крышек от горшков. Найдены также обломок горла кувшина, край мисочки, орнаментированный прямыми горизонтальными параллельными линиями (рис. 3, 20, 21). Интересен фрагмент венчика сосуда, по форме напоминающего сосуда для хранения запасов, но с очень тонкими стенками (рис. 3, 22).

Горшки по форме делятся на два типа<sup>12</sup>. Тип I характеризуется незначительно отогнутым наружу венчиком с прямо или косо срезанным краем, иногда скругленным (рис. 3, 1—4). Обломков керамики типа I найдено сравнительно мало. Сюда относится и разбитый горшок, который был вмазан в основание четвертого слоя пода печи (рис. 2, 5).

Тип II характеризуется отогнутым наружу венчиком с округлым, загнутым внутрь краем (рис. 2, 1—4, 6—8; 3, 5—14). Степень отогнутости венчика различна — от слабой и очень плавной (рис. 3, 13, 14) до резкой, с подчеркнутым плечиком, выделенной шейкой (рис. 3, 7, 9—12). Среди горшков типа II выделяется вариант с прямым или косым срезом венчика (рис. 3, 15—18). В целом же венчики этого варианта имеют такой же профиль, как и основная группа горшков типа II.

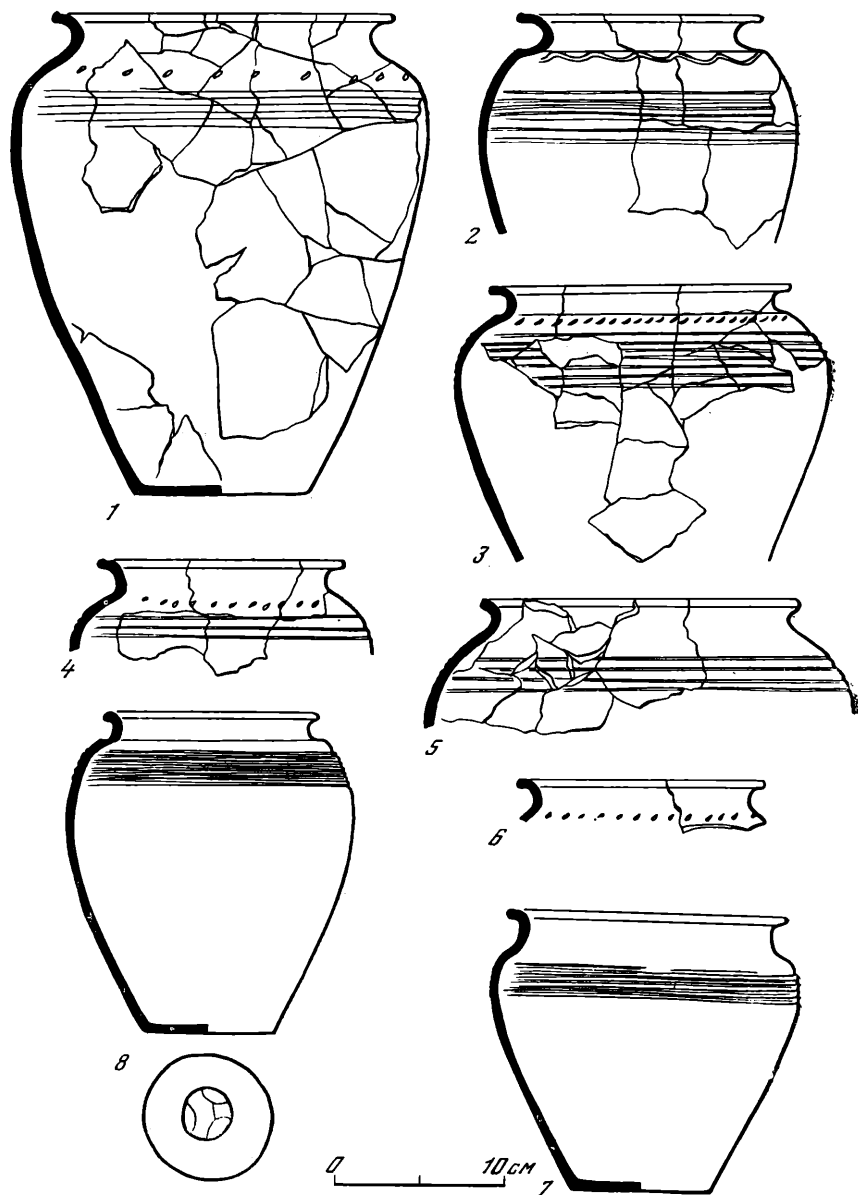


Рис. 2. Керамика из жилища (1—7) и из ямы (8)

Большая часть сосудов типов I и II орнаментирована. Помещается орнамент лишь в верхней части сосудов — на плечиках. Основным элементом орнамента — врезные горизонтальные линии (от трех до семи и более) в сочетании с косыми насечками или ногтевыми вдавлениями, с сегментовидными углублениями или так называемыми галочками, которые, как правило, размещаются выше пояса врезных горизонтальных линий. Иногда горизонтальные линии сочетаются с «волной». Очень редко встречаются косые насечки по внутреннему краю венчика. Оба типа горшков общерусские и датируются XII—XIII вв.<sup>13</sup> Наиболее близкая керамика найдена на древнерусских городищах бассейна Сулы<sup>14</sup>.

На поселении обнаружены три обломка стенок амфор красновато-коричневого цвета с частыми, глубоко врезанными, местами смазанными



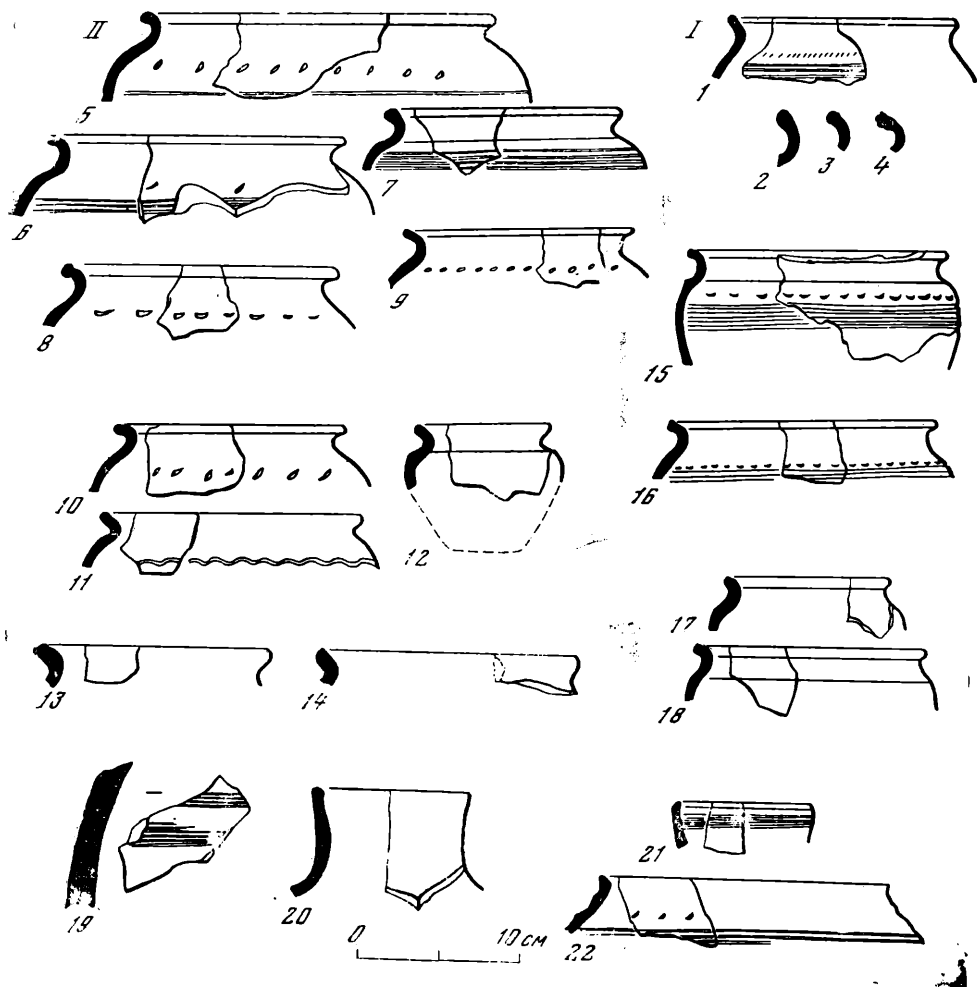


Рис. 3. Керамика из культурного слоя поселения

1—4 — фрагменты горшков типа I; 5—18 — фрагменты горшков типа II; 19—20 — прочие керамические формы

бороздками (рис. 3, 19). Толщина черепка в изломе 1,7 см. Наблюдаются лакуны от сгорания подмешанной в глиняное тесто соломы. Эти обломки принадлежат толстостенным грушевидным амфорам с узким дном, высоким горлом и поднятыми над ними массивными ручками. Такие амфоры встречаются в очень небольшом количестве в Северном и Западном Причерноморье с нумизматическим материалом XII—XIV вв.<sup>15</sup> и в городах древней Руси, где датируются XI — первой половиной XIII в.<sup>16</sup>

Из индивидуальных находок следует отметить железные долото и нож (шурф 5 на городище), железное долото и эллипсоидную бусину из глухого стекла (раскоп 1, квадраты Б2 и В3). Бусина коричневого цвета, украшенная радужными гирляндами с двух концов. Чередуются желтый и голубой цвета. Выполнена она путем накручивания расплавленной стеклянной нити на стержень<sup>17</sup>. Аналогичные бусы найдены в детском погребении 53 могильника у юго-западной стены Саркела — Белой Вежи<sup>18</sup>. Могильник датируется XI — первой половиной XII в.<sup>19</sup>

Таким образом, учитывая плановую схему городища, типологию керамики, конструкцию жилища, находки фрагментов причерноморских амфор XII—XIII вв., бусины и шиферного пряслица, поселение у с. Сенча на Сампсониевом острове можно предварительнo датировать временем между концом XI и началом XIII в.

На месте современного с. Сенча историки и археологи вот уже около века помещают летописный город Синец (Синеч)<sup>20</sup>. Самое раннее упоминание Синца в письменных источниках имеется в Списке русских городов дальних и ближних, включенном в начальную русскую летопись в конце XIV—XV в.<sup>21</sup> Более определенные сведения о местоположении летописного Синца дает Книга Большому Чертежу (XVI в.): «А выше Снятина 3 мили на Суле град Синча»<sup>22</sup>. Известна Сенча и среди «мест» в ярлыке хана Менгли-Гирея (1506 г.)<sup>23</sup>. Таким образом, о Синце XII—XIII вв. прямыми летописными сведениями нет, хотя Список русских городов... безусловно восходит к более древней письменной традиции. С другой стороны, судя по археологическим материалам, жизнь на поселении, как и на большинстве посульских городищ, упомянутых в летописи, прекратилась не позднее XIII в. и больше не возобновлялась. Следы Синца XIV—XVI вв., возможно, отыщутся на другом городище у с. Сенча — в урочище Замок, до сих пор не подвергнувшись серьезному обследованию<sup>24</sup>. Рассмотренное городище у с. Сенча следует считать одним из пунктов в системе укреплений, возведенных на Суле в конце XI—XII в.

- <sup>1</sup> Ляскоронский В. Г. Городища, курганы и длинные (змиевые) валы в бассейне р. Сулы. М., 1904, с. 8.
- <sup>2</sup> Ляпушкин И. И. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. Архив ЛОИА, ф. 35, оп. 1, № 96, с. 87, 88, В 1946 г. городище обследовал Ф. Б. Копылов (Копылов Ф. Б. Посульская экспедиция 1945—1946 гг.— АП, т. I. Київ, 1949, с. 247, 248).
- <sup>3</sup> Ляпушкин И. И. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа.— МИА, № 104, 1961, с. 340, 341.
- <sup>4</sup> Сухобоков О. В. Славяне днепровского левобережья. Киев, 1975, с. 60, рис. 30.
- <sup>5</sup> Горюнов Е. А. Отчет о работе Днепровского левобережного отряда ЛОИА АН СССР в 1972 г. Архив ЛОИА АН СССР, ф. 35, оп. 1, с. 19—23.
- <sup>6</sup> Горюнов Е. А. Отчет..., с. 19; он же. Некоторые вопросы истории Днепровского лесостепного левобережья в V — начале VIII в.— СА, 1973, № 4, с. 107, 108, рис. 3, 1—9.
- <sup>7</sup> Городища с кольцевым валом появляются на днепровском левобережье с конца XI в. (см.: Раппопорт П. А. Военное водчество западнорусских земель X—XIV вв.— МИА, № 140, 1967, с. 202).
- <sup>8</sup> В работе будут рассмотрены материалы разведок 1948 г. и раскопок 1972 г.
- <sup>9</sup> Яма неправильной конфигурации с неровным дном, глубина ее от уровня пола от 0,05—0,1 до 0,3 м.
- <sup>10</sup> Раппопорт П. А. Древнерусское жилище.— САИ, вып. Е1-32, 1975, с. 122—127, 151—154.
- <sup>11</sup> Кучера М. П. Древньюрское городище в х. Миклашевському.— Археологія, т. XIV, 1962, с. 102—104, рис. 10; Кілієвич С. Р. Археологічні розкопки біля с. Жовнив.— Археологія, т. XIX, 1965, с. 190, 191, рис. 2; Довженко В. И., Гончаров В. К., Юра Р. О. Древньюрське місто Воїнь. Київ, 1966, с. 59—63, рис. 17, 18.
- <sup>12</sup> Учитывался только профиль венчика, так как для сравнения пропорций сосудов пока недостаточно данных.
- <sup>13</sup> Малевская М. В. К вопросу о керамике Галицкой земли XII—XIII вв.—КСИА, 120, 1969, с. 6—10, рис. 2, 1—6; 3, 8—14.
- <sup>14</sup> Довженко В. И., Гончаров В. К., Юра Р. О. Древньюрське місто Воїнь, табл. VII, 1—3; VIII, 1—4; IX, 1—3; X, 13—15, 17, 28—30; Кучера М. П. Древньюрське городище біля хутора Кизивер.— Археологія, т. XVI, 1964, рис. 8; он же. Древньюрське городище в х. Миклашевському, с. 104, рис. 11, 6; Раппопорт П. А. Археологические заметки о двух русских оборонительных сооружениях XII в.—КСИИМК, 54, 1954, с. 184—186.
- <sup>15</sup> Антонова И. А., Даниленко В. Н., Ивашуга Л. П., Кадеев В. И., Романчук А. И. Средневековые амфоры Херсонеса.— Уч. зап. УрГУ, № 112, сер. истор., вып. 22, 1971, с. 93, рис. 24.
- <sup>16</sup> Малевская М. В. Амфоры Новоградка XII—XIII вв.— В кн.: Тезисы докладов к конференции по археологии Белоруссии. Минск, 1969, с. 185, 186, рис. 1, 1.
- <sup>17</sup> По определению З. А. Львовой.
- <sup>18</sup> Артамонова О. А. Могильник Саркеда — Белой Вежи.— В кн.: Труды Волго-Донской археологической экспедиции, т. III (МИА, № 109). М.—Л., 1963, с. 181, рис. 120 на с. 182, рис. 52, 20а.
- <sup>19</sup> Там же, с. 77.
- <sup>20</sup> Ляскоронский В. Г. История Переяславской земли с древнейших времен до половины XIII столетия. Киев, 1897, с. 147, 148; Падалка Л. В. Прошлое Полтавской территории и ее заселение. Полтава, 1914, с. 33, 35 (карта); Мавродин В. В. Очер-

ки истории Левобережной Украины. Л., 1940, с. 20; Довженок В. И. Сторожевые города на юге Киевской Руси.— В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 38 (легенда к карте).

<sup>21</sup> Тихомиров М. Н. Список русских городов дальних и ближних.— Исторические записки, т. 40, 1952, с. 223.

<sup>22</sup> Книга Большому Чертежу. М.— Л., 1950, с. 108.

<sup>23</sup> Любавский М. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства. М., 1892, с. 246, 247.

<sup>24</sup> Ляскоронский В. Г. История Переяславльской земли..., с. 147, 148.

Г. С. ЛЕБЕДЕВ

## СОПКА У Д. РЕПЬИ В ВЕРХНЕМ ПОЛУЖЬЕ\*

Сопка у д. Репьи Лужского р-на Ленинградской обл. находилась на восточном берегу Череменецкого озера — в Верхнем Полужье, где, как и в некоторых других местах, накладываются друг на друга ареалы сопок и длинных курганов северной группы. Впервые памятник был обследован Г. П. Гроздиловым и П. Н. Шульцем в 1927 г.<sup>1</sup> Под № 325 сопка у д. Репьи вошла в сводку Н. Н. Черныгина<sup>2</sup>, под № 365 — в каталог В. В. Седова<sup>3</sup>. В 1970 г. насыпь была вновь обследована, а в 1972 г. — раскопана Лужским отрядом Северо-Западной археологической экспедиции Ленинградского государственного университета<sup>4</sup>.

Сопка стояла в яблоневом саду совхоза «Скреблово», в 200 м к северу от деревни, примерно в 80—100 м от края высокой второй надпойменной террасы и в 200 м от озера. С востока и юга она окружена курганно-жальничным могильником, частично уничтоженным при дорожных работах. Высота насыпи к моменту раскопок составляла 3,7—3,8 м, диаметр — 18—20 м, вершина производила впечатление уплощенной. Под дерном, особенно с южной и юго-западной сторон насыпи, прощупывались, а кое-где виднелись на поверхности массивные камни обкладки. Северная пола была повреждена старыми ямами, на вершине также была вырыта яма, уже сравнительно недавно. По словам местных жителей, мальчишки несколько лет тому назад нашли здесь «череп и саблю»; обнаружить следы этих находок нам не удалось.

За исключением сопки у д. Средние Озерцы, раскопанной в 1903 г. К. Д. Трофимовым, и насыпи у д. Косицкое, исследованной в 1878 г. Н. Г. Богословским<sup>5</sup>, в Верхнем Полужье погребальные памятники этого типа до сих пор не изучались. Сопка у д. Репьи оказалась первой насыпью, раскопанной на снос, с последовательной фиксацией раскрытых объектов на плане и в разрезах (рис. 1, I—IV; 2, I, II; масштаб общий).

Прямо под дерном по всей поверхности насыпи залегал слой плотного красного песка мощностью 0,3—1,0 м, местами переходившего в суглинок. В основании слоя, особенно в юго-западном секторе, были расчищены камни — валуны и плиты, составлявшие вымостки, оградки или сливавшиеся в сплошной каменный «панцирь», плотно покрывавший поверхность насыпи. Эти сооружения выделены и зафиксированы как нулевой ярус (рис. 1, I); Среди камней была найдена гончарная керамика XII—XIV вв.

Ниже камней залегали погребения яруса 1. Первое из них, разрушенное ямой, прорезавшей каменную вымостку над захоронением, находилось на вершине насыпи. Умерший, судя по сохранившимся останкам, лежал головой на север. Над погребением была устроена каменная вымостка из двух слоев валунов, перекрытая слоем красного песка мощностью 0,5 м.

Остальные 26 погребений яруса 1 располагались в южных секторах по склону насыпи, примерно от середины ее высоты до основания. Все захоронения совершены по обряду труположения, скелеты лежали на спине, руки обычно сложены на груди или в районе таза. Девять костяков ориентированы черепом на запад; в остальных случаях ориентировка (чаще — в северной части румба) определялась, видимо, положением захоронения по отношению к окружности насыпи (рис. 1, II). В двух случаях (квадраты Б<sub>8</sub> и Д<sub>11</sub>, обозначения даны по координатам юго-западного угла) найдены одиночные захоронения черепов, обращенных лицом к центру насыпи. Почти половина (не менее 12) захоронений — детские, не менее трех — женские и не менее шести — мужские. В четырех случаях вокруг костяков прослежены остатки деревянных домовин. Одно погребение (квадрат Ж<sub>10</sub>), несомненно впускное, совершено в деревянном гробу, сколоченном коваными гвоздями.

По определениям антропологов, серия черепов яруса 1 характеризуется финно-угорскими признаками; в одном из захоронений (квадрат Г<sub>9</sub>; на левом боку, головой на северо-запад, со скрещенными ногами) отмечены лапоноидные черты<sup>6</sup>. Все захоронения сопровождалось каменными кладками, открытыми в нулевом ярусе. Возможно, расположенные на склонах сопки, эти кладки сдвинулись и деформировались под тяжестью перекрывавшего их слоя песка.

Нельзя точно определить время совершения этих захоронений. Из вещей на уровне яруса 1 найдена только бронзовая спираль в полтора оборота (рис. 1, V). Судя по встреченной выше камней керамике, погребения появились не позднее XII—XIII вв. И, бесспорно, лишь с этого времени сопка приняла те размеры и форму, которые считаются типичными для этой категории насыпей<sup>7</sup>.

Труположения яруса 1 лежали на поверхности более ранней насыпи, имевшей в высоту 2,3—2,7 м и в диаметре 14—16 м. Верхняя часть ее была сложена из мощного, до 1 м и более, слоя серого гумусированного песка. На его поверхности в древности образовался дерновый слой толщиной 2,5—4 см. После появления захоронений яруса 1 он был погребен под красным песком (рис. 1, III, IV).

Под гумусированным песком, в средней части и на юго-восточном склоне насыпи, залегают остатки захоронений яруса 2, совершенных по обряду сожжения. В средней части сопки, на глубине 1,8 м от современной вершины и на 1,8—2 м выше материка, в основании открыто обширное кострище, разделенное на два слоя прослойкой обожженного песка в северо-западном секторе (рис. 1, III, IV; 2, I). Кострище неправильно-овальной формы занимало площадь около 30 кв. м, мощность его от 10 до 30 см, толщина разделявшей кострище прослойки прокаленного песка 5—10 см. На кострище зафиксированы отдельные обгоревшие плашки, скопления обожженных камней, кучки золы. В плотном слое угля найдены кальцинированные кости, а в квадрате Ж<sub>6</sub> — костяная поделка — рукоять (может быть, от музыкального инструмента типа кантеле? — рис. 1, XII). Остатки захоронения были, по-видимому, собраны в берестяной туесок высотой 10 см и диаметром 16 см: под кучкой кальци-

Рис. 1. Сопка у д. Репьи. Верхние ярусы

I — план нулевого яруса; II — план яруса 1; III — разрез насыпи по линии запад — восток; IV — разрез насыпи по линии север — юг; V—VIII — бронзовые вещи из сожжения яруса 2; IX — железная сковорода; X — горшок; XI — берестяной туесок-урна (реконструкция); XII — костяная поделка

а — камни; б — труположения; в — гробовища; г — песок; д — гумусированный песок с погребенным дерном; е — суглинок; ж — глина; з — кострища; и — горелое дерево; к — сожжение в урне; л — сожжение в ямке; м — кальцинированные кости на кострище

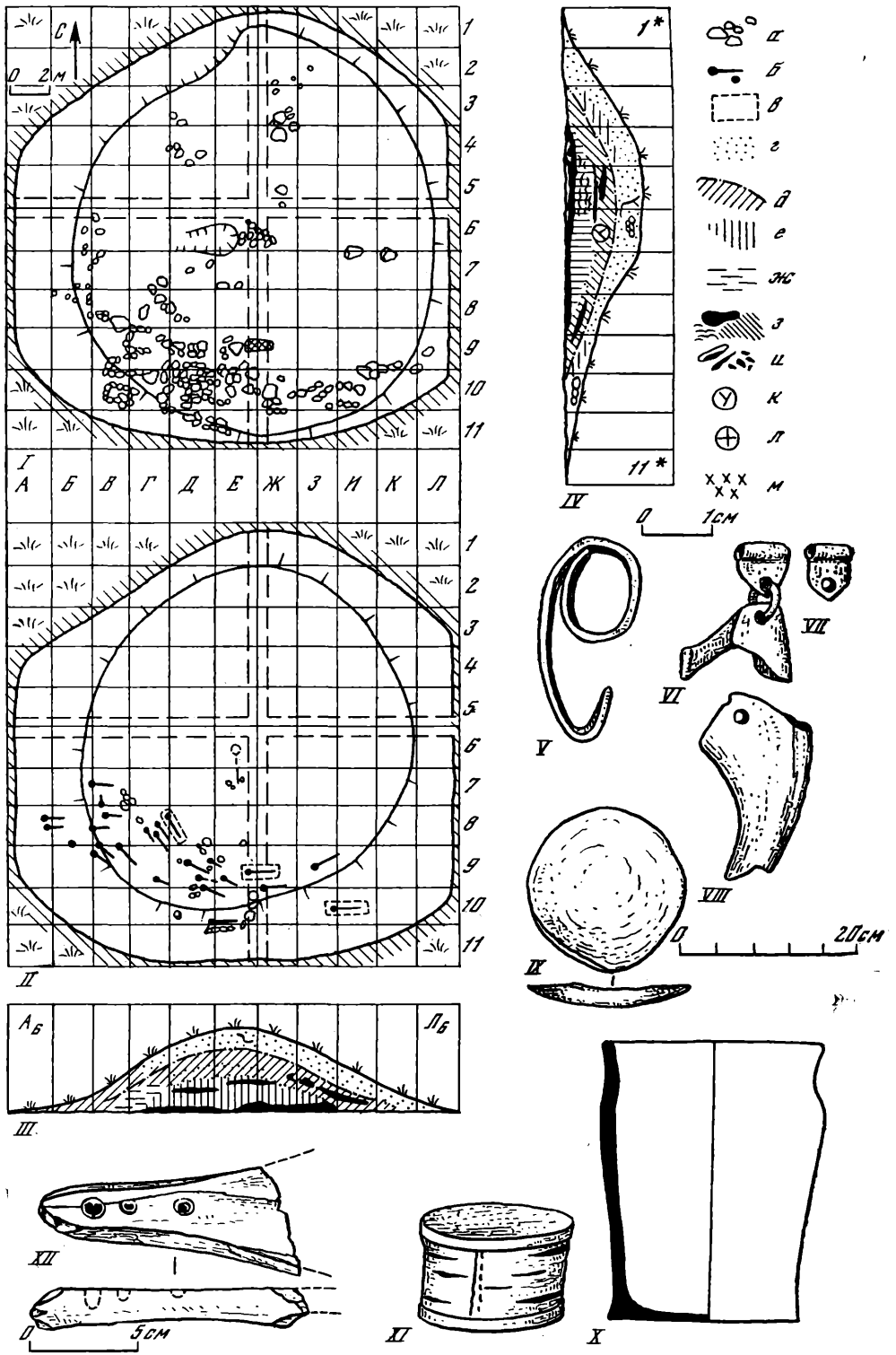


Рис. 1.

нированных костей, сохранившей размеры и форму погребальной урны, были расчищены остатки деревянного донца (рис. 1, XI).

Второе кострище яруса 2 лежало под слоем гумусированного песка по склону и вокруг основания насыпи, ориентированное с северо-востока на юго-запад. Длина его 6 м, ширина 3 м, в южной части прослежены сгоревшие плахи, в северной, среди угля и золы, — скопление кальцинированных костей. При них найдены обломки бронзовых шумящих подвесок (рис. 1, VI—VIII). Над кострищем в насыпи обнаружен развал лепного сосуда баночной формы (рис. 1, X) и железная сковорода типа приладожских с прикипевшими к ней угольками (рис. 1, IX).

Сожжения и кострища яруса 2 лежали на поверхности первоначальной погребальной насыпи, сложенной из светло-красного суглинка с включениями дерна, гумуса и золы. Эта насыпь была круглой в плане диаметром 13—15 м, со слегка уплощенной вершиной при высоте 1,3 м (рис. 1, III, IV). В основании ее, непосредственно на материке (плотный красный песок, местами — суглинок), открыто большое овальное кострище с остатками сожжений яруса 3 (рис. 2, II).

Площадь кострища яруса 3 более 50 кв. м. Мощность его в центре 5—10 см, ближе к краям толщина слоя угля и золы возрастает до 30—40 см. В северной части прослежены сгоревшие бревна и плахи длиной до 2,5 м с прикипевшими к ним кальцинированными костями и оплавившимися кусочками бронзы. На кострище обнаружены остатки по крайней мере трех сожжений, совершенных, судя по характеру угольного слоя и пятнам прокаленной земли под ним, непосредственно на месте сооружения насыпи.

Большое скопление кальцинированных костей, залегающих сплошной массой на пространстве около 2 м в длину и до 1 м в ширину, вытянутое с северо-запада на юго-восток, расчищено в квадрате Д<sub>8</sub>. Среди остатков сожжения найдены 18 бляшек-скорлупок (из них две серебряные, остальные — из бронзы), бронзовая обоймочка, пряжка и обломки круглой подвески (рис. 2, III).

К северу от этого захоронения, в квадратах Д<sub>5</sub> — Ж<sub>3</sub> находилось еще несколько кучек кальцинированных костей, лежавших среди углей погребального костра. Основная часть останков здесь была собрана в ямке диаметром 60 см, глубиной 40 см, вырытой в слое кострища и в материке. К югу — юго-востоку от ямки, на расстоянии 1,5 м от нее, в том же слое кострища обнаружены кальцинированные кости, по-видимому, собранные в туесок, как и в сожжении яруса 2. Остатки урны проследить не удалось, однако ее размеры и форму довольно точно сохранила компактная кучка костей диаметром 15 см и высотой 15 см; кальцинированные кости черепной коробки лежали сверху. Остатки захоронения находились внутри плотного «сфероида» из слежавшегося песка, напоминающего аналогичные погребения в курганах у д. Сытенка на Луге, раскопанных С. С. Гамченко<sup>8</sup>.

При расчистке захоронений в северной части кострища яруса 3 в угольном слое найдены целыми и в обломках 20 тонких бронзовых скобочек от головного венчика, две серебряные бляшки-скорлупки и обломки трапециевидной (?) подвески (рис. 2, IV).

Еще одно сожжение открыто в южной части кострища. Кальцинированные кости были собраны в ямку диаметром 40 см, глубиной 50 см,

Рис. 2. Сопки у д. Репьи. Нижние ярусы

I — план яруса 2 (условные обозначения те же, что на рис. 1); II — план яруса 3; III — вещи из сожжения квадрата Д<sub>8</sub> (а — серебро; б—в — бронза); IV — вещи из сожжения в северной части кострища (а — серебро; б — серебро); V — вещи из сожжения в южной части кострища (а, в, в — серебро; б, з — бронза; е — стекло)

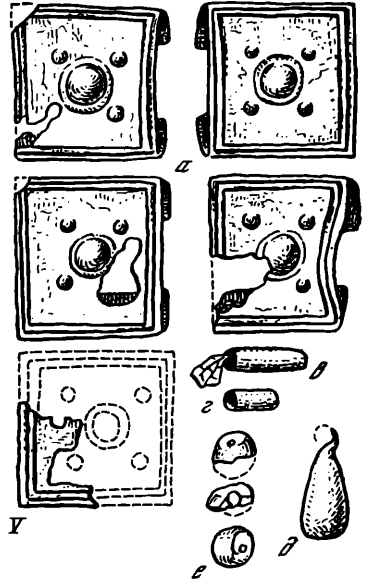
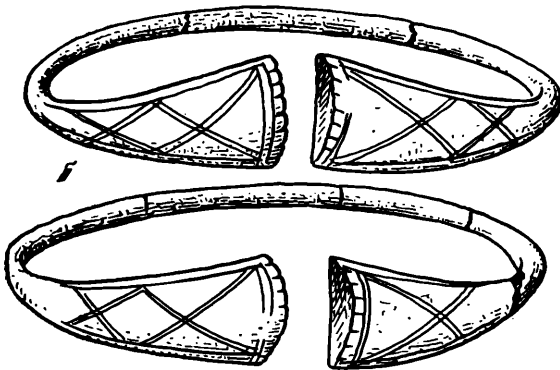
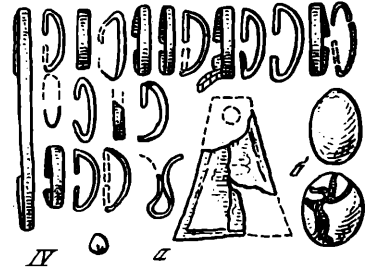
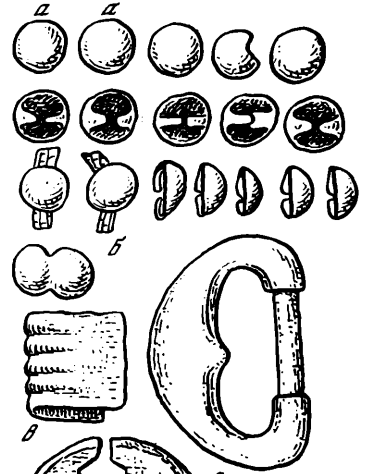
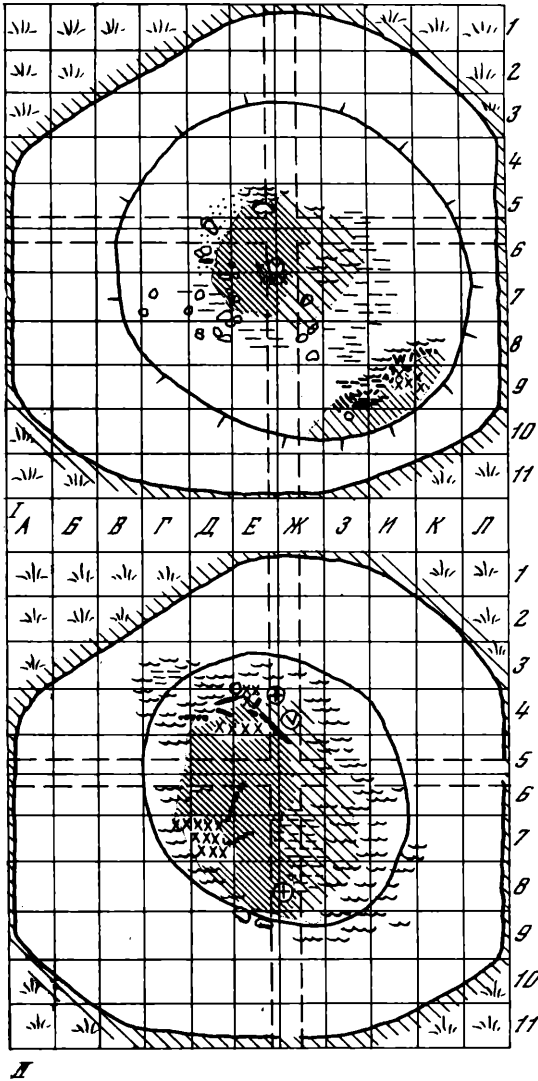


Рис. 2

вырытую в слое кострища и в материке. В ямке вместе с костями найдены два сломанных бронзовых браслета, пять серебряных квадратных пластин от головного венчика, бронзовые и серебряные пронизки, оплавленные синие стеклянные бусы (рис. 2, V).

Весь этот набор украшений в сопочных погребениях обнаружен впервые. Бляшки-скорлупки и стеклянные бусы отмечены только в насыпи у д. Горско в северной части Псковщины<sup>9</sup>, а эту насыпь до сих пор в число сопок включают условно<sup>10</sup>. В основном же вещи, аналогичные репьевским, известны в северных длинных курганах. Бляшки-скорлупки, найденные в кургане 1 у д. Михайловское, Я. В. Станкевич отнесла к V — началу VI в.<sup>11</sup> Комплексы с такими бляшками в кургане 13 у д. Светлые Вешки<sup>12</sup> и в кургане 9 у д. Арнико<sup>13</sup> датируются VI—VII вв., а курган 1 у д. Жеребятино с такими же бляшками В. В. Седов относит к VII—VIII вв.<sup>14</sup> Надо отметить также двойные бляшки-скорлупки, аналогичные репьевским, найденные в слое IV—VI вв. на Щербинском городище<sup>15</sup>.

Бронзовая обоймочка с гофрированной поверхностью (рис. 2, IIIe) по аналогии с находками в кургане у д. Лезги может быть отнесена к VI—VII вв.<sup>16</sup> Пряжка из сожжения в д. Репьи (рис. 2, IIIg) по форме ближе всего к пряжкам восточнолитовских курганов, которые Ф. Д. Гуревич датирует VI—VIII вв.<sup>17</sup> А. К. Амброз относит пряжки сходных типов ко второй половине VI и VII в.<sup>18</sup>

Серебряные пластины от венчика — прямоугольные с выпуклинами в центре — встречены в погребении VII—VIII вв. (Полибино)<sup>19</sup>. Кроме длинных курганов, пластинки близкой конструкции, но с иным декором, найдены на памятниках дьяковской культуры III—V вв.<sup>20</sup> Браслеты с расширяющимися, полуовальными в сечении концами и геометрическим орнаментом также известны в материалах из длинных курганов VII—VIII вв.<sup>21</sup>; с другой стороны, сходные формы с тем же орнаментом есть на памятниках дьяковской культуры IV—VI вв. (Успенское городище)<sup>22</sup>. Браслеты идентичной конструкции, с орнаментом из заштрихованных треугольников найдены в погребальных памятниках селов V—VIII вв.<sup>23</sup>

Таким образом, аналогии вещевому комплексу ранних погребений сопки у д. Репьи в основном обнаруживаются в культурах лесной зоны Восточной Европы третьей четверти I тысячелетия (V—VIII вв.). Узкую дату, т. е. хронологический интервал, в котором наиболее вероятно одновременное бытование всех датированных вещей, можно определить в границах от середины VI до конца VII столетия.

Очевидно, в это время были совершены первые сожжения с женским погребальным инвентарем, перекрытые сначала сравнительно небольшой (до 1,5 м) курганной насыпью. Дальнейшее преемственное развитие погребальной традиции связано скорее всего с деятельностью одного и того же древнего коллектива. Есть основания полагать, что преемственность не прерывалась вплоть до средневековья, когда формирование репьевской сопки завершилось появлением в ней труположений. Такие же погребения по обряду ингумации, с каменной кладкой были в многослойной сопке у д. Средние Озерцы в Полужье. В насыпи высотой 3,5 м у д. Уперска (верховья Волхова) костяки были обнаружены на 1,5 м выше основания; это обстоятельство озадачило исследователя (Н. Г. Богословского)<sup>24</sup>. И указанные погребения, и большинство репьевских труположений не могут быть трактованы как впускные захоронения.

Выступившая в новых материалах связь сопки с длинными, а также круглыми и одиночными «сопкообразными» насыпями VI—VIII вв. на северо-западе Восточной Европы (напомним, что здесь, в Полужье, длинные курганы сооружали еще в X в.)<sup>25</sup>; параллели деталям обряда (сковородки, одиночные черепа), обнаруживающиеся в приладожской курганной культуре X—XII вв. (следует отметить в связи с этим Тихвинские



сопки, исследованные А. И. Колмогоровым)<sup>26</sup>; наконец, связь сопки с жальниками — вот далеко не полный перечень новых вопросов, возникающих перед исследователями раннесредневековой культуры Северо-Западной Руси. Вероятно, дальнейшие раскопки полностью опровергнут сложившееся мнение о сопках как о памятниках, бедных материалом и невыразительных в отношении погребального обряда. Следует искать и новых оснований для разработки надежной хронологии древностей лесной зоны во второй половине I тысячелетия. Пока же придется с большой осторожностью и вниманием подходить к проблемам хронологического соотношения, культурной взаимосвязи и особенно этнической принадлежности всех категорий памятников Северо-Запада, исторически предшествующих древней Руси.

\* Доклад на славяно-русской секции пленума ЛОИА 9 апреля 1975 г.

- <sup>1</sup> Архив ЛОИА, ф. 2, д. 106/1927.
- <sup>2</sup> Чернягин Н. Н. Длинные курганы и сопки.— МИА, № 6, 1941, с. 119.
- <sup>3</sup> Седов В. В. Новгородские сопки.— САИ, вып. Е1-8, 1970, с. 46.
- <sup>4</sup> Лебедев Г. С., Дубов И. В., Розов А. А., Кузарева Л. С., Мордасов В. И., Козлова Г. А., Тюленев В. А., Ефимова Н. А. Раскопки под Лугой.— АО 1972 г. М., 1973, с. 22, 23.
- <sup>5</sup> Седов В. В. Новгородские сопки, с. 46, 47.
- <sup>6</sup> Определения сделаны студенткой кафедры этнографии и антропологии ЛГУ Г. А. Афанасьевой под руководством доцента ЛГУ И. И. Гохмана.
- <sup>7</sup> Седов В. В. Новгородские сопки, с. 5.
- <sup>8</sup> Гамченко С. С. Исследование курганов у д. Сытенки на левом берегу р. Луги в 1908 г.— ЗОРСА, IX, 1913, с. 161—221.
- <sup>9</sup> Спицын А. А. Археологический альбом.— ЗОРСА, XI, 1915, с. 238.
- <sup>10</sup> Седов В. В. Новгородские сопки, с. 47.
- <sup>11</sup> Станкевич Я. В. К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н. э.— МИА, № 76, 1960, с. 119, рис. 77, 2.
- <sup>12</sup> Кудряшов К. Отчет о раскопках 1911 г. в Гдовском уезде.— ЗРАО, IX, 1913, с. 251—255.
- <sup>13</sup> Моора Х. А. Об оловянных украшениях и их изготовлении в Прибалтике.— In: *Munera archaeologica Josepho Kostrzewski. Poznań*, 1963, s. 355.
- <sup>14</sup> Седов В. В. Длинные курганы кривичей.— САИ, вып. Е1-8, 1974, с. 29.
- <sup>15</sup> Дубынин А. Ф. Щербинское городище.— В кн.: Дьяковская культура. М., 1974, с. 235, табл. XI, 2.
- <sup>16</sup> Гроздилов Г. П. Археологические памятники Старого Изборска.— АСГЭ, 7, 1965, с. 77—87.
- <sup>17</sup> Гуревич Ф. Д. Древности Белорусского Поманья. Л., 1962, с. 61.
- <sup>18</sup> Амброс А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы.— СА. 1971, № 2, с. 110—114, табл. I, 40, 44; II, 7, 10, 21.
- <sup>19</sup> Седов В. В. Длинные курганы кривичей, табл. 25, 5.
- <sup>20</sup> Дубынин А. Ф. Щербинское городище, табл. XII, 2; XIV, 4.
- <sup>21</sup> Седов В. В. Длинные курганы кривичей, табл. 26, II, с. 28, 29.
- <sup>22</sup> Смирнов К. А. Дьяковская культура (материальная культура городищ между-рестья Оки и Волги).— В кн.: Дьяковская культура. М., 1974, табл. VII, 6.
- <sup>23</sup> *Urtans V. Etniskās atšķirības apbedīšanas tradīcijās un kapu inventārā Latvija 5—9 gs.*— In: *Archeologija un etnografija*, IX. Rīga. 1970, Ipp. 71, fig. 7, 2.
- <sup>24</sup> ИОЛЕАЭ, т. XXXI, ч. I, 1878—1879, с. 205, 206.
- <sup>25</sup> Лебедев Г. С. Длинные курганы Верхнего Полужья.— КСИА, 139, 1974, с. 73.
- <sup>26</sup> Колмогоров А. И. Тихвинские курганы.— Труды XV АС, т. I. М., 1914, с. 414—434.

## ХРОНИКА

М. Д. ПОЛУБОЯРИНОВА

СЕКТОР СЛАВЯНО-РУССКОЙ АРХЕОЛОГИИ  
В 1975—1976 ГГ.

Главным направлением исследований сектора славяно-русской археологии в последние годы стала работа над созданием «Археологии СССР». Сектор готовил таблицы по темам «Восточные славяне в VI—XIII вв.» и «Кочевые народы Евразии в эпоху средневековья», а также разрабатывал план тома «Древняя Русь. Город, замок, село, деревня».

Продолжалась работа по основным для сектора научным проблемам: этническая история славян и их соседей; генезис феодализма на Руси и у соседей Руси — балтских, финно-угорских и тюркских народов; история и культура древнерусского города; типология и хронология средневековых древностей Восточной Европы.

За 1975—1976 гг. были закончены и доложены сектору некоторые плановые темы.

В 1975 г. Л. В. Алексеев окончил годовую историографическую тему «История западнорусской археологии».

Л. А. Голубева представила работу «Идеологические представления угро-финских племен междуречья Оки и Волги. Птица и конь в украшениях и обрядах волго-окских финнов (вторая половина I — первая половина II тысячелетия н. э.)». Подробно разработаны хронология и классификация коньковых привесок и привесок-уточек; выделены украшения, являющиеся этнографическими признаками финно-угорских племен; установлено, что распространение подвесок за пределы их основных ареалов определяет пути колонизационных потоков.

А. В. Никитин завершил большую работу о славяно-русском населении севера Восточной Европы в XI—XVI вв. В результате многолетних археологических исследований курганных могильников он смог установить границы расселения славян на Вологодчине, мирный характер освоения края славянами в X—XII вв. Зафиксирована городская и крестьянская колонизация, уточнен характер отношений Москвы и Новгорода, ведших борьбу за эти районы.

А. А. Медынцева в 1975 г. выполнила двухлетнюю тему по русской эпиграфике, представленную в виде двух работ: «Тмутараканский камень» и «Написи на пряслицах», составляющих часть фундаментального исследования о древнерусских надписях на вещах, запланированного на ближайшие годы. Пользуясь методикой палеографического и лингвистического анализа, А. А. Медынцева успешно решает вопрос о Тмутараканском камне и извлекает интересный исторический материал из надписей на пряслицах.

М. А. Сабурова доложила оконченную плановую работу «Женский головной убор домонгольской Руси». На основании незначительных остатков, находимых в погребениях, и этнографических параллелей установлена племенная принадлежность отдельных типов головных уборов, выделены городские головные уборы. Работа рекомендована к защите в качестве кандидатской диссертации.

М. Д. Полубояринова закончила тему «Знаки на золотоордынских сосудах». В работе рассмотрены золотоордынские тамги на широком фоне тюркских тамг. Выяснено, что почти все знаки собственности помещались на ручках больших неполированных кувшинов, т. е. на тарной керамике. Поэтому можно предположить, что знаки ставились при транспортировке товаров. Во всяком случае, в керамических мастерских не найдены сосуды со знаками, а в одном жилом комплексе встречались самые разнообразные знаки. Это не позволяет предполагать принадлежность знака ремесленнику или заказчику.

В 1975 г. была также закончена работа С. М. Иовкова «Земледельческая техника Волжской Болгарии X—XIV вв.» Наиболее интересны разделы работы о почвообрабатывающих орудиях и о серпах, которые изучены с использованием математических методов.

В 1976 г. в секторе были закончены следующие темы:

Д. А. Беленькая представила работу «Материальная культура Великого посада Москвы». Сопоставление археологических материалов с письменными источниками позволило автору успешно локализовать в Китай-городе усадьбы нескольких видных московских семей.

М. В. Седовой закончена тема «Ювелирные изделия Новгорода X—XV вв.» Колоссальный привлеченный материал в сочетании с четкостью новгородской стратиграфии сделают книгу необходимым справочным изданием для всех археологов-медиевистов. Находки балтийских, скандинавских, кривичских и словенских украшений в предматериковых слоях позволяют сделать интересные исторические выводы о древнейшей истории Новгорода.

Т. Н. Никольская завершила работу над темой «Земля вятичей IX—XIII вв.» Составлена карта археологических памятников, изучены городские и сельские поселения, феодальные усадьбы. На этом основании написана история региона первых веков II тысячелетия н. э.

За два последних года сотрудниками сектора велась интенсивные полевые исследования. В 1975 г. Советско-Венгерская экспедиция под руководством С. А. Плетневой работала на одном из самых известных памятников салтовской культуры — Маяцком городище — и расположенных рядом с ним селище и могильник.

Верхнеокская экспедиция (руководитель Т. Н. Никольская) работала в Калужской обл., в основном на Воротынском городище. Сооружения и находки на этом памятнике относятся к двум эпохам: IV—VII вв. и XIII—XV вв.

Вологодская экспедиция (руководитель А. В. Никитин) раскапывала славянские памятники — две курганные группы и жальники.

Витебский отряд (руководитель З. М. Сергеева) в 1975 г. проводил разведки и раскопки по так называемому двинскому пути.

Волынская экспедиция (руководитель И. П. Русанова) раскапывала раннеславянские поселения Кодын и Кодын II в Черновицкой обл. На селище Кодын открыто 12 жилищ и среди них наиболее ранние славянские комплексы V в., датированные фибулами. На селище Кодын II открыты 22 полуземлянки, относящиеся к четырем периодам с V до VIII в.

Изборская экспедиция (руководитель В. В. Седов) продолжала исследовать систему оборонительных сооружений древнего Изборска. Обнаружены каменная крепостная стена XI—XII вв. и шестиугольная башня на мысу. Земляной вал более раннего времени прослежен на мысовой

и напольной сторонах городища. Исследованы жилища и вещевой материал в слоях VIII—X и X—XIII вв.

Белозерская экспедиция (руководитель Л. А. Голубева) продолжала обследование памятников Вологодской обл. для свода памятников РСФСР. Раскапывалось поселение X в. у д. Городище.

Старорязанская экспедиция (руководитель В. П. Даркевич) продолжала изучение прибрежной части городища Старой Рязани. Велись также раскопки грунтового могильника XI—XII вв. На пашне найдено несколько вещей из кладов золотых и серебряных украшений.

Новгородская экспедиция (руководитель Б. А. Колчин) работала на Троицких раскопах, где исследовалась богатая усадьба священнослужителя. Найдено много грамот. Среди других находок особенно интересны бронзовая фигурка Перуна и пятиструнные гусли середины XI в. с процарапанным именем владельца «Словиша». Найдены мостовые Черницовой улицы. В 1976 г. начали копать новый раскоп в прибрежной части Неревского конца — Дмитровский. Эта территория была заселена с рубежа XIII—XIV вв. Интересен склад железных криц в слое начала XIV в.

Суздальская экспедиция (руководитель М. В. Седова) продолжает раскопки города и прилегающего могильника. Изучается застройка и планировка посада, собран значительный вещевой материал. Интересна коственная печать XV в. с надписью «Печать Богданова».

Звенигородская экспедиция (руководитель А. А. Юшкб) продолжает работы на Городке в Звенигороде. Изучена система древней застройки города — порядовая, вдоль основной улицы. На участках близ Успенского собора найдены древние плитки и обломки сколотых фресок — следы перестроек собора.

Разведочный отряд Московской экспедиции (руководитель Р. Л. Розенфельдт) продолжает обследование археологических памятников Подмосковья и раскопки курганов.

В 1976 г. Л. В. Алексеев после перерыва возобновил раскопки древнего Мстиславля. Сняты верхние слои, обнаружен восьмиугольный бревенчатый донжон XV в. Вскрыт перекресток двух мощеных улиц.

Старорусский отряд Новгородской экспедиции (руководитель А. Ф. Медведев) в 1976 г. продолжил раскопки усадьбы ростовщика Демьяна XII в. и соседней с ней усадьбы ювелира-литейщика.

За два отчетных года было проведено 57 заседаний сектора, на которых были заслушаны доклады по плановым темам, ежегодные краткие отчеты о результатах экспедиций, доклады аспирантов. На этих заседаниях делали доклады и зарубежные ученые. В 1975 г. сектор заслушал и обсудил доклады З. Кланицы (ЧССР) «Сравнительный анализ восточнославянских и западнославянских укрепленных поселений»; Э. Домбровской (ПНР) «Проблема так называемых больших городов и этапы развития ранних средневековых городов у западных славян»; А. Сталсберг (Швеция) «Скандинавские вещи на Руси». В 1976 г. на секторе выступил с докладом С. Овчаров (НРБ) о рисунках на камнях Плиски и Преслава.

Интересные доклады были представлены сотрудниками других научных учреждений СССР. Т. А. Пушкина (ГИМ) рассказала о Гнездовском поселении, С. А. Беляев (в то время — ЛОИА) и И. А. Антонова (Херсонский музей-заповедник) — о новейших исследованиях в Херсонесе. Доклад Т. А. Пушкиной и В. Я. Петрухина «К социально-экономической характеристике Гнездовского археологического комплекса» вызвал ряд возражений. Новейшие работы в Пскове были освещены в докладах И. К. Лабутиной (Псков) «Раскопки последних лет в Пскове» и В. Д. Белецкого (Эрмитаж) «Фрески Довмонтова города». С. А. Беляев выступил с докладом «Корсунские врата из Новгорода». Некоторые из обсужденных работ рекомендованы сектором к защите в качестве кандидатских диссертаций, а позднее защищены на Ученом совете института (А. А. Куд-

рявцев. «Древний Дербент»; Е. А. Халикова. «Мусульманские некрополи в Болгарии IX—XIII вв.»).

Одно заседание было посвящено докладам сотрудников Московского архитектурного института Г. В. Борисевича («Опыт реконструкции древнерусского жилища») и Л. М. Лисенко («Архитектурно-археологическое изучение и реконструкция Покровской церкви в Кижях»).

В состоявшейся весной 1975 г. в Киеве отчетной сессии Отделения исторических наук АН СССР и Института археологии АН СССР приняли участие шесть сотрудников сектора. С докладами выступили В. П. Даркевич, М. А. Сабурова, А. А. Юшко.

На состоявшемся в ЧССР в 1975 г. Международном конгрессе славистов выступили с докладами Д. А. Беленькая и М. В. Седова.

В работе советско-венгерского симпозиума по истории и археологии кочевников (Москва, 1975 г.) приняли участие С. А. Плетнева (председатель) и А. А. Юшко (секретарь), а также А. К. Амброс. С. А. Плетнева и А. К. Амброс участвовали в 1976 г. в работе Международной конференции по истории протоболгар в Шумене (НРБ).

Л. А. Голубева и А. В. Куза приняли участие в 1976 г. в советско-финляндском симпозиуме по средневековой археологии в Ленинграде, причем Л. А. Голубева выступила с докладом. Еще один доклад был сделан Л. А. Голубевой в Ленинграде на VII Всесоюзной конференции по скандинавистике.

На V Крупновских чтениях по археологии Кавказа (Махачкала, 1976 г.) выступил с докладом А. К. Амброс.

В 1976 г. на Конференции по византиноведению в Москве выступил с докладом Г. К. Вагнер. А. А. Юшко сделала сообщение на XV сессии Всесоюзного симпозиума по вопросам аграрной истории Восточной Европы в Кишиневе.

Т. И. Макарова прочла доклады на Юбилейной сессии Керченского музея и на конференции, посвященной естественно-научным представлениям древней Руси.

М. В. Седова сделала доклад на конференции Владимиро-Суздальского музея. Р. Л. Розенфельд принял участие в состоявшейся в Звенигороде конференции по охране, музеефикации и учету археологических памятников.

В 1975—1976 гг. вышли из печати восемь книг, написанных сотрудниками сектора: Г. К. Вагнера «Белокаменная резьба древнего Суздаля», В. П. Даркевича «Светское искусство Византии» и «Художественный металл Востока»; Т. И. Макаровой «Перегородчатые эмали древней Руси»; Т. В. Николаевой «Прикладное искусство Московской Руси»; И. П. Русановой «Славянские древности VI—VII вв.»; С. А. Плетневой «Хазары»; В. П. Даркевича «Аргонавты средневековья» (две последние книги носят научно-популярный характер).

В вып. 144 Кратких сообщений института, вышедшем в свет в 1975 г., опубликованы статьи Д. А. Беленькой, Т. В. Николаевой, Т. В. Равдиной, М. А. Сабуровой, З. М. Сергеевой, А. В. Чернецова, М. Д. Полубояриновой. О результатах полевых исследований ежегодно сообщается в сборнике «Археологические открытия». Всего в различных изданиях за 1975—1976 гг. опубликовано более 90 статей сотрудников сектора славяно-русской археологии.

В 1975 и 1976 гг. А. А. Медынцева была в научной командировке в Болгарии, собирая материалы по древнеславянской письменности. В 1975 г. в рамках совместных советско-венгерских исследований на раскопках в Венгрии работали Т. И. Макарова и С. С. Ширинский. В 1976 г. в научной командировке в Чехословакии побывали В. В. Седов и С. С. Ширинский. В. В. Седов работал также в музеях Польши. А. В. Куза продолжает работу в Советско-Иракской археологической экспедиции.

## ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В вып. 144 «Кратких сообщений» была опубликована информация о докладе П. Н. Аркатова о новой идее графической реконструкции храма Покрова на Нерли. Церковь Покрова — один из важнейших и, несомненно, наиболее популярный памятник русского зодчества XII в. Правильное понимание его первоначального облика чрезвычайно важно как для общего представления о развитии древнерусского зодчества, так и для реконструкции других, хуже сохранившихся памятников. Именно поэтому вызывает решительные возражения предложение художника П. Н. Аркатова, являющееся не просто ошибочным, а принципиально неверным.

Фундаменты галереи у церкви Покрова на Нерли были вскрыты в середине XIX в. Несмотря на это, повторное открытие этих фундаментов Н. Н. Ворониным в 1954—1955 гг. поразило историков архитектуры. Трудно было расстаться с привычным представлением о полной законченности церкви Покрова, трудно было смириться с мыслью, что существующее очаровательное здание представляет собой лишь центральную часть некогда гораздо более сложного комплекса. Попытки усомниться в одновременности фундаментов галереи и самого храма были начисто сняты публикацией Н. Н. Воронина, из которой явствовало (на основании бесспорных стратиграфических наблюдений), что они, безусловно, одновременны.

Раскопки последних лет, проводимые на территории различных древнерусских городов, показали, что галереи имелись у гораздо большего количества храмов XII в., чем нам казалось ранее. Правда, ни в одном случае галереи не сохранились над поверхностью земли, и для суждения об их первоначальном облике большей частью имеются только косвенные данные. В силу этого первоначальный облик галерей реконструируют в значительной степени предположительно<sup>1</sup>. Лишь в одном случае — в соборе на Протоке в Смоленске — в раскопках найдена упавшая наружная стена галереи, что позволяет судить об облике этой галереи<sup>2</sup>. Тем не менее, сам факт широкого применения галерей в русском зодчестве XII в. сейчас уже не вызывает сомнений. План фундаментов галереи церкви Покрова очень близок планам галерей других памятников этого времени. Таким образом, данная галерея имеет многочисленные аналогии и входит в широкий круг близких по типу храмов. Чтобы предложить иную интерпретацию раскопанных фундаментов (вернее, не фундаментов, а стенок), нужно иметь очень убедительные аргументы. Какие же аргументы выдвигает П. Н. Аркатов? По существу никаких, кроме одного, — желания видеть основной объем храма открытым, не заслоненным примыкающей галереей.

П. Н. Аркатов предполагает, что раскопанное основание было не основанием галереи, а «фундаментом невысокой защитной стенки, предназначенной для ограждения основного здания от последствий половодья». Такое предположение опровергается следующими фактами:

1. Раскопанная стенка имеет с внутренней стороны расширения — основания пилястр, которые бессмысленны при интерпретации стенки в качестве «защитной», но вполне понятны при галерее.

2. Стенка обходила здание не со всех сторон, а только с трех, оставляя открытой восточную стену с апсидами, что характерно для галерей, но непонятно, если бы стенка должна была защищать от половодья, поскольку именно с этой стороны холм подвергается размыву водой Нерли.

3. Если бы раскопанная стенка была «защитной», с наружной ее стороны земля была бы расположена значительно ниже, чем внутри огражденного стеной пространства; как это изображено на рисунке П. Н. Аркатова. Но такое различие уровней поверхности по сторонам стенки не могло не найти отражения на стратиграфических разрезах. Между тем,

раскопки Н. Н. Воронина показали, что такой разницы в уровнях не было.

4. Поверхность искусственного холма, на котором возведен храм, имела каменную облицовку по склонам. Остатки такой облицовки были найдены в раскопках. Наличие подобного «панциря» на уровне основания храма начисто снимает возможность интерпретации раскопанной стенки как «защитной».

5. П. Н. Аркатов отмечает, что западный фасад храма несимметричен: его южное членение несколько уже северного. По мнению П. Н. Аркатова, «это могло быть сделано только в расчете на то, что подобная зодческая хитрость частично уравнивает в глазах зрителя примыкающую в этом месте лестницу». Но при наличии галереи лестница все равно выделяется, и, следовательно, несимметричность решения фасада ничего не дает в пользу аргументации П. Н. Аркатова.

Конечно, данных для реконструкции конкретных архитектурных форм галереи сейчас еще очень мало, что отмечает и сам автор реконструкции Н. Н. Воронин. Об этом еще следует думать и спорить. Сам же факт наличия галереи у церкви Покрова на Нерли не вызывает сомнений и оспорен быть не может.

*П. А. Раннопорт*

<sup>1</sup> См., например, реконструкцию церкви во Вщиже (*Рыбаков Б. А. Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж.*— В кн.: *По следам древних культур. Древняя Русь.* М., 1953, с. 119), Борисоглебской церкви в Чернигове (*Холстенко Н. В. Исследования Борисоглебского собора в Чернигове.*— СА, 1967, № 2, с. 207) и др.

<sup>2</sup> *Воронин Н. Н. Памятник смоленского искусства XII в.*— КСИА, 104, 1965, с. 20.

## СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АДУ — Археологічні дослідження на Україні. Київ  
АИУ — Археологические исследования на Украине. Киев  
АО — Археологические открытия  
АП — Археологічні пам'ятки УРСР  
АС — Археологический съезд  
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа  
ВАН — Вестник Академии наук СССР  
ВИ — Вопросы истории  
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры  
ГИМ — Государственный исторический музей  
ЗОРСА — Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества  
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей  
ЗРАО — Записки Русского археологического общества  
ИОЛЕАЭ — Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете  
КС — Київська старовина. Київ, 1972  
КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР  
КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук УССР  
АН УССР  
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР  
ЛГУ — Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова  
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР  
МАР — Материалы по археологии России  
МАЭ — Музей антропологии и этнографии  
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР  
МДАПВ — Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині  
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей  
СА — Советская археология  
САИ — Свод археологических источников  
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа  
СК — Стародавній Київ. Київ, 1975  
СЭ — Советская этнография  
Уч. зап. — Ученые записки Уральского государственного университета  
УрГУ  
АН — Archaeologia Hungarica  
MCA — Materiale și cercetări arheologice  
PZ — Praehistorische Zeitschrift  
SCIV — Studii și cercetări de istorie veche  
ZfA — Zeitschrift für Archäologie



## СОДЕРЖАНИЕ

### Статьи

<i>С. А. Плетнева.</i> Сектор славяно-русской археологии (проблемы и планы) . . . . .	3
<i>А. В. Куза.</i> Археологическое изучение древнерусских городов в 1962—1976 гг. . . . .	10
<i>Г. В. Борисевич, Т. Н. Никольская.</i> Один из памятников древнерусского градостроительства . . . . .	19
<i>Е. А. Горюнов, М. М. Казанский.</i> О происхождении широкопластинчатых фибул . . . . .	25
<i>М. А. Сабурова.</i> Древнерусская мелкая пластика как источник по истории одежды (головной убор) . . . . .	32
<i>З. М. Сергеева.</i> О прибалтийских шейных гривнах в древнерусских памятниках X—XIII вв. . . . .	35
<i>Р. М. Гаряев.</i> К вопросу об ориентации русских церквей . . . . .	40
<i>Е. Ю. Медникова, П. А. Раппопорт, Н. Б. Селиванова.</i> Изучение древне-смоленских строительных растворов . . . . .	44

### Полевые исследования

<i>С. В. Белецкий.</i> Раскопки в псковском кремле в 1972—1974 гг. . . . .	57
<i>В. В. Седов.</i> Лепная керамика Изборского городища . . . . .	63
<i>А. Р. Артемьев.</i> Наконечники стрел из раскопок Изборска . . . . .	67
<i>М. К. Каргер.</i> Церковь Благовещения в Витебске . . . . .	71
<i>Т. В. Равдина.</i> Стекланные браслеты Серенска . . . . .	76
<i>А. Н. Кирпичников.</i> Массовое оружие ближнего боя из раскопок древнего Изяславля . . . . .	80
<i>А. А. Пескова.</i> Древнерусское поселение у с. Сенча на Суле . . . . .	87
<i>Г. С. Лебедев.</i> Сопка у д. Репьи в Верхнем Полужье . . . . .	93

### Хроника

<i>М. Д. Полуляринова.</i> Сектор славяно-русской археологии в 1975—1976 гг. . . . .	100
<i>П. А. Раппопорт.</i> Письмо в редакцию . . . . .	104
Список сокращений . . . . .	108

**Славяно-русская археология**

КСИА, вып. 155

Утверждено к печати  
Ордена Трудового Красного Знамени  
Институтом археологии  
Академии наук СССР

Редактор издательства Н. И. Сергиевская  
Художественный редактор Н. Н. Власик  
Технические редакторы Т. А. Прусакова, Ф. М. Хенох  
Корректор Т. И. Борисова

ИБ № 5299

Сдано в набор 19.05.78.  
Подписано к печати 11/Х 1978 г.  
Т-18323. Формат 70×108<sup>1/16</sup>.  
Бумага типографская № 2.  
Гарнитура обыкновенная.  
Печать высокая.  
Усл. печ. л. 9,8. Уч.-изд. л. 10,2.  
Тираж 2000 экз. Тип. зак. 572.

Цена 1 р. 60 к.

Издательство «Наука»  
117485, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 94а  
2-я типография издательства «Наука»  
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10